ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов второй Всероссийской научно-практической конференции

30 ноября 2017 г.

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора О. В. Химичевой

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018

ISBN 978-5-9694-0524-0

Москва
2018

ББК 67.411
У26

Уголовное судопроизводство: стратегия развития : сборник научных трудов второй Всероссийской научно-практической конференции : научное электронное издание (2,10 МБ) – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018 г. – 286 с. − 1 электронный опт. диск (CD-R). − Систем. требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0524-0

В сборнике представлены тезисы выступлений участников Второй всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 30 ноября 2017 г. в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя. На конференции обсуждались актуальные проблемы современного уголовного судопроизводства, концептуальные подходы к реформированию как уголовного процесса в целом, так и его отдельных положений. В частности, состоялась научная дискуссия на следующие темы: основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства, проблемы правового регулирования отдельных стадий уголовного судопроизводства, вопросы эффективности, проблемы правовой регламентации и применения различных институтов и норм уголовно-процессуального права.

Материалы конференции могут оказаться полезными для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства.

Высказанные участниками конференции предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

ББК 67.411

Рецензенты: главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России» доктор юридических наук, профессор полковник полиции ***С. А. Невский***; главный эксперт-специалист аппарата Министра ДДО МВД России кандидат юридических наук полковник полиции ***Д. А. Бурыка***.

В авторской редакции

Научное
электронное издание

Компьютерная верстка *Трушкиной М. А., Усковой М. А.*

Усл.-печ. л. 16,6

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http: //www.mosu.mvd.ru, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллина Н. Р. О закреплении понятия «экстрадиция» в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 8

Акжигитова Р. А., Химичева О. В. Некоторые проблемы правоприменительной практики производства дознания в сокращенной форме 12

Алимамедов Э. Н. Ошибки следователя при решении вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого, повлекшие возвращение уголовного дела на дополнительное расследование 17

Алонцева Е. Ю. К вопросу о правовой природе протоколов следственных действий 20

Андреев А. В. Привлечение в качестве обвиняемого: о судьбе уголовно-процессуального института 23

Аристархов А. Л. Российский уголовный процесс смешанного типа: признаки приобретенной типизации 28

Артёмова Ю. А., Тутынин И. Б. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве 33

Басина А. С., Григорьев Д. А. Отдельные вопросы проведения эксгумации 37

Бекетов М. Ю., Саморока В. А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела 41

Бондаренко И. П. Роль позиций европейского суда по правам человека в обеспечении прав подозреваемых и обвиняемых при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу 45

Ву Зуй Линь Порядок признания лица потерпевшим в уголовном процессе Социалистической Республики Вьетнам 53

Герасенков В. М. Ускоренные формы предварительного расследования в уголовном процессе Российской Федерации 56

Грачев С. А. Норма об обязательном назначении экспертизы требует корректировки 60

Григорьев Д. А. Анализ некоторых положений проекта Федерального закона об особом порядке досудебного производства 64

Григорьева Н. В., Какабаев Б. А. Следователь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Туркменистана 68

Гурдин С. В., Чеботарева Е. А. К вопросу об отмене стадии возбуждения уголовного дела 73

Долгачёва О. И. Планирование расследования по уголовным делам о преступлениях в сфере топливно-энергетического комплекса 78

Емельянова Н. Ю., Рустамов Д. Р. О некоторых аспектах принципа разумного срока уголовного судопроизводства 83

Заливин А. Н., Рыжаков А. П. Наложение ареста на имущество «других лиц» 85

Иванов Д. А. К вопросу об осуществлении процессуального контроля за деятельностью следователей, дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением 90

Иен Нгуен Тхи Нгок Проблемы использования документации оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам 94

Касаткина О. И., Тутынин И. Б. Роль преюдиции в уголовном судопроизводстве 98

Клементьева Е. С., Васильева Е. С. К вопросу о разграничении следственных и процессуальных действий 102

Клещёв С. В. О процессуальном положения заявителя при рассмотрении сообщения о преступлении 106

Козлова А. А. Обстоятельства, исключающие участие судьи в уголовном судопроизводстве 113

Кокорева Л. В. Проверка показаний на полиграфе как новый вид следственных действий: проблемы теории и практики 117

Крашенинников Д. М., Емельянова Н. Ю. Введение института объективной истины: новелла или возвращение к традиционному процессуальному мировоззрению? 123

Кригер А. Е. «Заявитель» как участник уголовного судопроизводства 127

Крымов В. А. К вопросу о форме начала производства по уголовному делу 130

Кунашев М. А. Ограничение усмотрения следователя прокурором при направлении уголовного дела в суд 134

Кужевская Е. Б., Смык Е. И., Серебренникова Ю. С. Особенности производства следственных действий с участием иностранных граждан 138

Ле Куанг Вьет Предмет доказывания по уголовно-процессуальному законодательству Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации 141

Логинов Н. А. Обеспечение права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях 146

Медведева М. О. О перспективах реформирования уголовного процесса на базе внедрения информационных технологий 150

Мичурина О. В., Кураш К. А. Разграничение процессуальной компетенции начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в сфере руководства дознанием 154

Морозова А. А. Освобождение от уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе 157

Морозова Т. А. К вопросу о взаимодействии следователя с экспертными подразделениями при назначении биологической экспертизы 160

Нгуен Ван Тиен О содержании понятия «вред, причиненный преступлением», в уголовном процессе Социалистической Республике Вьетнам 164

Подустова О. Л. Гражданский иск как способ обеспечения возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением 168

Попенков А. В. О некоторых вопросах обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при изменении процессуального статуса 172

Пушкин А. В., Сладкова В. О. Перспективы развития института присяжных заседателей в России 175

Самарская Д. Р., Тутынин И. Б. О процессуальных гарантиях прав и свобод личности при применении мер процессуального принуждения 181

Сидоренко М. В. Коллизионная неопределенность российского уголовно-процессуального законодательства 183

Сидоров Ю. В. О некоторых вопросах обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых при расследовании и рассмотрении уголовных дел по существу 188

Сироткина Т. Г., Тутынин И. Б. Некоторые проблемы реализации принципа презумпции невиновности 192

Смык Е. И. Некоторые особенности производства освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего по уголовным делам о преступном неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего 196

Соколова М. В. Некоторые особенности наложения ареста на ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя 197

Степанова О. С. Направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам 201

Стрелкова Ю. В. Значение инструкций председательствующего судьи в механизме обеспечения правосудности вердикта присяжных 205

Тангриева В. Н. К вопросу о реализации права на защиту лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство 209

Терехов М. Ю., Ращенко А. С. Предъявление для опознания живых лиц в уголовном судопроизводстве России и США 212

Трефилов А. А. Организация расследования преступлений: опыт Швейцарии 217

Тутынин И. Б. О расширении круга лиц, в отношении которых возможно применение денежного взыскания как меры процессуального принуждения 220

Угольникова Н. В., Григорьева К. С. Соблюдение обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве 225

Фадеев П. В. Проблемы совершенствования процессуального статуса потерпевшего и гражданского истца 229

Федоров М. И., Малахов С. А. К вопросу о конкретизации оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу 234

Хмельницкая Т. В. Судебный способ формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу 237

Хренова Л. М., Тутынин И. Б. К вопросу о реабилитации несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном судопроизводстве 241

Чаплыгина В. Н. Некоторые аспекты реализации представителем гражданского истца своего процессуального статуса 245

Шаров Д. В. Интерес в уголовном судопроизводстве: сущность и правовая природа (тезисы) 250

Шувалов М. Н., Чувствина М. И. Адвокат – представитель в уголовном процессе 254

Шурухнов Н. Г., Воеводина И. В. Виды органов дознания – юридических лиц и органов дознания – должностных лиц: их компетенция по УПК РФ 259

Эдемский П. А., Емельянова Н. Ю. Поощрение правдивых показаний свидетеля: необходимость нормативно-правовой регламентации 268

Эсаулов С. В. О некоторых вопросах реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве 270

Якубина Ю. П. Осужденный как участник уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора 276

Яргутова В. Ю. Заключение специалиста и заключение эксперта: сравнительная оценка в свете уголовно-процессуального законодательства 281

Н. Р. Абдуллина[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

О ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРАДИЦИЯ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

До начала реформы российского законодательства в 90-х гг. XX в. правоведами дискутировался вопрос о том, какая отрасль права должна регулировать институт экстрадиции. Этот спор был разрешен с принятием УПК РФ. Так начался новый этап развития уголовного судопроизводства в целом, а главное, была поставлена точка в решении вопроса об отнесении института экстрадиции к уголовно-процессуальному праву.

К сожалению, российское законодательство до сих пор не содержит определения понятия «экстрадиция», которое, исходя из норм международного уголовно-процессуального права, давно должно было найти свое отражение в законодательных актах нашей страны. На законодательном уровне закреплены основные положения, регламентирующие выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора, и передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

На протяжении множества лет Россия осуществляет выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. Согласно статистическим данным, приведенным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, ежегодно Россия направляет в разные страны около 700 запросов об экстрадиции[2].

Термин «экстрадиция» берет свое начало от латинского слова «extradere», именно так обозначалось принудительное возвращение беглых подданных своему государству[3]. Историю зарождения экс-

---

[1] © Абдуллина Н. Р., 2018.

[2] Чарочкина В. Красота среди бегущих: куда и как бегут бизнесмены от российского правосудия. 19 октября 2016 г. Интернет-журнал «Секрет фирмы» https://secretmag.ru/trends/tendencies/beglecy.htm.

[3] Хурсевич А. А. ЭБ БГУ: Общественные науки: Государство и право. Юридические науки. Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. Мінск : БДУ, 2015. – № 2. – С. 84–88.

традиции в России связывают с 911 г., именно тогда был заключен русско-византийский договор между Киевской Русью и Византией. Сейчас уже нет рабства и беглых поданных, а данный термин относится к подозреваемым (обвиняемым или осуждённым), подлежащим выдаче по запросу иностранного государства.

Существует мнение, что термин «экстрадиция» относится к отрасли уголовного права, так как в большинстве документов, посвященных проблемам экстрадиции, используется понятие «выдача», в законодательстве зарубежных стран они используются как слова синонимы. Но в УПК РФ, также как и в УК РФ, отсутствует определение «экстрадиция».

В России используется термин «выдача». Несмотря на это, в действующем УПК РФ не закреплено ни понятие «выдачи», ни понятие «выдачи лица, совершившего преступление».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» не нашлось места разъяснению термина «экстрадиции», наравне с термином «выдача».

Существует множество вариантов определения «экстрадиции», предложенных различными авторами, но ни один не был учтен законодателем. Рассмотрим некоторые из них.

В. М. Лебедев, совместно с коллективом судей Верховного Суда Российской Федерации и другими правоведами, разъясняя ст. 13 УК РФ предложил следующее определение: «Выдача лица, совершившего преступление (экстрадиция), – это передача для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления или осужденного, государством, на территории которого находится преступник, другому государству, где было совершено преступление, или государству, гражданином которого является преступник»[1].

А. К. Строганова определяет «экстрадицию» как «один из видов международной правовой помощи по уголовным делам, которая, в свою очередь, входит в состав направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью»[2].

---

[1] Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 8-е изд. М. : Юрайт, 2008. С. 51.

[2] Строганова А. К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. М. : Щит-М, 2005. С. 5.

А. С. Гришин дает расширенное определение «выдачи» (экстрадиции) как «форму международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере, представляющая собой совокупность правовых отношений между государством с одной стороны и государством или иным субъектом международного права с другой стороны в связи с запросом о выдаче лица в целях привлечения его к уголовной ответственности или для исполнения вынесенного в отношении него приговора на основании международного договора, национального законодательства или принципа взаимности»[1].

Как отмечает П. С. Налбандян, экстрадиция – это процессуальная процедура по выдаче лица для уголовного преследования, исполнения приговора, а также по передаче лица для отбывания наказания либо применения к нему принудительных мер медицинского характера в иностранное или российское государство»[2].

По нашему мнению, понятие «экстрадиция» родовое. Оно включает в себя выдачу (передачу) лица и отказ в выдаче лица, а наравне и понятие «выдача лица, совершившего преступление». При этом, употребление понятия «выдача» по отношению к лицу, подвергающемуся «выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора», или лицу, осужденному к лишению свободы и подвергающемуся «передаче для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является», некорректно.

Тяжело не согласиться с мнением А. К. Романова и О. Б. Лысягина, которые считают, что «экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Процедура экстрадиции может завершаться и отказом в выдаче»[3].

Термин «экстрадиция» – более ёмкий и всеохватывающий. Данная позиция находит свое отражение и среди судей Верховного Суда Российской Федерации. При подготовке в 2012 г. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 «О практике рас-

---

[1] Гришин А. С. К вопросу о понятии выдачи лиц в целях осуществления уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиции) // http://www.publishing-vak. ru/file/archive-law-2014-1/2-grishin. pdf.

[2] Налбандян П. С. Проблемы регламентации и осуществления экстрадиции по уголовно-процессуальному законодательству России как вида правовой помощи по уголовным делам // Казанская наука. – 2012. – № 11. – С. 253–255.

[3] Лысягин О. Б., Романов А. К. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 91–98.

смотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» судья-докладчик по проекту В. Микрюков пояснил, что: «в настоящее время в российском законодательстве не закреплено даже понятие «экстрадиция». По его мнению, для более четкого правоприменения необходим как отдельный закон, уточняющий все стадии обращения с передаваемым другому государству человеком – арест, отбывание наказания, освобождение и другие, так и внесение изменений в УПК РФ»[1].

Кроме того, в «Руководящей записке по экстрадиции и международной защите беженцев», изданной Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в апреле 2008 г. указано именно это понятие, а не какое-либо другое: «Экстрадиция – это формальный процесс, включающий передачу лица одним Государством (далее – «запрашиваемое Государство») под юрисдикцию другого Государства (далее – «запрашивающее Государство») с целью уголовного преследования или приведения в исполнение судебного приговора»[2].

На наш взгляд, целесообразно законодательное закрепление понятия «экстрадиция». С этой целью, необходимо добавить п. 63 в ст. 5 УПК РФ со следующим содержанием: «Экстрадиция – это процессуальная процедура, включающая выдачу лица (отказ в выдаче) одним государством под юрисдикцию другого государства для уголовного преследования, исполнения приговора или для отбывания наказания».

---

[1] Статья от 15 июня 2012 г. Информационно-правовой портал ГАРАНТ. РУ: http://www. garant. ru/news/402458/#ixzz4yz6x3C3u.

[2] Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Руководящая записка по экстрадиции и международной защите беженцев, 1 апреля 2008 г., доступ по следующему адресу: http://www. refworld. org. ru/docid/4b697cc92. html.

Р. А. Акжигитова[1],
дознаватель 1 отдела Управления организации дознания
ГУ МВД России по г. Москве, магистрант факультета заочного
обучения Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

О. В. Химичева[2],
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Упрощенный порядок расследования уголовных дел в сокращенной форме сокращает время и затраты на реализацию назначения уголовного судопроизводства в связи с тем, что имеет существенные особенности доказывания. Выражается это, прежде всего в том, что, регламентируя производство дознания в сокращенной форме, гл. 32 УПК РФ сужает круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, разрешает использование в качестве доказательств сведений, полученных в ходе проверки сообщений о преступлениях, а также содержит и иные изъятия из общего порядка доказывания.

По общему правилу при производстве дознания в сокращенной форме доказательства собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 226^5 УПК РФ).

Исходя из буквального толкования этих положений УПК РФ, следует сделать вывод, что дознаватель, производя дознание в сокращенной форме, не должен устанавливать все обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, и освобождается от обязанности доказывать не только обстоятельства, исключающее преступность деяния; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, смягчающие и отягчающие от-

[1] © Акжигитова Р. А., 2018.
[2] © Химичева О. В., 2018.

ветственность; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления по уголовному делу, но также форму вины и мотивы.

Однако, утверждать, что закон не требует в подобных случаях устанавливать форму вины и мотивы, было бы неверным. Установить виновность лица означает доказать, что данное лицо совершило конкретное уголовно-наказуемое деяние. Вина – понятие более узкое, характеризующее не в целом состав преступления, а только его часть – субъективную сторону. Следовательно, установление виновности лица в совершении преступления не может не включать и доказывание формы вины и мотивов совершения преступления.

Как справедливо отметил А. А. Сумин, сокращение коснулось лишь объема собираемых доказательств, но никак не перечня обстоятельств, установленных ст. 73 УПК РФ. Оценка объема (достаточности) доказательств – категория достаточно субъективная («по внутреннему убеждению», руководствуясь при этом законом и не вполне содержательной с точки зрения права категорией совести). Кому-то собранных доказательств для вывода о виновности лица в совершении данного преступления достаточно, кому-то – нет, о чем красноречиво свидетельствуют и многочисленные факты возвращения прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования, и оправдательные приговоры судов, и прекращения судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям[1].

Если обратиться к ч. 2 ст. 226^5 УПК РФ, то в этой норме действительно предусмотрены сокращенные пределы доказывания: дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

Вместе с тем в ч. 2 ст. 226^5 УПК РФ закрепляет практическое невыполнимое правило: обязывает дознавателя в самом начале расследования с точностью определить, какие следственные или иные процессуальные действия необходимо произвести, иначе их непроведение повлечет невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Сделать это чрезвычайно трудно, поскольку зависит от множество факторов, изменяющихся в ходе производства расследования. Если дознаватель ошибется и не сможет определить, какие действия нужно произвести, чтобы не допустить указанные в ч. 2

[1] См.: Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. – 2013. – № 10. – С. 5–8.

ст. 226^5 УПК РФ последствия, ему не поможет восполнить доказательственную базу последующее производство дознания по этому делу в общем порядке.

Также остается неясным доказательственный статус сведений, которые содержаться в материалах проверки сообщения о преступлении. По большинству уголовных дел доказательства собираются уже после возбуждения уголовного дела путем проведения следственных действий. То есть происходит дублирование одних и тех же по существу действий, отказ от производства которых должен был, по замыслу законодателя, составить существо сокращенной формы дознания.

Правоприменительная практика производства дознания в сокращенной форме показала, что за 10 месяцев 2017 г. подразделениями дознания ГУ МВД России по г. Москве возбуждено 16734 уголовных дел в отношении конкретных лиц, в суд направлено 12909 дел, из них в сокращенной форме дознания 1588 дел, что составляет 9,5 % от числа возбужденных лиц в отношении конкретных лиц, и 12,3 % от общего количества уголовных дел, направленных прокурору с обвинительными актами и постановлениями.

Как правило, дознание в сокращенной форме осуществляется по преступлениям, предусмотренным:

ч. 3 ст. 327 УК РФ (Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков) – 28,5 % (2016 г. – 18,4 %);

ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию) – 19,9 % (2016 г. – 16,7 %);

ч. 1 ст. 158 УК РФ (Кража) – 13,7 % (2016 г. – 34 %);

ст. 322^3 УК РФ (Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации) – 11,4 (2016 г. – 6,72 %);

ч. 1 ст. 322^1 УК РФ (Организация незаконной миграции) – 4,1 % (2016 г. – 3,09 %);

ч. 1 ст. 228 УК РФ (Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средств или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) – 3,5 % (2016 г. – 3,03 %);

ч. 1 ст. 119 УК РФ (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) – 3,5 % (2016 г. – 4,5 %);

ч. 1 ст. 161 УК РФ (Грабеж) – 2,5 % (2016 г. – 3,5 %);

ч. 1 ст. 160 УК РФ (Присвоение или растрата) – 1,7 % (2016 г. – 1,13 %);

ч. 1 ст. 291^1 УК РФ (Посредничество во взяточничестве) – 1,45 % (2016 г. – 0,05 %);

ч. 1 ст. 166 УК РФ (Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения) – 0,8 % (2016 г. – 0,71 %);

ч. 1 ст. 214 УК РФ (Вандализм) – 0,8 % (2016 г. – 0,5 %).

Анализ причин, по которым дознание в сокращенной форме не получило более широкого распространения, показывает, что примерно в половине случаев это связано с отсутствием ходатайств подозреваемых о производстве дознания в таком порядке, а также возражением потерпевших против производства дознания в сокращенной форме.

Следует отметить, что прокурорами за указанный период для производства дознания в общем порядке и пересоставления обвинительного постановления возвращено 1,4 % уголовных дел, расследовавшихся в форме сокращенного дознания. При этом отметим, что данный показатель не превышает удельный вес уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного дознания при производстве дознания в общем порядке (7,8 %).

Основными причинами возвращения уголовных дел для производства дознания в общем порядке или пересоставления обвинительного постановления являются:

– недостаточность доказательств по уголовному делу, а также некачественный сбор материала доследственной проверки.

Так, Нагатинской межрайонной прокуратурой г. Москвы возвращено уголовное дело для производства дознания в общем порядке по обвинению И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264^1 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию): в нарушение требования ст. 73 УПК РФ не выяснено, на основании каких документов И. управлял автомобилем и кто является собственником данного транспортного средства;

– необходимость проведения судебных экспертиз.

К примеру, Гагаринской межрайонной прокуратурой г. Москвы возвращено уголовное дело для производства дознания в общем порядке по

обвинению А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ (Кража). В ходе расследования установлено, что причиненный А. ущерб потерпевшему М. согласно справке ООО «Авто Ритейл» составил 16198 рублей 39 копеек, однако в справке не указана сумма ущерба с учетом износа зеркальных элементов. И учитывая изложенное, с целью установления причиненного ущерба преступными действиями указано на необходимость проведения товароведческой экспертизы похищенных А. зеркальных элементов;

– не разъяснение подозреваемому (обвиняемому), потерпевшему прав и обязанностей при производстве дознания в сокращенной форме, а также порядка и правовых последствий данного вида дознания.

В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ (Присвоение или растрата), возвращенного Останкинской межрайонной прокуратурой г. Москвы для производства дознания в общем порядке. Установлено, что в нарушение норм ст. 226^4 УПК РФ ходатайство подозреваемым П. о производстве дознания в сокращенной форме подано без участия защитника, также в материалах уголовного дела отсутствует информация об уведомлении прокурора о производстве дознания в сокращенной форме.

К проблемных вопросов можно отнести случаи возвращения судом уголовных дел для производства дознания в общем порядке в связи с отказом подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и его представителя от производства дознания в сокращенной форме. В соответствии с ч. 3 ст. 226^3 УПК РФ эти участники уголовного судопроизводства вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора и такое ходатайство подлежит удовлетворению. Это выгодно, прежде всего, стороне защиты, поскольку, изучив все материалы уголовного дела, ознакомившись со всеми доказательствами, обвиняемый и его защитник могут заявить такое ходатайство и более выгодно для себя выстроить линию защиты.

Институт дознания в сокращенной форме, несмотря на название, получился сложным, в том числе и с точки зрения доказательственного права. Правоприменитель все дальше уходит от полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, учитывая лишь признание своей вины подозреваемым, обвиняемым и подсудимым и согласие с правовой оценкой деяния.

Несмотря на то, что институт дознания в сокращенной форме существует в уголовном судопроизводстве более четырех лет, практика показывает, что оно насыщено процедурами, которые противоречат сущности упрощенного производства. Это во многом препятствует полноценной реализации замысла законодателя по упрощению и ускорению уголовного процесса.

Э. Н. Алимамедов[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

ОШИБКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО, ПОВЛЕКШИЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Одним из значимых институтов уголовного судопроизводства является институт возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования. Об этом несомненно свидетельствуют актуальные данные судебно-следственной практики и результаты нормотворчества в данном направлении.

Например, рассматриваемые правоотношения подвергались правовому регулированию Федеральными законами от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Во-вторых, многие спорные вопросы института возвращения дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ были урегулированы постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а так же глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»; постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу

[1] © Алимамедов Э. Н., 2018.

о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»; постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В-третьих, согласно аналитическим данным ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, по итогам работы за 12 месяцев 2015 г. только следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве в суд с обвинительными заключениями направлено 13 386 уголовных дел, из которых 911 возвращено для производства дополнительного расследования (прокурорами и судами в порядке ст. 237 УПК РФ), то есть почти 7 %[1].

Одной из основных причин возвращения уголовных дел для дополнительного следствия явилось существенное нарушение уголовно-процессуального закона при предъявлении обвинения.

Согласно ст. 171 УПК РФ следователь при наличии достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления, выносит постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Одним из основных элементов привлечения лица в качестве обвиняемого является принцип достаточности доказательств. Понятие достаточности в УПК РФ не содержится, однако мы согласны с мнением А. В. Гриненко о том, что понятие достаточность доказательств применительно к предъявлению обвинения можно вывести из ряда процессуальных норм[2].

В ст. 73 УПК РФ содержатся обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые характеризуют объем и качество достаточности доказательств, необходимых для предъявления обвинения. Рассмотрим типичные ошибки следователя, послужившие причиной возвращения уголовных дел для производства предварительного следствия для устранения недостатков и предъявления обвинения в новой редакции.

---

[1] Аналитическая справка о причинах возвращения уголовных дел для дополнительного расследования в следственные подразделения ГУ МВД России по г. Москве за 12 месяцев 2015 г. (прокурорами и судами в порядке ст. 237 УПК РФ).

[2] Гриненко А. В. Обеспечение процессуальных прав лица при его привлечении в качестве обвиняемого // Адвокатская практика. – 2001. – № 3. – С. 23–26.

Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ необходимо установить событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), неустановление данных обстоятельств противоречат основам уголовного судопроизводства. Так, следователь в постановлении о привлечении М. в качестве обвиняемого, в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, не указал место и время совершения преступления[1]. Подобные факты являются существенным нарушением уголовно-процессуального закона и служат основанием для возвращения уголовного дела для производства дополнительного следствия[2].

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежит доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Отсутствие в деянии состава преступления не влечет за собой привлечение к уголовной ответственности, не свидетельствует о доказанности обвинения[3]. На практике это проявляется в двух формах: обвинение предъявлено, однако виновность лица в совершенном деянии недостаточно доказана; предъявленное обвинение не в полной мере соответствует собранным доказательствам подтверждающим виновность лица, то есть квалифицированы не все признаки состава преступления.

Так, например, следователю было возвращено уголовное дело в связи с тем, что предъявленное обвинение не соответствует фактическим материалам уголовного дела: преступление совершено в группе лиц, однако обвинение предъявлено без учета данных обстоятельств и без вменения соответствующего квалифицирующего признака[4].

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежит доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением. Так, следователю было

---

[1] Аналитическая справка о состоянии качества следствия по итогам работы за 9 месяцев 2015 г. следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве.

[2] См., например: Пушкарев В. В., Скачко А. В., Хмелев С. А. Расследование вымогательств : монография // М. : Буки Веди, 2014. 132 с.; Расследование хищений чужого имущества : учебное пособие / под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной. Волгоград : ВА МВД России, 2001. 104 с.

[3] Алимамедов Э. Н., Пушкарев В. В. Сущность, основание и задачи этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Научно-практический журнал «Апробация». – 2013. – № 11 (14). – С. 80–82.

[4] Аналитическая справка о причинах возвращения уголовных дел для дополнительного расследования в следственные подразделения ГУ МВД России по г. Москве за 12 месяцев 2015 г. (прокурорами и судами в порядке ст. 237 УПК РФ).

возвращено для дополнительного расследования уголовное дело по обвинению Ч. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с неустановлением размера причиненного ущерба. Для устранения допущенных нарушений прокурор потребовал назначить товароведческую судебную экспертизу[1].

Представляется, что выявленные и проанализированные ошибки следователя, повлиявшие на принятие им необоснованного процессуального решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, обоснованно послужили основанием для возвращения уголовного дела для производства предварительного следствия, вследствие чего была существенно снижена эффективность всего уголовного судопроизводства. Применение процессуального механизма возвращения уголовного дела для производства предварительного расследования должно определяться только реальными потребностями практики, обусловленными назначением уголовного судопроизводства, при надлежащих гарантиях соблюдения прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса.

Е. Ю. Алонцева[2],
доцент кафедры уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРОТОКОЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Расследование уголовного дела и процесс познания, происходящий в ходе расследования, имеет процессуальную форму. Под процессуальной формой в теории уголовного процесса подразумевается установленный порядок производства по уголовному делу, последовательность стадий, основания и порядок производства следственных и судебных действий, реализация полномочий должностных лиц, также форма и содержание решений этих лиц. Правовая природа протоколов следственных действий неразрывно связана с понятием процессуальной формы. Процессуальная форма обеспечивает соблюде-

[1] Аналитическая справка о состоянии качества следствия по итогам работы за 9 месяцев 2015 г. следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве.

[2] © Алонцева Е. Ю., 2018.

ние законности при производстве по уголовному делу и законность действий и решений следователя при производстве по уголовному делу. В связи с чем из всей совокупности норм, регламентирующих общие требования к составлению процессуальных документов, представляется необходимым рассмотреть те из них, которые являются наиболее дискуссионными и вызывают сложности правоприменения.

УПК РФ не дает понятия протоколов следственных действий. Тогда как протоколы следственных действий составляют основную структуру уголовных дел.

Некоторые авторы полагают, что в узком смысле протоколы представляют собой некую самостоятельную разновидность документов, которые составляет следователь, дознаватель[1].

Существует мнение о том, что это письменные акты, в которых дознаватель, следователь и суд в установленном законом порядке, на основании непосредственного восприятия и наблюдения отражают сведения о фактах, подлежащих доказыванию по уголовному делу[2].

В. П. Божьев считает, что протоколы в обязательном порядке возникают в связи с расследованием уголовного дела, соответственно составление протокола предусмотрено при производстве любого следственного и судебного действия.

В юридической литературе сформулировано множество и иных определений. Так, протоколы следственных действий – это письменные акты в которых фиксируются ход и результаты тех либо иных следственных действий[3].

С учетом приведенных выше суждений можно прийти к выводу, что протоколами следственных действий являются составленные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством документы, в которых удостоверяются обстоятельства и факты, могущие иметь значение для уголовного дела, которые были обнаружены самим следователем, дознавателем и лишь в ходе тех или иных следственных действий.

Принятие УПК РФ повлекло за собой некоторые изменения в сфере составления и использования протоколов следственных действий.

---

[1] Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1967. С. 301.

[2] Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1997. С. 29.

[3] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 102.

Так, законодатель предусмотрел правило, в соответствии с которым в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и их родственников, следователь вправе не указывать данные о личности потерпевшего, его представителя, свидетеля. Это является гарантией соблюдения принципов уголовного судопроизводства и обеспечивает безопасность участников судопроизводства.

Протоколы следственных действий и протокол судебного заседания названы в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств по уголовному делу. В этой статье законодатель не перечисляет протоколы конкретных следственных действий, являются доказательствами по уголовному делу, как это было в ст. 87 УПК РСФСР: «Протоколы, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента, составленные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, являются доказательством по уголовному делу», что предполагает расширительное толкование данного положения. В этой связи важно отметить, что не все протоколы следственных действий являются доказательствами. Только в тех случаях, когда следователь лично воспринимает сведения, имеющие значение для уголовного дела, протоколы следственных действий являются доказательствами.

Также следует отметь, что на законодательном уровне закреплены общие требования для составления протоколов следственных действий в ст. 166 и 167 УПК РФ. С правильным и отвечающим требованиям закона составлением протоколов следственных действий связано правило о допустимости доказательств. Протоколы следственных действий, составленные с соблюдением процессуальной формы, являются источником доказательств. В свою очередь, если протоколы составлены с нарушением требований закона, он могут быть признаны недопустимыми доказательствами по уголовному делу (ст. 75 УПК РФ).

Протоколы выступают в качестве доказательств как в судебном, так и в досудебном производстве. Разница между досудебным и судебным производством состоит не только в том, что в судебном производстве составляется только один протокол – протокол судебного заседания, но и в порядке составления. Так, ст. 166 УПК РФ предписывает следователю составлять протокол следственного действия в ходе проведения следственного действия, описывая при этом последовательно происходящие действия и события. С протоколом следственного действия

участники знакомятся незамедлительно после окончания следственного действия, могут делать замечания и заявления, подлежащие внесению в протокол. Протокол следственного действия подписывается всеми участниками следственного действия. В отличие от этого порядка, протокол судебного заседания ведется секретарем судебного заседания, который не является участником уголовного судопроизводства, изготавливается через 3 суток с момента окончания судебного заседания, подписывается председательствующим и секретарем судебного заседания. Внести изменения в протокол судебного заседания почти нереально, если не осуществлялась аудиозапись в ходе судебного заседания. Секретарь судебного заседания в соответствии со ст. 259 УПК РФ по ходатайству сторон и лиц, допрошенных в судебном заседании, в части их касающейся, может ознакомить с протоколом судебного заседания. Но если, к примеру, свидетель или эксперт не согласны с тем, как изложены их показания в протоколе судебного заседания, то непонятно, как внести эти замечания в протокол судебного заседания, так как в соответствии с ч. 1 ст. 260 УПК РФ замечания могут быть внесены только по ходатайству сторон. В связи с чем полагаем справедливым ч. 1 ст. 260 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В течение 3 суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания стороны и иные участники судебного заседания могут подать на него замечания».

А. В. Андреев[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО: О СУДЬБЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и их соблюдение – первоочередная обязанность государства. Основанное на Конституции Российской Федерации уголовное судопроизводство предназначено в соответствии со ст. 6 УПК РФ одновременно для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

[1] © Андреев А. В., 2018.

В целом на достижение указанных целей направлен весь комплекс закрепленных в УПК РФ процессуальных норм. Исходя из этого, лица, осуществляющие уголовное преследование, должны на всех стадиях уголовного судопроизводства обеспечивать права и законные интересы всех его участников.

Необходимость обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства на таком важном этапе предварительного расследования, как привлечение в качестве обвиняемого, обусловлено многими факторами. Именно на данном этапе появляется новый участник уголовного судопроизводства – обвиняемый, который ставится в известность о вменяемом ему деянии; изменяется правовой статус лица. При привлечении в качестве обвиняемого затрагиваются права и законные интересы и некоторых других участников уголовного судопроизводства: не только обвиняемого, но и потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика и их представителей.

Значение привлечения в качестве обвиняемого, как одного из важнейшего этапа предварительного расследования, обеспечивающего соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства отмечалось в научных работах многих выдающихся процессуалистов: В. П. Божьева, Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, М. С. Строговича и др.[1]

В последнее время в уголовно-процессуальной науке появилось кардинально новое мнение о значении привлечения в качестве обвиняемого, фактически отрицающее необходимость существования данного этапа предварительного расследования. Сторонники этой точки зрения считают, что для повышения эффективности производства предварительного расследования необходима замена гл. 23 УПК РФ «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявления обвинения» на норму об «Уведомлении о подозрении в совершении преступления на предварительном следствии». Данная позиция основана на рассмотрении сущности привлечения в качестве обвиняемого как

[1] См.: Божьев В. П. Актуальные проблемы производства по делу на рубеже двух главных стадий уголовного процесса // Законность. – 2008. – № 9; Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого. М. : Госюриздат, 1962; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве, их виды, содержание и формы. М. : Юрид. лит., 1976; Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955.

постановки в известность (уведомления) лица о юридическом и фактическом содержании данных, указывающих на его причастность к совершению конкретного преступления[1].

Стоит отметить, что, например, в некоторых государствах, образованных на постсоветском пространстве, привлечение в качестве обвиняемого было упразднено и заменено нормами об уведомлении лица о подозрении в совершении преступления. Так, согласно ст. 42 УПК Украины[2] права подозреваемого и права обвиняемого идентичны на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Обвиняемый (ч. 2 ст. 42 УПК Украины) – это лицо, в отношении которого обвинительный акт передан в суд для дальнейшего рассмотрения уголовного дела. Стоит отметить, что в указанном законе отсутствует правовое разграничение между обвиняемым и подсудимым. Другими словами, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства обвиняемый не участвует, а на судебных стадиях правовое положение обвиняемого и правовое положение подсудимого идентичны. Между указанными участниками уголовного судопроизводства существует лишь одно различие на досудебных стадиях: лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, именуется подозреваемым (ч. 1 ст. 42 УПК Украины), а после принятия уголовного дела судом – «обвиняемым (подсудимым)» (ч. 2 ст. 42 УПК Украины).

В УПК Республики Казахстан[3] обвиняемый был сохранен как один из участников уголовного судопроизводства, однако его фактическое участие в уголовном деле значительно сокращено по сравнению с уголовно-процессуальным законом Российской Федерации и ранее действовавшем уголовно-процессуальном законом СССР. Так, согласно ч. 1 ст. 65 УПК Республики Казахстан обвиняемым призна-

---

[1] Колбеева М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 13, 20.

[2] Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI // См. информационной портал «Право Украины» // URL http://pravo-ukraine. org. ua/resyrsi/kz/ugolovno-protsessualnyj-kodeks (дата обращения: 01.11.2017).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. Закон № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 9 апреля 2016 г.) // См. сайт информационной системы «Параграф» // URL http://online. zakon. kz/m/document/? doc_id=31575852#sub_id=650000 (дата обращения: 01.11.2017).

ется лицо, в отношении которого: во-первых, прокурором утвержден обвинительный акт; во-вторых, прокурором утвержден протокол об уголовном проступке и принято решение о направлении уголовного дела в суд по соответствующей статье (статьям) уголовного закона; в-третьих, досудебное расследование окончено заключением процессуального соглашения. В ч. 2 указанной статьи установлено, что обвиняемый, в отношении которого назначено судебное разбирательство, а по делам частного обвинения – в отношении которого жалоба принята судом к своему производству, именуется подсудимым. Другими словами, в Республике Казахстан привлечение в качестве обвиняемого как отдельный этап предварительного расследования отсутствует, и оно тесно связано с этапом окончания расследования уголовного дела. Стоит отметить, что обвиняемый, как один из участников уголовного судопроизводства, появляется лишь в момент утверждения соответствующего решения, а не как в Российской Федерации – с момента вынесения соответствующего решения. На наш взгляд, это лишает обвиняемого возможности участия в уголовном деле на досудебных стадиях, что делает указанного участника «юридической фикцией».

Нельзя согласиться с точкой зрения о том, что привлечение в качестве обвиняемого считается «архаизмом» современного уголовно-процессуального законодательства[1].

Проводимые исследования по данной проблематике показывают большую важность привлечения в качестве обвиняемого на стадии предварительного расследования. От законности и обоснованности решения о привлечении в качестве обвиняемого во многом зависит вынесение судом законного, обоснованного и справедливого приговора.

Данное суждение подтверждается тем, что в России количество вынесенных оправдательных приговоров суда с каждым годом снижается. Так, по статистике, приведенной председателем Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедевым, в 2013 г. было оправдано 4,5 % подсудимых[2]. В 2014 г. количество оправданных судом снизилось до 0,4 %. При этом большинство оправдательных пригово-

---

[1] Колбеева М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 13.

[2] Газета.ru. Электронный ресурс. URL: http://www. gazeta. ru/social/2014/02/11/5901105. shtml (дата обращения: 01.11.2017).

ров вынесено в мировом суде. Количество же оправдательных приговоров в районных и областных (и равных ему) судах – 0,1 %[1]. Тенденция по снижению вынесенных оправдательных приговоров сохранилась и в 2015 г. Так, при увеличении общего количества рассмотренных уголовных дел судами общей юрисдикции на 3 %, количество вынесенных ими оправдательных приговоров снизилось более чем на 14 % по сравнению с 2014 г.[2]

Приведенная выше статистика свидетельствует о том, что привлечение в качестве обвиняемого имеет важное значение для уголовного судопроизводства, в силу необходимости обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и со стороны защиты. Кроме того, защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого влияет на эффективность уголовного судопроизводства в целом, ограничивая возможность ведения уголовного преследования в отношении лиц, в отношении которых не собрано достаточно доказательств, подтверждающих их виновность.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что привлечение в качестве обвиняемого, хоть и является одним из самых стабильных институтов в уголовно-процессуальном праве и менее всего подвержен изменениям и дополнениям, но, тем не менее, главной тенденцией его развития в будущем должно стать постепенное расширение процессуальных гарантий, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

---

[1] BBC. com Россия. Электронный ресурс URL: http://www. bbc.com/ russian/ russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_ court_russia (дата обращения: 01.11.2017).

[2] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Данные судебной статистики за 2014 г. / Электронный ресурс. URL: http://www. cdep. ru/index. php? id=79&item=3009 (дата обращения: 01.11.2017) Там же // Данные судебной статистики за 2015 г. / Электронный ресурс. URL: http://www. cdep. ru/index. php? id=79&item=3417 (дата обращения: 01.11.2017).

А. Л. Аристархов[1],
ведущий научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук

РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС СМЕШАННОГО ТИПА: ПРИЗНАКИ ПРИОБРЕТЕННОЙ ТИПИЗАЦИИ

1. М. С. Строгович отмечает, что «состязательный процесс в своей основе есть процесс устный, сложный и непосредственный»[2]. Развитие российского уголовного процесса смешанного типа сопряжено с совмещением признаков как континентальной, так и англо-саксонской систем права. При этом А. Л. Оболкина обращает внимание на то, что «российский законодатель предпринял попытку смешанного заимствования и искусственного совмещения элементов обеих моделей»[3].

С началом действия УПК РФ, то есть с 1 июля 2002 г., уголовное судопроизводство также включило в свое содержание досудебное производство. Данная особенность, безусловно, отличает российский уголовного процесс, имеющий признаки континентального типа, от моделей англо-саксонской системы права. Как пишет Л. В. Головко, «подобная взаимосвязь уголовного дела и лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которая возникает с момента возбуждения уголовного дела и его принятия к производству конкретным следователем (дознавателем), характерна, главным образом, для уголовного судопроизводства континентального типа с присущим ему формализованным досудебным (предварительным) производством»[4].

2. В 2010 г. была введена гл. 40^1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Ключевой особенностью данного института является то, что его также характеризует согласие обвиняемого с предъявленным

---

[1] © Аристархов А. Л., 2018.

[2] Строгович М. С. Порядок советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., Юридическое изд-во НКЮ Союза ССР, 1939. С. 103.

[3] Оболкина А. Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам. – Омск, 2005. – С. 9.

[4] Курс уголовного процесса (под ред. Л. В. Головко). – М.: Статут, 2016.

ему обвинением. С. А. Касаткина отмечает, что «признание вины и согласие с предъявленным обвинением – это совпадающие по объему понятия»[1]. Указанный вывод также подтверждается положениями ч. 1 ст. 317[7] УПК РФ, в соответствии с которой судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, с учетом требований настоящей статьи. В свою очередь положения ст. 316 УПК РФ входят в гл. 40 УПК РФ, именуемую «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением».

В данном случае также следует указать на точку зрения Л. В. Головко о том, что «судебное разбирательство в США сегодня имеет место примерно по 3 % уголовных дел (в Англии – чаще). В остальных случаях обвинение и защита заключают «сделку»: обвиняемый признает свою вину, а прокурор «снимает», например, часть обвинения или переквалифицирует его на менее тяжкое»[2].

3. Учитывая, что большинство уголовных дел в Российской Федерации рассматриваются в особом порядке судебного разбирательства, вопрос о том, что характеризуют преобладающие признаки данного правового института в российском уголовном процессе остается актуальным, поскольку наряду с указанным порядком существует общий порядок судебного разбирательства.

Данная характеристика представляется важной, поскольку А. В. Смирнов отмечает, что «состязательность – не отдельный принцип, а форма или тип процесса»[3].

4. В настоящее время российский уголовный процесс также характеризует состязательное судебное разбирательство, которое осуществляется при активном участии сторон. Не оценивая данный аспект, а также положения УПК РФ в соответствующей части, хотелось бы лишь отметить, что указанная особенность является еще одним аргументом в пользу того, что отнесение российского уголовного процесса к континентальной системе права происходит преимущественно за счет содержания досудебного производства.

---

[1] Касаткина С. А. Упрощенная уголовно-процессуальная форма по УПК РФ (при признании обвиняемым вины) : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 64.

[2] Курс уголовного процесса (под ред. Л. В. Головко). М. : Статут, 2016.

[3] Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука, 2000. С. 7.

5. Начиная с 2013 г., признаки, не характерные для континентальной системы права, еще больше проявились в содержании досудебного производства. В данном случае подразумевается производство дознания в сокращенной форме. По результатам данных изменений понятие «доказательство» было расширено, не ограничиваясь перечнем доказательств, который перечислен в ч.2 ст. 74 УПК РФ. Так, согласно п. 4 ч. 3 ст. 226^5 УПК РФ с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

К числу особенностей указанной процессуальной деятельности следует отнести получение таких доказательств в досудебном производстве. При этом постановление о возбуждении уголовного дела применительно к дознанию в сокращенной форме стало сносить несколько другое значение, поскольку большинство процессуальных действий, интерпретируемых в качестве доказательств, может быть произведено в ходе проверки сообщений о преступлениях.

6. В 2015 г. в УПК РФ введено понятие «начальник органа дознания». Очевидно, что пределы ведомственного контроля данного субъекта не ограничены процессуальной деятельностью дознавателя, поскольку начальники органов дознания входят в систему правоохранительных органов, должностные лица которых уполномочены в том числе на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

7. Еще одним важным обстоятельством является изменение в 2016 г. полномочий защитника. В частности, согласно ч. 2^2 ст. 159 УПК РФ лицам, указанным в ч. 2 ст. 159 УПК РФ, не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами. При этом А. И. Макаркин пишет о «возможности осуществления стороной защиты деятельности по самостоятельному исследованию обстоятельств, поиску доказательств в целях обоснования собственного тезиса»[1]. И если вновь сделать проекцию на порядок производства до-

[1] Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии / науч. ред. В. В. Вандышев. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004. С. 106.

знания в сокращенной форме, то становится ясно, что данная процедура стала обособленной в российском уголовном процессе, поскольку доказательства, полученные дознавателем и защитником, с точки зрения особенностей процессуальной формы фактически приобретают самостоятельное значение.

8. С. Д. Шестакова отмечает, что «на стадии предварительного расследования такого функционального признака состязательности как разделения трех основных процессуальных функцией нет. Следовательно, предварительное расследование в российском уголовном процессе является розыскным»[1]. В связи с этим нельзя не отметить введение в 2015 г. новеллы, связанной с повышенными возможностями суда в досудебном производстве. В первом случае речь идет об особенностях рассмотрения судом отдельных категорий жалоб (ст. 125^1 УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 125^1 УПК РФ при рассмотрении жалобы на постановление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 24 и ч. 3 ст. 27 УПК РФ, судья проверяет законность и обоснованность данного решения, а также на основании доводов, изложенных в жалобе, законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процессуального принуждения путем исследования в судебном заседании имеющихся в уголовном деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах уголовного дела, по правилам, установленным главой 37 УПК РФ.

9. Вторая новелла касается производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51^1 УПК РФ). Очевидно, что данная конструкция для российского уголовного процесса также является новой. Однако можно предположить, что признаки, которые ей присущи, уходят корнями в прошлое. Так, согласно ст. 528 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. по заключению прокурора о прекращении дела окружной суд рассматривает следствие лишь в отношении тех лиц, которые привлечены к ответственности. При несогласии суда с мнением прокурора вопрос о прекращении дела представляется на разрешение палаты.

---

[1] Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2001. С. 84.

При этом возможность прекращения судом уголовного дела с назначением меры уголовного правового характера в виде судебного штрафа допустима и в стадии предварительного расследования. Такие особенности, безусловно, требуют научного анализа, поскольку являются необычными для современного российского уголовного процесса смешанного типа. В данном случае следует привести точку зрения В. П. Нажимова, определяющего признаки розыскного процесса тем, что он ведется в том числе органами следствия в условиях тайны и при отсутствии состязательности[1].

10. В итоге можно предположить, что российский уголовный процесс продолжает являться смешанным и относиться к континентальному типу. При определении его цели следует привести точку зрения В. И. Кононенко о том, что «цель уголовного процесса – обнаружение истины по уголовному делу, т. е. установление всех обстоятельств по делу в соответствии с тем, как они имели место в действительности»[2]. Одновременно следует согласиться с точкой зрения В. Н. Махова, отмечающего, что «уголовный процесс нашей страны имеет эксклюзивную форму, отличающуюся как от состязательной, так и от обвинительной, разыскной формы уголовного процесса»[3].

Вместе с тем смешение признаков типизации может затруднить его предназначение, способствуя излишней перегруженности действующих механизмов. При этом очевидно, в основе англосаксонской системы права лежит явное упрощение самого производства, что создает необходимость соблюдения баланса, исключающего возможность переноса «центра тяжести» российского уголовного процесса в противоположную сторону.

Соответственно, в зависимости от вектора совершенствования действующего уголовно-процессуального закона и от характера преобладания внутренних признаков типизации российского уголовного процесса будет «выстраиваться» и его внешняя конструкция. Эффективность же принятых новелл может быть определена только со временем.

---

[1] Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977. С. 28.

[2] Основы уголовного судопроизводства: Учебник для бакалавров / под ред. В. А. Давыдова и В. В. Ершова. М. : РГУП, 2017. С. 14.

[3] Махов В. Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса // Российский судья. – 2016. – № 9. – С. 11.

Ю. А. Артёмова[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

И. Б. Тутынин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ИСТИНЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С момента образования российского государства практически каждое столетие сфера уголовного судопроизводства претерпевает изменения: возрождаются, изменяются или упрощаются правовые институты, появляются новые нормы права. Институт истины в уголовном судопроизводстве – правовой институт, подвергающийся дискуссиям и изменениям на протяжении нескольких столетий. Вопрос о том, какое место она занимает в уголовном судопроизводстве, является в настоящее время не решенным.

Для определения понятия «истина» обратимся к смысловому значению, которое указано в толковом словаре С. И. Ожегова: «Истина – адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно»[3]. При этом следует отметить, что в таком определении не указан момент отображения реальности у субъекта, что не согласуется с понятием истины в уголовном процессе.

Истина в период становления российского государства рассматривалась как философская категория. Она была основана на положениях греко-римского права и являлась целью, которую должен достичь судья при вынесении решения по делу. Данная точка зрения просуществовала длительный период времени, и только в середине XIX в. нашла отражение в реформах Александра II. Русские юристы того периода определяли истину как цель уголовного процесса, законодательно закрепив в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.: «Направляя ход дела к тому порядку, который наиболее способствует

---

[1] © Артемова Ю. А., 2018.
[2] © Тутынин И. Б., 2018.
[3] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 397.

раскрытию истины …»[1]. При этом следует отметить, что Устав не содержал в нормах понятия истина.

Юристы обращались к философскому аспекту, который в вышеуказанный период времени определял истину как «объективную реальность, которая существует вне зависимости от субъекта познания»[2]. Последующие десятилетия институт истины утратил свое значение, а также упоминание о ней исчезло из нормативно-правовых актов.

УПК РСФСР 1960 г. в ст. 20 закреплял положение о том, что цель процесса доказывания – установление объективной истины по делу и предписывал принимать все предусмотренные законом меры к установлению истины.

В УПК РФ 2001 г. институт истины был исключен. Законодатель акцентировал внимание на принципах уголовного судопроизводства, в частности, на принципе состязательности. В связи с внесенными изменениям, в науке уголовного процесса появилось множество дискуссий по поводу исключенного правового института. Проанализировав ряд норм уголовно-процессуального права, следует отметить, что законодатель не отказывается полностью от установления истины в качестве цели уголовного процесса, в нормах прослеживается мысль о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела, возлагаемых на органы предварительного расследования.

Следует отметить, что несмотря на то, что в XX в. институт истины был законодательно закреплен – конкретный вид истины не был указан, что вызвало в последующем множество дискуссий.

Целесообразно рассмотреть позицию процессуалистов в поводу формальной и объективной истин.

Согласно первой концепции – истина в уголовном процессе может быть только формальной или процессуальной. Сторонниками второй концепции являются А. С. Александров, В. П. Божьев, Н. А. Громов, З. Д. Еникеев, В. И. Зажицкий, В. В. Золотых, Э. Ф. Куцова, которые в своих работах доказывают существование объективной истины. Они считают, что истина объективна, при этом достижение ее – есть цель доказывания[3].

---

[1] Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Директ-Медиа. М., 2015. С. 315.

[2] Пискун О. А. Проблема соотношения понятий «объективная» и «материальная» истина в уголовном судопроизводстве. Иркутск : БГУЭП, 2005. С. 73–76.

[3] Качалов В. И., Качалова О. В. Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях // Проблемы теории и практики. Сборник статей. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 37.

Ряд ученых, среди которых В. Балакшин, Н. А. Лукичев и др., полностью отрицают наличие формальной и объективной истины. Истина как цель уголовного судопроизводства – это синтез формальной и объективной истины[1].

Противоположная концепция отражена в работах Е. Б. Мизулиной и С. А. Пашина, которые считают, что истина в российском уголовном производстве не имеет разновидностей[2].

В науке предложено множество определений рассматриваемого концепта. Процессуалисты акцентируют внимание на том, что государственные органы и должностные лица так или иначе при расследовании уголовных дел устанавливают истину в качестве цели доказывания. Данная деятельность выражается в реализации определенных мер, которые направлены на полное и всестороннее исследование обстоятельств дела, а также косвенно прослеживается в нормах УПК РФ, например: 1) в случае вынесения обвинительного приговора, который основан на догадках и предположениях, он будет считаться недействительным; 2) вынесенные приговоры должны быть законными, обоснованными и мотивированными; 3) в случае нарушения принципов уголовного судопроизводства, таких как объективность и беспристрастность, участники вправе выразить в суде определенные претензии по мотивам нарушения проведения судебного процесса; 4) вывод о вине подсудимого может быть установлен судьей, который основывается на предложенных доказательствах[3].

Полное и всестороннее исследование дела реализуется при помощи различных процессуальных действий, а также при помощи таких способов познания как: оперативно-розыскных мероприятий, действий органов предварительного расследования. Важно отметить, что расследование – это деятельность по производству процессуальных действий и сбору сведений, подлежащих доказываниях. Изучение обстоятельств уголовного дела тесно связывают с установлением истинности в деле. Истинность определяется не только полной достоверностью информации, но и соответствием отражаемому объекту.

---

[1] Лукичев Н. А. Продолжение суждения о роли суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Следователь. – 2002. – № 3. – С. 18–24.

[2] Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России сборник статей и материалов. М., 2006. С. 81–84.

[3] Шаталов А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Досудебное и судебное производство : учебник. Великий Новгород : МПА-Пресс, 2013. С. 49.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что институт объективной истины имеет, как положительный, так и отрицательный аспекты. Сторонники введения этого понятия в действующий УПК РФ, считают, что «объективная истина» частично содержится в нормах Кодекса, что доказывает содержание ст. 6 УПК РФ. Также, введение института объективной истины позволит обеспечивать гарантии конституционного права на справедливое правосудие[1], тесно взаимодействует с принципами уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что зачастую появление судебных ошибок зависит от того, были ли допущены ошибки на стадии предварительного расследования. Это может привести к:

1. Вынесению незаконных, немотивированных и необоснованных процессуальных решений со стороны следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, прокурора, а также к вынесению неправосудных итоговых актов судьей.

2. Возникновению недопустимых и недостоверных доказательств по уголовному делу.

3. Нарушению конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

По нашему мнению, введение понятия «истина» в уголовное судопроизводство является обоснованным решением, так как может уменьшить случаи вынесения приговора на основании недостоверных данных, а именно к осуждению невиновного или оправданию виновного. Достоверное знание может лежать в основе истины, иначе трудно рассчитывать на безошибочное судебное решение. Правильное применение закона и назначение виновному справедливого наказания способствует, в свою очередь, уменьшению количества судебных ошибок. Однако достичь полного познания того, что было в прошлом в точности невозможно, но совершать усилия по установлению необходимых фактических обстоятельств по делу крайне необходимо.

Полагаем, что есть необходимость в введении в ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» п. 13^2: «Истина – отражение действительности обстоятельств, установленных по уголовному делу, которые имеют значение для его разрешения». Необходимо упомянуть об «истинности доказывания» и в ч. 2 ст. 85 УПК РФ «Доказывание».

---

[1] Суть суда. А. Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины // Российская газета. – 2012. – 16 марта.

А. С. Басина[1],
курсант института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Д. А. Григорьев[2],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСГУМАЦИИ

Статьей 178 УПК РФ предусмотрено особое следственное действие – эксгумация. Под эксгумацией необходимо понимать процесс извлечения трупа из земли. При этом следует сказать, что данное следственное действие, как правило, вызывает большой общественный резонанс.

Причины проведения эксгумации многочисленны. Они заключаются как в необходимости устранения ошибок должностных лиц, в чьи обязанности входит проведение предварительного расследования, так и тех, кто дает неточное и несоответствующее действительности заключение о причинах смерти лица, а в некоторых случаях и вовсе по причине отсутствия проведения такого исследования.

Проведение такого следственного действия порождает немало спорных вопросов о порядке производства, самостоятельности данного следственного действия, также вопросы защиты прав родственников умершего, обеспечения реализации полномочий представителей правоохранительных органов.

Так, ряд исследователей[3] оспаривают самостоятельность данного следственного действия. Так, А. А. Койсин[4] указывает то, что эксгумация – это всего лишь разновидность выемки. В подтверждение этого предположения он указывает следующее:

---

[1] © Басина А. С., 2018.

[2] © Григорьев Д. А., 2018.

[3] См., например: Стельмах В. Ю. Процессуальный порядок и проблемы производства эксгумации трупа в уголовном судопроизводстве // Адвокат. – 2016. № 1. – С. 5; Гирюшта С. А., Лукьянчикова Е. Ф. Отдельные проблемы производства эксгумации трупа в уголовном судопроизводстве // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11. – С. 45–47.

[4] Криминалистика: курс лекций / А. А. Койсин, И. А. Фомина. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : ИГУ, 2015. 409 с.

1. Доминирующая цель эксгумации – изъятие из земли определенного объекта – трупа, для последующего его судебно-медицинского исследования. Аналогичная цель может быть присуща и выемке – в ходе ее проведения могут изыматься объекты (предметы), которые в будущем будут направлены на какое-либо исследование.

2. Всеми учеными-криминалистами и процессуалистами отмечается, что при выемке отсутствуют поисковые действия либо они сводятся к минимуму. Таким образом, при проведении «законной» эксгумации правоохранительным органам всегда точно известно – где захоронен труп, и, как правило, установлена личность трупа. Цель заключается только в его изъятии из захоронения.

3. И выемка, и эксгумация проводятся по мотивированному постановлению следователя или определению суда.

На наш взгляд, нельзя говорить об эксгумации как о частном виде выемки, так как эксгумация, как следственное действие, достаточно специфична, хоть и во многом схожа с ней.

Во-первых, эксгумация обладает всеми признаками следственного действия как такового, поскольку производится по постановлению следователя, ход и результаты эксгумации фиксируются в протоколе, а извлечение трупа из места его захоронения против воли родственников покойного допускается только по судебному решению.

Во-вторых, результаты эксгумации могут являться косвенными доказательствами по уголовному делу, так как сведения, составляющие содержание косвенных доказательств, касаются промежуточных фактов, при помощи которых устанавливаются доказываемые обстоятельства.

Нерешенным остается и вопрос о том, что в настоящее время отсутствует четкая регламентация производства эксгумации.

Стоит сказать несколько слов о целесообразности проведения данного следственного действия.

Эксгумация может быть признана нецелесообразной в случае, если имеющиеся в деле судебно-медицинские документы и иные материалы позволяют разрешить интересующие следствие вопросы без ее производства. Если же для дачи заключения их окажется недостаточно, а восполнение возможным путём проведения некоторых дополнительных процессуальных действий: изъятия необходимой документации, допросов свидетелей и т. д., то и здесь эксгумация не будет целесообразной. И только в случае отсутствия этих фактов данное следственное действие должно признаваться целесообразным.

Дискуссионным остается вопрос о возможности производства эксгумации до возбуждения уголовного дела. Нередко на практике возникают ситуации, когда труп захоронен, необходимым условием и предпосылкой его осмотра является эксгумация. По действующему законодательству производство эксгумации до возбуждения уголовного дела недопустимо, что на практике лишает следователя возможности вынести обоснованное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Отдельного внимания заслуживает вопрос получения разрешения на проведение эксгумации. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 178 УПК РФ при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. В случае если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом. Довольно часто следователи встречаются с тем, что родственники умершего выступают против проведения такого следственного действия. Ряд из них опираются на религиозные нормы. В наши дни эксгумация вызывает неоднозначное отношение у граждан, довольно часто на почве эксгумации возникают конфликтные ситуации с органами, осуществляющими предварительное расследование. Конфликты обусловлены тем, что близкие покойного в силу различных причин, не просто не дают согласие на производство этого следственного действия, но и чинят разного рода препятствия при его осуществлении[1]. В православной вере нет прямого запрета на проведение эксгумации, однако за постулат принимается идея, что тревожить тела усопших, которые сами «не просят об этом» (не являются во сне с просьбой перезахоронить и т. п.) – это грех. Хотя сегодня христианская Церковь одобряет эксгумацию в исторических целях, а также при необходимости выяснения причин насильственной смерти, тем не менее многие христиане относятся к ней настороженно, особенно тогда, когда речь идет об их близких. В шариате запрещено беспокоить тело умершего. После того, как оно было уложено в могилу и засыпано землей, тело считается вверенным Аллаху Всевышнему. Отныне без веских причин не следует вскрывать могилы. В современной России, нередко на Кавказе, случались инциденты, когда суд за-

[1] Михайленко И. А. К вопросу о религиозно-этических проблемах производства эксгумации // Актуальные проблемы права : материалы V Международной научной конференции (г. Москва, декабрь 2016 г.). М. : Буки-Веди, 2016. С. 149–152.

прещал проводить эксгумацию по причине отсутствия разрешения на «беспокойство» тела умершего имама местного прихода. Другая вера – иудаизм – строго запрещает эксгумацию, считая ее осквернением мертвых, что прямо отражено в законах Моисея. Иудеи неоднократно проводили демонстрации против раскопок захоронений.

На наш взгляд, суд в таких случаях суд должен учитывать необходимость проведения эксгумации. В случаях отказа в удовлетворении ходатайства следователя о проведении следственного действия по религиозным мотивам суд проявляет некомпетентность и допускает прямое нарушение норм, установленных в Российской Федерации. Правовые нормы должны быть выше нравственных правил, так как необходимость наказать виновного превыше чем духовный покой усопшего.

Подводя итог, хочется отметить, что эксгумация является специфическим самостоятельным следственным действием, требующим дополнительной регламентации в УПК РФ. В результате этого никаким образом нельзя ее отождествлять с выемкой. В подтверждение самостоятельности можно привести и то, что государство предоставило самый мощный рычаг регулирования вопроса об основаниях проведения эксгумации в распоряжение следователей – это суд, который в случае несогласия родственников обеспечивает возможность собирания необходимых доказательств с целью разрешения уголовных дел.

М. Ю. Бекетов[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД РФ имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

В. А. Саморока[2],
доцент кафедры уголовного процесса Московского университета
МВД РФ имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

По данным ГИАЦ МВД России число заявителей, очевидцев или жертв преступлений, либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, в отношении которых применялись меры безопасности в 2014 г., составило 38, в 2015 г. – 27, а в 2016 г. – 16 человек.

Отсутствие практики применения мер безопасности до возбуждения уголовного дела в большинстве субъектов Российской Федерации, наш взгляд, связано с недостатками нормативно-правового регулирования. На ряд проблем нормативного и организационного характера указали и сотрудники подразделений государственной защиты в ходе проведённого анкетирования. В частности, в качестве одной из таких проблем ими называлось слабое информирование сотрудников территориальных органов внутренних дел, в которых осуществляется проверка большинства сообщений о преступлениях, о возможности применения мер безопасности до возбуждения уголовного дела.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, в отношении указанных лиц применяются *предусмотренные УПК РФ меры безопасности* (далее –

[1] © Бекетов М. Ю., 2018.
[2] © Саморока В. А., 2018.

процессуальные меры безопасности), а также *иные меры* безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

К *процессуальным мерам* безопасности, которые могут быть применены в ходе досудебного производства, относятся:

– использование псевдонима при составлении протоколов следственных действий (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

– контроль и запись переговоров при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

– предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Так как две последние процессуальные меры безопасности связаны со следственными действиями, производство которых возможно только после возбуждения уголовного дела, то получается, что до возбуждения уголовного дела возможно только использование псевдонима при составлении протоколов следственных действий. О возможности применения данной процессуальной меры безопасности до возбуждения уголовного дела говориться и в ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ.

Под *иными (непроцессуальными) мерами безопасности* (далее – меры безопасности) подразумеваются меры безопасности, предусмотренные ст. 6 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ № 119). Правом их осуществления наделены подразделения органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее – подразделения государственной защиты). О возможности применения их до возбуждения уголовного указывается в ч. 3 ст. 2 ФЗ № 119, где говорится, что меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Согласно ч. 1 ст. 16 ФЗ № 119 *основаниями* применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

Следовательно, решение о применении мер безопасности может быть принято только при условии, что вред защищаемому лицу может быть причинён *в связи с его участием в уголовном судопроизводстве.*

Данным условием законодатель, с одной стороны, устанавливает, что меры безопасности могут быть применены только после начала уголовного судопроизводства, то есть после поступления сообщения о преступлении к дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). А с другой стороны, ограничивает перечень лиц, к которым они могут быть применены, участниками уголовного судопроизводства (согласно п. 58 ст. 5 УПК РФ участники уголовного судопроизводства это лица, принимающие участие в уголовном процессе).

В то же время в ч. 2 ст. 2 ФЗ № 119 говорится, что до возбуждения уголовного дела меры государственной защиты могут быть применены в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, а в ч. 3 данной статьи указывается, что государственной защите также подлежат близкие родственники, родственники и близкие лица указанных лиц, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на данных лиц.

Сопоставив указанные положения, следует сделать следующий вывод – до возбуждения уголовного дела меры безопасности могут быть осуществлены в отношении участника уголовного судопроизводства, являющегося заявителем, очевидцем или жертвой преступления, либо способствующего предупреждению или раскрытию преступления, а также в отношении их близких родственников, родственников и близких лиц, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на указанных участников уголовного судопроизводства (далее под участниками уголовного судопроизводства будут пониматься как сами указанные участники, так и их родственники и близкие лица).

Участниками уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела являются:

– заявитель (лицо, заявившее о преступлении, в порядке, предусмотренном ст. 141 УПК РФ);

– очевидец преступления (лицо, видевшее, как совершается преступление, о таком участнике упоминается в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ).

Такого участника уголовного судопроизводства, как жертва преступления, в УПК РФ не предусмотрено, так как, по сути, данным лицом является потерпевший – физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред

(ч. 1 ст. 42 УПК РФ)[1]. Фактически лицо, которому преступлением причинен вред, становится потерпевшим еще до возбуждения уголовного дела, хотя юридически процессуальный статус приобретает только после его возбуждения.

К иным участникам уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела, способствующим предупреждению или раскрытию преступления, могут быть отнесены:

– лицо, сделавшее заявление о явке с повинной (ч. 2 ст. 142 УПК РФ),

– лицо, предоставившее информацию о преступлении, распространенную в средствах массовой информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

В отношении других лиц, участвующих в производстве следственных и иных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела[2] (эксперт, специалист, лицо, давшее объяснения, и др.), меры безопасности также могут быть применены, но только если будет установлено, что их участие в уголовном судопроизводстве способствует предупреждению или раскрытию преступления.

В ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указывается, что при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких эти органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

Однако рассмотренные выше положения УПК РФ и ФЗ № 119 свидетельствуют о том, что для обеспечения безопасности лиц, содей-

---

[1] Согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим. Об этом же говорится и в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

[2] Перечень таких действий предусмотрен ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

ствующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, меры безопасности могут применяться только после получения ими статуса одного из участников уголовного судопроизводства.

В то же время на практике возникает необходимость применения мер безопасности к лицам, совершившем преступление в соучастии, и ещё до возбуждения уголовного дела начавшим оказывать содействие в раскрытии данного преступления. Если в адрес такого лица поступают угрозы, то применение мер безопасности будет возможно только в том случае, если данное лицо приобретет статус одного из участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела.

И. П. Бондаренко[1],
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

РОЛЬ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Как известно, обеспечение прав и свобод человека является одной из основных функций нашего государства и направлением деятельности всех, без исключения, государственных органов. Однако, в ряде случаев, например, для обеспечения безопасности страны, защиты конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов одних лиц необходимо прибегнуть к ограничению конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации, в отношении других лиц. И самой суровой из подобных мер ограничительного характера, предусмотренной уголовно-процессуальным кодексом, является заключение лица под стражу. Особенностью этой меры является то, что она ограничивает свободу гражданина, еще до решения суда, то есть наделенного процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Внутренней нормативно-правовой базой для избрания данной меры пресечения является Конституция Российской Федерации, УПК РФ

[1] © Бондаренко И. П., 2018.

и Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Данные нормативно-правовые акты регулируют важные условия применения и исполнения заключения под стражу, такие как основания, условия и порядок избрания данной меры пресечения, ее изменения и отмены, а также продления сроков содержания под стражей, сроки и порядок обжалования решений и действий органов предварительного расследования, прокурора и суда по ее применению.

Важнейшей гарантией, обеспечивающей конституционное право человека на свободу, является предусмотренное УПК РФ право на избрание в отношении подозреваемого, обвиняемого залога или иной меры пресечения. Данное положение УПК РФ находится в тесной взаимосвязи со ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На это же обращает внимание и Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». Анализ данного постановления позволяет сделать вывод, что Верховный Суд Российской Федерации поддерживает позицию упомянутых международно-правовых актов о том, что каждый имеет право на избрание в отношении его альтернативной меры пресечения, нежели заключение под стражу.

Однако как показывает анализ правоприменительной практики Европейского Суда по правам человека, нарушение ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в России служило предметом неоднократного рассмотрения. По итогам 2016 г. Европейский Суд по правам человека вынес 153 постановления, по жалобам в отношении Российской Федерации, касающихся нарушения этой статьи[1]. Большинство из этих решений являются однотипными. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство жалоб на нарушения права, предусмотренного ст. 5 Конвенции, касаются необоснованного применения такой меры уголовно-процессуального характера как заключение под стражу. В данных постановлениях указывалось, что при назначении данной меры суды

[1] Нарушения, признанные ЕСПЧ в результате рассмотрения жалоб в 2016 г.: по статьям Конвенции и Протоколов к ней и государствам-ответчикам // http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2016_ENG. pdf.

России не учитывали обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого или обвиняемого.

Исходя из изложенного, для совершенствования механизма обеспечения прав и свобод человека в Российской Федерации, а также с целью уменьшения числа нарушений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, органы предварительного расследования и суды Российской Федерации должны знать и применять в своей правоприменительной деятельности решения, вынесенные ЕСПЧ.

Можно обратиться мнению Е. В. Золотаря, который верно указывает на необходимость придания особого значения при правовом регулировании избрании меры пресечения в виде заключения под стражу решениям Европейского Суда по правам человека, уточняя, что решения указанного международного судебного органа фактически носят прецедентный характер, поскольку при вынесении им новых решений ЕСПЧ руководствуется оценками и подходами, которые он сформулировал ранее по другим аналогичным делам[1].

Говоря об обстоятельствах, которые следует учитывать при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого и определения ее вида, можно отметить, что они закреплены в ст. 99 УПК РФ. В качестве таковых уголовно-процессуальный закон устанавливает тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Исходя из анализа конструктивного содержания указанной нормы, перечень этих обстоятельств является открытым. В науке уголовно-процессуального права их принято относить к условиям, влияющим на решение вопроса о мере пресечения. Необходимо также и наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ[2].

Несмотря на то, что УПК РФ обязывает органы предварительного расследования и суд принимать во внимание указанные условия (тяжесть преступления, данные о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, состоятельность подозреваемого, обвиняемого, его положение в обществе и т. д.), определенным недостатком право-

---

[1] Золотарь Е. В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 40.

[2] Малышева Ю. В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 68.

вого регулирования данного вопроса является то, что УПК РФ не регулирует сравнительные степени обязательности и важности упомянутых выше обстоятельств.

Как показывает анализ правоприменительной практики, большинство органов предварительного следствия при обращении в суд в целях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу руководствуются только основаниями для избрания меры пресечения, предусмотренными ст. 97 УПК РФ, и тяжестью совершенного деяния. Ярким примером, иллюстрирующим это положение, является ходатайство органов предварительного следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении П., обвиняемого в организации преступного сообщества по 124 эпизодам мошенничества. Основанием явилось обвинение П. в совершении особо тяжкого преступления и нескольких тяжких преступлений. По ходатайству стороны защиты Волгоградским областным судом мера пресечения в отношении обвиняемого П. изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении[1]. При этом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила данное решение без изменения, приняв во внимание, что обвиняемый П., будучи под подпиской о невыезде и надлежащем поведении, являлся к следователю, ранее не судим, имеет семью, постоянную работу и место жительства, на его иждивении находятся несовершеннолетние дети, указав при этом, что тяжесть предъявленного П., обвинения сама по себе, без учета обстоятельств, указанных в ст. 97 УПК РФ, не может являться основанием для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу[2].

Для выяснения мнения практических сотрудников правоохранительной системы Российской Федерации по данному вопросу автором был проведен устный опрос следователей ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, а также следователей следственных отделов в отдельных

---

[1] Апелляционное постановление от 3 марта 2016 г. № 10-2802/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Свердловский районный суд г. Перми: Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за первое полугодие 2010 г. (утв. на заседании президиума Пермского краевого суда 3 сентября 2010 г.). Дело № 22-916 // http://oblsud. perm. sudrf. ru; Архив Первомайского районного суда г. Ижевска, 2003. № 1-220/04.

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2007 г. № 16-007-19 // Архив Верховного Суда Российской Федерации. 2007.

отделах полиции. Как показал анализ собранного материала, большинство опрошенных, более 70 %, не разделяют либо только частично разделяют правовую позицию Европейского Суда по правам человека о допустимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу без акцента на тяжесть совершенного преступления. При этом почти пятая часть опрошенных вообще не знает и не сталкивалась с практикой Европейского Суда по правам человека.

Особое место при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Европейский Суд по правам человека отводит оценке сведений о личности подозреваемого, обвиняемого. Так, по делу «Долгова (Dolgova) против России»[1] Суд счел обоснованным первоначальный арест заявительницы, поскольку она была задержана на месте совершения преступления. Однако Европейский суд по правам человека отметил, что при решении вопроса о дальнейшем продлении срока содержания под стражей национальные судебные органы должным образом не проявили «особую тщательность». По мнению Европейского Суда по правам человека, ссылка на тяжесть преступления и абстрактная ссылка на возможность повлиять на свидетелей, скрыться и совершить новое преступление является недостаточной. Кроме того, национальными судами не учитывались обстоятельства, характеризующие личность заявительницы (постоянная регистрация в Москве, отсутствие судимостей, постоянное место учебы, положительная характеристика), а также факт готовности личного поручительства за заявительницу депутата Государственной Думы.

Подобные нарушения неоднократно являлись предметом рассмотрения в Европейском Суде по правам человека (решение ЕСПЧ по делу «Смирновы (Smirnovy) против России»[2]). Неоднократность рассмотрения практически одинаковых дел в Европейском Суде по правам человека, по нашему мнению, во многом и обусловлено тем, что большинство сотрудников органов предварительного следствия не учитывают практику Европейского Суда по правам человека в своей практической деятельности. К чести российской судебной системы

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. по делу «Долгова (Dolgova) против России» (жалоба № 11886/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 8.

[2] Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. по делу «Смирновы (Smirnovy) против России» (жалобы № № 46133/99; 48183/99) // Бизнес-адвокат. – 2003. – № 20.

можно отметить, что многие ходатайства, не учитывающие мнение ЕСПЧ, судьями не удовлетворяются, поскольку при учете только тяжести предъявленного обвинения необходимо уделять особое внимание поиску надлежащего равновесия между защитой в общих интересах институтов демократии и обеспечением прав личности[1].

Так, гражданин Е. обвинялся в совершении в 1997 г. преступлений, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 33, ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 174, ст. 175, ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 291, ст. 292, ч. 1 ст. 306, ч. 2 ст. 326, ч. 2 ст. 327 УК РФ. Исходя из того, что Е., находился под стражей с августа 1999 г., имеет постоянное место жительства, у него на иждивении двое малолетних детей, характеризуется положительно, а уголовное дело в отношении его в ближайшее время рассмотрено быть не может, суд применил к нему меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, отказывая в удовлетворении кассационного представления прокурора, в своем определении указала, что тяжесть содеянного сама по себе не может являться основанием для содержания лица под стражей[2].

Однако как показывает анализ правоприменительной практики, с учетом того, что в России судьям предоставляется достаточно большая свобода усмотрения, и несмотря на разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации[3], многие судьи при принятии решения об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу по прежнему недостаточно полно исследуют основания и обстоятельства, свидетельствующие о необходимости заключения лица под стражу. Такие судьи в своих постановлениях формально перечисляют те основания и обстоятельства, которые указаны в ходатайстве следовате-

---

[1] Малышева Ю. В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 69.

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2003 г. по делу № 66-О02-104 // Архив Верховного Суда Российской Федерации. – 2003.

[3] См.: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

ля об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом конкретных доводов, подтверждающих, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью, суд не приводит.

Так, Апелляционным постановлением Нижегородского областного суда от 1 октября 2014 г. было отменено постановление Кулебакского городского суда Нижегородской области от 18 сентября 2014 г. об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу. Основанием для принятия судом апелляционной инстанции указанного решения послужила ошибочность выводов суда о том, что П. скроется от следствия и суда, поскольку не имеет социально значимых привязанностей, поскольку официально не трудоустроен, в браке не состоит, по месту регистрации не проживает. Однако данный вывод противоречит фактическим данным, представленным следователем и исследованным судом, в частности характеристике, составленной участковым уполномоченным полиции, в которой указано на регистрацию и фактическое проживание П. по конкретному адресу в г. Кулебаки, проживание с гражданской женой и ее малолетними детьми и их содержание. Кроме того, к ходатайству не были приложены доказательства того, что П. не являлся по вызовам следователя и пытался скрыться. Мотивируя избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении П., суд также указал, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, обосновав свои выводы лишь характеристикой от участкового уполномоченного полиции, указавшего на склонность П. к употреблению спиртного и общение с ранее судимыми лицами. Между тем, согласно закону, данные обстоятельства при наличии сведений об отсутствии у П. непогашенной судимости с учетом представленных подозрений в совершении преступления не могут служить основанием для вывода о возможной криминальной деятельности[1].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что непринятие российскими судьями в своих итоговых решениях оценки по каждому из оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 97 и ст. 99 УПК РФ и указанных в ходатайстве органа предварительного следствия об избрании

[1] Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за 4 квартал 2014 г. // http://oblsudnn. ru/index. php/obzory-sudebnoj-praktiki/1267.

меры пресечения в виде заключения под стражу, а также ссылки суда на соответствующие доказательства, представленные другой стороны, противоречит сложившейся практике Европейского Суда по правам человека, может свидетельствовать о его необоснованности и стать причиной отмены в вышестоящем суде. По нашему мнению, в российской правоохранительной системе должны шире использоваться программы по ознакомлению практических работников с решениями Европейского Суда по правам человека и международными нормативно-правовыми актами, касающимися обеспечения прав и свобод личности. Реальное ознакомление судей и следователей с постановлениями данного суда способствует установлению разумного равновесия между правом потерпевшего на защиту его прав и свобод и правом подозреваемого, обвиняемого на защиту от незаконного и необоснованного ограничения конституционных прав и свобод.

Данное мнение совпадает с позицией Европейского Суда по правам человека о том, что необходимо правильно соотносить права задержанных, с одной стороны, и права лиц, чьи права и законные интересы нарушены противоправными действиями, с другой стороны[1]. Как правильно указывают некоторые авторы, правоприменителем тяжесть содеянного следует учитывать как не более, чем обязательное условие, позволяющее при принятии решения об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого такой меры пресечения, как заключение под стражу, наряду с анализом прочих обстоятельств, приведенных в ст. 97, 99, ч. 1 и 2 ст. 108 УПК РФ, сделать обоснованный вывод о соразмерности избираемой меры пресечения преступлению, в совершении которого подозревается или обвиняется конкретное лицо[2].

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 5029/71); Постановление ЕСПЧ от 29 ноября 1988 г. по делу «Броуган (Brogan) и другие против Соединенного Королевства» (жалоба № № 11209/84; 11234/84; 11266/84; 11386/85) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М. : НОРМА, 2000.

[2] См., напр.: Малышева Ю. В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 70.

Ву Зуй Линь[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Потерпевший является одним из основных участников уголовного судопроизводства Социалистической Республики Вьетнам (далее – СРВ). В соответствии со ст. 62 УПК СРВ потерпевший – это физическое лицо, которому преступлением непосредственно причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения или угрозы причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В странах системы, так называемого общего права (Common Law), статус потерпевшему придается изначально, сразу же после подачи им заявления о преступлении или заявления о вреде, причиненного преступлением[2]. После этого, он приобретает процессуальные права и может воспользоваться юридической помощью, не зависимо от наступления вредных последствий в результате совершения преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании лица потерпевшим принимает дознаватель, следователь или судья. Данное решение принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, то решение о признании лица потерпевшим принимается незамедлительно после обнаружения и получения данных об этом лице. Думается, что российским законодателем принято правильное решение о регламентации в законе момента признания лица потерпевшим.

---

[1] © Ву Зуй Линь, 2018.

[2] The Code of Practice for Victims of Crime, under Section 32, Crime and Victim Act 2004, England and Wales. Кодекс практики жертв преступлений в соответствии с разделом 32 «Закон о преступлениях и жертвах» 2004 г., Англия и Уэльс.

Отметим, что в теории уголовного процесса России значительное количество трудов посвящено проблемам развития правового положения потерпевшего[1].

УПК СРВ 2015 г. только лишь указывает на то, кто может участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего, а правила и порядок признания его потерпевшим не предусматривает.

Несмотря на то, что в УПК СРВ не определяется данный порядок, на практике право признания лица потерпевшим посредственно реализуется следователем, прокурором и судьей путем вынесения ими процессуальных решений (документов). Данные документы следует рассматривать, как «молчаливое согласие» на признание лица потерпевшим при участии его в уголовном деле.

Некоторые вьетнамские ученые считают, что данные процессуальные решения (документы) могут быть разделены на следующие виды[2]:

во-первых, в уголовном деле, которое возбуждено на основании заявления потерпевшего, лицо признается потерпевшим немедленно после подачи им заявления о возбуждении уголовного дела. Заявление принимается органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, которые, в свою очередь, должны вынести постановление о возбуждении уголовного дела. Основанием для признания лица потерпевшим являются «заявление о возбуждении уголовного дела» и «постановление о возбуждении уголовного дела».

В том случае, если в уголовном деле участвуют несколько потерпевших, то лица, не подавшие заявление о возбуждении уголовного дела, также могут быть привлечены в качестве потерпевшего по уголовному делу.

---

[1] См., например, Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014; Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014; Клещина Е. Н., Кондрат И. Н., Шаров Д. В. Охрана прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, правовые и правоприменительные проблемы : монография. М. : Юрлитинформ, 2015; Гурдин С. В. Современные тенденции обеспечения прав личности в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 53.

[2] Đinh Thị Mai – Quyền của người bị hại trong tố tụng hình sự Việt Nam. Luận án tiến sỹ luật học – 2014. Динь Тхи Май. Право потерпевшего в уголовном процессе СРВ : дис. … канд. наук. 2014 г.

Во-вторых, в уголовном деле, которое было возбуждено независимо от того, установлена ли личность потерпевшего, и обращалось ли непосредственно лицо, потерпевшее от преступления, с заявлением о возбуждении уголовного дела, единственное решение для определения статуса потерпевшего – это протокол допроса потерпевшего или повестка следственного органа, прокуратуры или суда, в которых он приглашен в качестве потерпевшего для явки в данные органы.

Кроме того, по мнению других авторов, имеются и другие основания, по которым различают такие документы[1]. В зависимости от субъектов, уполномоченных выносить решения о признании лица потерпевшим, могут быть разделены на:

1) процессуальные документы следственного органа. После возбуждения уголовного дела и проведения следственных действий, статус лица в качестве потерпевшего выражается в следующих документах: постановление о возбуждении уголовного дела, повестка, протоколы допроса, очной ставки, осмотра места происшествия и другие.

2) процессуальные документы прокуратуры. Когда уголовное дело направляется в прокуратуру, то статус потерпевшего лица признается прокурором через утверждение обвинительного заключения, список вызываемых лиц в судебное заседание и другие.

3) процессуальные документы суда. Статус потерпевшего выражается в постановлении о назначении судебного заседания и других судебных решениях.

По мнению указанных ученых, статус потерпевшего лица может быть изменен в зависимости от результатов доказывания по уголовному делу.

Считаем, что наделение лица процессуальным статусом потерпевшего играет ключевую роль в его активном участии в уголовном судопроизводстве, в реализации им процессуальных прав и обязанностей.

Подчеркнем, что поскольку в уголовно-процессуальном законе СРВ отсутствуют нормы о порядке признания лица потерпевшим, то это влечет за собой трудности для должностных лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу.

По нашему убеждению, в ч. 1 ст. 62 УПК СРВ следует регламентировать следующее положение: «Решение о признании лица потер-

[1] Đại học Luật Hà Nội (2005), Giáo trình Luật Tố tụng hình sự, Nxb Công an nhân dân, Hà Nội. Уголовный процесс. Юридический университет. Ханой : Изд-во МОБ, 2000.

певшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением следователя и судьи. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании его потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице».

В. М. Герасенков[1],
старший преподаватель кафедры уголовного права
ЧОУ ВО «Брянский институт управления и бизнеса»

УСКОРЕННЫЕ ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последнее время актуальное значение приобретают вопросы создания и повышения эффективности ускоренных форм предварительного расследования. Связано это с объективной потребностью в более рациональном использовании сил и средств одноименных органов. В этой связи весьма важными представляются исследования, раскрывающие сущность, специфику и правовую природу ускоренных досудебных производств.

Ускоренные формы расследования по своей специфике и правовой сущности в наибольшей степени соответствуют и относятся к категории дознания. В дальнейшем при рассмотрении указанных форм расследования будет применяться термин «форма дознания». Это утверждение основывается на том, что, во-первых, ускоренные формы расследования производятся по делам о преступлениях, не представляющих существенной степени общественной опасности. Во-вторых, в процессе указанных производств осуществляются следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. В-третьих, по результатам указанных форм расследования составляется итоговый процессуальный документ, завершающий процесс расследования. В-четвертых, материалы, которые собраны по результатам ускоренных форм расследования, являются основанием для рассмотрения дела в суде.

Дознание, как форму предварительного расследования, можно классифицировать на три вида.

---

[1] © Герасенков В. М., 2018.

К первому виду форм дознания относится обычное дознание, процессуальный порядок производства которого регламентирован гл. 32 УПК РФ.

Ко второму виду форм дознания относятся согласительные формы дознания, характеризующиеся положительным посткриминальным поведением лица, совершившим преступление. В основе данных форм дознания лежит признание лицом, совершившим преступление, своей вины в его совершении, характера и размера вреда, причиненного преступлением, а также совершение иных действий, предусмотренных законодательством. Указанные формы дознания обладают свойствами компромиссного характера и направлены на скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта. Компромиссные свойства данных форм дознания характеризуются тем, что за совершение лицом, виновным в совершении преступления, положительных юридически значимых действий, в отношении указанного лица предусматривается возможность применения гарантий, связанных со смягчением вида или значительным уменьшением размера наказания за совершенное преступление. Примером подобного вида форм дознания является дознание в сокращенной форме, предусмотренное гл. 32 УПК РФ.

К третьему виду форм дознания относятся протокольные формы дознания, применяемые при расследовании определенной совокупности наиболее малозначительных преступлений, совершенных зачастую в условиях очевидности и не представляющие сложности в расследовании, независимо от того, признает ли уголовно преследуемое лицо свою вину в совершении преступления, либо нет. Примером подобного вида форм дознания является протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая применялась в прошлом в отечественном уголовном процессе, а также протокольная форма, предусмотренная в действующем уголовно-процессуальном законе Республики Казахстан.

Таким образом, как и общее дознание, так и его специализированные модификации, к которым относятся согласительные и протокольные формы дознания, могут проводиться только по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Следовательно, основным критерием дифференциации указанных форм дознания является уголовно-правовой или материальный.

Помимо уголовно-правового критерия, в дифференциации форм дознания присутствует и критерий уголовно-процессуального характера, относительно которого среди ученых процессуалистов отсутствует единая точка зрения.

Отдельные ученые считают, что к уголовно-процессуальному критерию следует относить степень сложности установления обстоятельств уголовного дела, а также определенные свойства, присущие личности уголовно преследуемого лица[1]; другие свойства личности обвиняемого и потерпевшего[2]; сложность расследования уголовных дел[3]; наличие особых качеств личности обвиняемого, потерпевшего и сложность установления обстоятельств дела[4]. Отдельные ученые придерживаются позиции, что к иным, помимо уголовно-правового критерия дифференциации процессуальной формы, следует относить волеизъявление участников уголовного процесса, свойства личности обвиняемого и сложность установления обстоятельств дела[5]; другие – психическое состояние лица, совершившего преступление и решение прокурора[6].

На основании представленных позиций относительно уголовно-процессуального критерия дифференциации представляется возможным не согласиться по поводу отнесения к указанному критерию таких элементов как определенные свойства личности уголовно преследуемого лица и потерпевшего, а также сложность установления обстоятельств дела. Полагаем, что сложность установления обстоятельств дела определяется в зависимости от конкретных особенностей уголовного дела, связанных с обстоятельствами совершенного преступления, его очевидности, сложностью закрепления следов преступления, наличие свидетелей и т. д. То есть данный элемент в наибольшей степени относится к организационному аспекту деятельности органов дознания и не связан с уголовно-процессуальным критерием дифференциации. Следовательно, указанный элемент следует отнести к организационному критерию дифференциации форм дознания.

---

[1] Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 106.

[2] Аширбекова М. Т., Омарова А. С. О новом «налоговом» поводе к возбуждению уголовного дела // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 43.

[3] Маршев С. А. О дифференциации форм уголовного судопроизводства // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 141–147.

[4] Свиридов М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права. Томск, 1987. С. 241–242.

[5] Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис. … докт. юрид. наук. М., 2001. С. 64.

[6] Малышева О. А. Предварительное расследование по УПК России (процессуальные и организационно-правовые аспекты) : монография. Рязань, 2004. С. 38.

Что касается определенных свойств личности участников уголовного процесса, то указанный элемент определяет характеристики и совокупность определенных признаков, присущие конкретному лицу и которые учитываются при принятии решения о производстве расследования в той или иной форме дознания. То есть данный элемент относится к криминологическому критерию дифференциации форм дознания.

Следует отметить, что специализированные модификации дознания, к которым относятся согласительные и протокольные формы дознания обладают собственными, свойственными только им элементами, входящими в уголовно-процессуальный критерий дифференциации данных форм дознания.

Заслуживает внимания по указанному вопросу позиция О. В. Качаловой, определяющей интегративный подход определения той или иной процессуальной формы к категории ускоренных. Данный подход включает в себя совокупность критериев уголовно-правового, уголовно-процессуального и организационного характера. Основным критерием, как было указано выше, является уголовно-правовой критерий, а к уголовно-процессуальному критерию ускоренных процессуальных форм О. В. Качалова относит сокращение процесса доказывания. Данный критерий состоит из трех элементов по сужению предмета доказывания, то есть обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ, редукции обязанности доказывания, означающей обязанность дознавателя провести только те следственные действия, не производство которых может повлечь утрату следов преступления и иных доказательств и нивелированию этапа проверки доказательств, заключающемуся в том, что дознаватель может не проверять доказательства, если они не оспариваются участниками уголовного процесса[1].

Следует отметить, что еще одним элементом, входящим в уголовно-процессуальный критерий дифференциации ускоренных форм дознания, является ограничение средств доказывания, характерный для протокольных форм дознания. Так как протокольные формы дознания применяются при расследовании самых малозначительных и в наибольшей степени менее опасных преступлений, то в данном случае, в рамках указанной формы, производится ограниченный перечень следственных действий, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством.

---

[1] Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 39–40.

Исходя из этого, можно сделать заключение, что существуют два способа ускорения форм предварительного расследования, к которым относятся общий, характерный для всех форм дознания и специальный, свойственный только для специализированных форм дознания, то есть для согласительных и протокольных форм. Общий способ характеризуется сокращением времени производства расследования и изъятием отдельных процессуальных действий, в частности, по общему правилу производства дознания – этапа предъявления обвинения. Специальный способ характеризуется сокращением процесса доказывания, в который структурно могут входить все либо по-разному сочетаться элементы, входящие в уголовно-процессуальный критерий дифференциации ускоренных форм дознания.

С. А. Грачев[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

НОРМА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ТРЕБУЕТ КОРРЕКТИРОВКИ

Анализ случаев обязательного назначения судебной экспертизы по уголовному делу позволяет заключить, что все из них служат нуждам установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Одни из них относится к вопросам доказывания события преступления и характера действий виновного лица в момент его совершения. Другие относятся к обстоятельствам, характеризующим личность подозреваемого (обвиняемого), и могут рассматриваться как условия возникновения у данных лиц дополнительных процессуальных гарантий.

Третьи можно использовать для оценки показаний участника. Следует констатировать, что указанные в УПК РФ основания для обязательного назначения экспертизы могут служить различным целям: позволять установить обстоятельства предмета доказывания, а также применяться в уголовном судопроизводстве в качестве условий появления процессуальных гарантий процессуального статуса лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Анализ возможностей судебной экспертизы позволяет заключить, что отдельные экспертизы, которые законодателем не включены

[1] © Грачев С. А., 2018.

в перечень обязательных, традиционно назначаются по отдельным категориям уголовных дел и предлагаются к включению в перечень обязательных. Однако обязательность назначения экспертизы, как вида следственных действий, несколько ограничивает право следователя или дознавателя самостоятельно планировать и определять ход расследования по уголовному делу.

Об этом, в частности, неоднократно указывалось в научной дискуссии[1]. Так, авторы Курса уголовного процесса под редакцией профессора Л. В. Головко отмечают, что перечисление в законе оснований обязательного назначения экспертизы лишает следователя права оценивать по своему усмотрению необходимость проведения данного следственного действия. В данном случае такие обстоятельства, как следственная ситуация, необходимость и достаточность собранных по делу доказательств, усмотрение следователя в расчет не принимается, поскольку имеется прямое требование закона[2].

Изучение ряда научных публикаций по вопросу обязательного назначения экспертизы позволяет заключить, что практически все авторы отмечают возможность доказывания отдельных обстоятельств предмета доказывания только посредством экспертизы и ратуют за расширение анализируемого перечня. В частности, констатируется, что обязательными могут быть назначение физико-химической экспертизы по незаконному обороту наркотических средств, судебно-медицинской и автотехнической по делам о ДТП и т. д. Указанный перечень можно, в принципе, продолжить и далее, поскольку экспертиза является надежным средством доказывания.

Ситуация, при которой назначение экспертизы является обязательным, требует уяснения аутентичной воли законодателя в вопросе сущности данных оснований. Вместе с тем, не только законодатель формулирует для правоприменителя обязательные для исполнения требования.

В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами,

---

[1] См.: Кудрявцева А. В. Дискуссионные вопросы назначения и проведения экспертиз в уголовном процессе России // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – № 4. – С. 84; Моисеенко И. Я. Проблемы уголовно-процессуальной регламентации производства судебной экспертизы // Вестник Пермского университета. – 2007. – № 8 (13). – С. 203–204; Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. С. 122.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2016. С. 706.

психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» сформировал требование об обязательном назначении химической экспертизы, поскольку для определения вида средств и веществ, их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, требуются специальные знания, поэтому суды должны располагать заключениями экспертов.

По сути Пленум фактически создал новую правовую норму, что позволило отдельным авторам предложить расширить анализируемый перечень в тех случаях, когда в решениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации отмечается такая необходимость[1].

Вряд ли подобный подход следует признать положительным, поскольку это приведет, с одной стороны, к бесконечному расширению положений ст. 196 УПК РФ, а с другой, – закрепит, фактически, за указанным судом право на правотворчество.

Представляется, что положения об обязательном назначении судебной экспертизы должны быть сформулированы с ясно видимой целью.

Стоит отметить, что в УПК РФ рассматриваемая норма изначально перекочевала из УПК РСФСР практически в неизменном виде. Так, профессор Е. В. Селина полагает, что ее появление УПК РСФСР обусловлено требованием о достаточности доказательств и установления границ неполноты предварительного расследования или судебного разбирательства[2].

Полагаем, что эта цель в УПК РФ решена другими средствами, в связи с чем положения ст. 196 УПК РФ требует корректировки.

Анализ позиций авторов, предлагающих расширить анализируемый перечень, позволяет заключить, что они отталкиваются от цели исследуемой нормы, как гаранта установления обстоятельств предмета доказывания.

Считаем, что данную цель рассматриваемая норма утратила. Тем не менее, ее значение в настоящий момент следует рассматривать в другом аспекте. А именно, как условия появления у соответствующего участника процесса дополнительных прав, то есть как процессуальную гарантию правового статуса подозреваемого (обвиняемого) или потерпевшего.

---

[1] Моисеенко И. Я. Проблемы уголовно-процессуальной регламентации производства судебной экспертизы // Вестник Пермского университета. – 2007. – № 8 (13). – С. 203–204.

[2] Селина Е. В. Обязательное назначение судебной экспертизы в уголовном процессе // Законность. – 2016. – № 3. – С. 40–43.

Подобный подход, с одной стороны, позволит закончить, как представляется, беспредметную дискуссию о расширении обязательных средств познания. Закрепление в УПК РФ предмета доказывания само по себе создает необходимые основания для проведения экспертизы тогда, когда исследуемые обстоятельства не могут быть установлены другим путем.

С другой стороны, необоснованное расширение случаев производства экспертизы может привести к нормативному закреплению обязательного проведения других следственных действий, которые наравне с экспертизой являются средствами доказывания. Например таких, как опознание, очная ставка, следственный эксперимент или проверка показаний на месте.

Напомним, что проведение указанных следственных действий является правом, а не обязанностью следователя (дознавателя). Этот подход в доказывании обстоятельств совершения преступления, как представляется, должен быть применен и к экспертизе.

Считаем, что это позволит сохранить известную самостоятельность следователя (дознавателя) по планированию расследования, самостоятельному определению подлежащих производству следственных действий, создаст условия для оценки доказательств по своему внутреннему убеждению.

Кроме того, отметим, что с недавних пор, сформулированный в положениях ст. 196 УПК РФ перечень не является исчерпывающим. Так, в ч. 1^2 ст. 144 УПК РФ содержится указание на обязательное назначение экспертизы тогда, когда результаты проведенной до возбуждения уголовного дела экспертизы не устроили подозреваемого (обвиняемого) или потерпевшего и от этих участников процесса поступило ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы. Указанная новелла не была включена в перечень ст. 196 УПК РФ, полагаем, потому, что указанное в ней положение не относится к вопросу установления предмета доказывания напрямую.

Указанные размышления позволяют прийти к некоторым выводам:

– закрепление в УПК РФ перечня случаев обязательного назначения экспертизы в целях установления обстоятельств совершения преступления является необоснованным;

– вместе с тем является вполне обоснованным закрепление условий возможного появления у лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, дополнительных процессуальных гарантий (в частности, имеются ввиду основания, указанные в п. 3–5 ст. 196 УПК РФ).

В силу указанных обстоятельств предлагается ст. 196 УПК РФ признать утратившей силу, а указанные в п. 3–5 данной статьи случаи назначения экспертизы в отношении подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего перенести, соответственно, в ст. 42, 46 и 47 УПК РФ, поскольку они по своей сути являются основаниями для появления у указанных лиц соответствующих процессуальных прав.

Д. А. Григорьев[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Как известно, в 2013 г. в УПК РФ была введена гл. 32^1, на основании правовых норм которой стал осуществляться новый вид дознания – дознание в сокращённой форме.

Но буквально через год, в 2014 г. МВД России на «суд» юридической общественности был вынесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)»[2].

Авторы законопроекта, ссылаясь на результаты деятельности органов дознания за 2013 г. и девять месяцев 2014 г. по осуществлению дознания в сокращённой форме, указали, что нормы главы 32^1 УПК РФ «не полной мере обеспечивают достижение поставленных целей»[3].

---

[1] © Григорьев Д. А., 2018.

[2] См.: О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // Сайт «Договорно-правового Департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации» URL: https://mvd. ru (дата обращения: 12.11.2017).

[3] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)». Электронный ресурс. URL: http://www.regulation.gov.ru (дата обращения: 11.11.2017).

Указанным законопроектом предусмотрено включение в УПК РФ гл. 32^2, нормы который буду регламентировать осуществление особого порядка досудебного производства, взамен гл. 32^1 УПК РФ.

Особый порядок досудебного производства будет проводиться по преступлениям, по которым в настоящее время осуществляется дознание в общем порядке и в сокращенной форме.

Сопоставляя и анализируя гл. 32^1 УПК РФ и гл. 32^2 законопроекта, можно согласиться с мнением И. М. Алексеева о том, что «особый порядок досудебного производства может быть применен только в отношении конкретного лица, при наличии повода и основания для возбуждения уголовного дела, когда его причастность к совершению преступления очевидна и доказывание не представляет сложности»[1].

Началом возникновения данного производства является письменное поручение дознавателю[2] начальника органа дознания по его проведению. Исчисление срока начинается с момента поступления сообщения о преступлении (ст. 226^{12} законопроекта). Это противоречит той информации, что изложена в пояснительной записке, где указано, что «особый порядок досудебного производства может быть начат в любой момент проверки сообщения о преступлении. При этом после начала особого порядка досудебного производства продление срока проверки сообщения о преступлении не требуется»[3].

Срок производства составляет 10 суток, окончанием которого является дата направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления. Всё это существенно отличают предлагаемый порядок производства от дознания в сокращенной форме, в котором определен срок 15 суток и связан с заявлением ходатайства подозреваемого о производстве данного вида дознания.

Предлагается сузить пределы доказывания, и поэтому предмет доказывания будут устанавливать не в полном объеме. Соответствующая норма законопроекта гласит: «Доказательства собираются в объ-

---

[1] Алексеев И. М. Анализ предложений МВД России о новом особом порядке досудебного производства // Уголовный процесс. – 2015. – № 9. – С. 24–30.

[2] В проекте предложена иная редакция понятия «дознаватель», чем в УПК РФ.

[3] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2017).

еме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления» (ст. 226^{15} законопроекта).

Отсюда, в частности, вытекает положение о том, что дознаватель будет не обязан устанавливать обстоятельства, которые характеризуют личность, в отношении которого осуществляется данное производство, исключают преступность и наказуемость деяния и т. д.

Однако ясно, что положения законопроекта, указанные в ст. 226^{14}, вступают в противоречие с правилами ст. 226^{16} законопроекта, где изложены требования, предъявляемые к обвинительному постановлению.

Для установления предмета доказывания будут осуществляться следственные и иные процессуальные действия, необходимость производства которых возникает на стадии возбуждения уголовного дела.

Надо к этому добавить, что законопроект не предусматривает применение мер пресечения к подозреваемому и обвиняемому. При необходимости, от них, как и иных участников (потерпевшего, свидетеля, а также лица, участвующего в особом порядке досудебного производства), дознаватель может взять обязательство о явке. В случае неявки данных лиц в отношении них может применяться привод (положения законопроекта по изменению редакций ст. 112 и 113 УПК РФ).

В тексте законопроекта указаны такие участники данной формы досудебного производства, как: «лица, участвующие при применении особого порядка досудебного производства», «лица, участвующие в особом порядке досудебного производства», «лица, к которым применяется особый порядок досудебного производства»[1]. Но, к сожалению, в законопроекте подробно не раскрыт статус данных участников.

Также отличительной чертой предлагаемого порядка досудебного производства от сокращённого дознания является то, что дознаватель не должен получать обязательного согласия на его применение от заявителя и лица, в отношении которого будет осуществляться анализируемый порядок. О своём решении по осуществлению данного порядка расследования дознаватель письменно уведомляет заявителя и лицо, в отношении которого будет осуществляться данный порядок, в течение 24 часов с момента дачи начальником органа дознания пись-

[1] См. подр. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2017).

менного поручения дознавателю (ст. 226^{10} законопроекта). Также в этот срок о принятом решении уведомляется прокурор, которому направляется копии поручения.

Следует также коснуться обстоятельств, которые исключают применение особого порядка досудебного производства (ст. 226^{11} законопроекта). Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что эти обстоятельства почти полностью соответствуют изложенным в ст. 226^{2} УПК РФ обстоятельствам, исключающим производству сокращенного дознания. Однако, есть и ряд различий, например, возражение потерпевшего является обстоятельством, которое исключает производство сокращённого дознания. Так же есть совокупность обстоятельств, согласно которым предлагаемая форма досудебного производства не осуществляется: когда установлены основания для осуществления дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации и установлены основания для применения мер процессуального принуждения, за исключением обязательства о явке и приводе.

В соответствии с законопроектом обвинительное постановление, выступает как итоговый документ, который содержит в себе совокупность последовательных процессуальных решений. К последним следует отнести – возбуждение уголовного дела, принятие его к производству, привлечение лица в качестве обвиняемого, признание потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, предметов вещественными доказательствами и ряд других решений.

Очевидно, что указанный законопроект включил в себя многие положительные аспекты, которые в целом неплохо бы вписались в практику производства сокращенного дознания. Но при этом нельзя не отметить, что при устранении некоторых противоречий, которые содержатся при производстве существующего дознания в сокращенной форме, он содержит и новые.

Н. В. Григорьева[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Б. А. Какабаев[2],
курсант факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СЛЕДОВАТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРКМЕНИСТАНА

Следователь является ключевым элементом, звеном в механизме уголовного судопроизводства. Именно следователь принимает решения о наличии или отсутствии признаков преступления, возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, направляет ход расследования, осуществляет все необходимые и предусмотренные законом действия, направленные на выявление лица, совершившего преступление, и привлечение его к ответственности. От решений, принимаемых следователем, во многом зависит законность, обоснованность и справедливость выносимого в последствие судом приговора.

Вместе с тем, говорить о завершенности формирования процессуального статуса следователя в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Туркменистана еще нельзя.

В юридической литературе давно ведутся дискуссии о лишении следователей разноведомственной принадлежности и необходимости создания единого следственного органа. На сегодняшний день в теории уголовного процесса существуют различные точки зрения по поводу определения процессуального статуса участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, в том числе следователя. Существуют и проблемы распределения процессуальных полномочий между прокурором, с одной стороны, и руководителем следственного органа и следователем, с другой стороны. Также, следует отметить, что полномочия следователя содержатся не только в ст. 38 УПК РФ, следовательно, находятся в УПК РФ не систематизировано, в разных главах и разделах, что не совсем удобно для лиц, вступающих в процессуальные отношения с последним. Существуют проблемы, возни-

[1] © Григорьева Н. В., 2018.
[2] © Какабаев Б. А., 2018.

кающие у следователя при использовании доказательств, в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, например, сведений, полученных оперативно-розыскным путем.

Согласно УПК РФ следователем[1] является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством (ст. 38 УПК РФ). Аналогичное понятие дано и в ст. 73 УПК Туркменистана.

Отметим, что, несмотря на достаточно полное отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве прав и обязанностей следователя, определение следователю, данное в УПК РФ (ст. 38, п. 41 ст. 5) и УПК Туркменистана (ст. 73, п. 53 ст. 5), не достаточно полно отражает его сущность и значение.

Исходя из публичности уголовного судопроизводства (ст. 21 УПК РФ), следователь в любом случае обнаружения признаков преступления должен принять необходимые, предусмотренные процессуальным законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, а положения ст. 30 УПК Туркменистана дополнительно требуют принятия мер по их наказанию или реабилитации.

Посвященная в свою очередь следователю ст. 38 УПК РФ, в п. 1 ч. 2, закрепляет способ достижения следователем, установленных ст. 21 УПК РФ целей. Примером чего можно выделить правомочие следователя на возбуждение уголовного дела, в предусмотренном законом случае и предусмотренном УПК порядке. Следует отметить, что возбуждение уголовного дела является обязательной стадией уголовного судопроизводства Российской Федерации и Туркменистана.

Рассматривая процессуальную фигуру «следователя» в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства, следует отметить, что сегодня следователем является должностное лицо,

---

[1] В нормативный оборот Российской Федерации введен также следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству. См.: Зотов А. Ю. Следователь-криминалист: должностное лицо или процессуальная фигура? // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1 (36). – С. 128–132.

находящееся на государственной службе в Следственном комитете, органах внутренних дел, Федеральной службе безопасности, а в Туркменистане еще и в прокуратуре и Государственной службе по борьбе с наркотиками. Таким образом, в Туркменистане сохраняется система органов предварительного следствия, существовавшая в Российской Федерации до 2011 г.

Учеными-юристами и практиками предлагаются многообразные организационные формы решения проблемы разноведомственной принадлежности следователей: создание единого следственного аппарата при Правительстве Российской Федерации[1], сосредоточение его в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации[2], использование в качестве модели единого следственного органа Следственный комитет Российской Федерации[3]. Имела место и идея объединения следственного аппарата в судебном ведомстве[4], но она оказалась менее популярной.

Хотелось бы заметить, что создание единого, независимого и самостоятельного следственного аппарата не такая уж простая задача, как кажется с первого взгляда. И не только в силу социально-экономических причин. Автономное функционирование органов предварительного следствия может вызвать серьезные проблемы взаимодействия внутри правоохранительной системы. Вместе с тем, перспектива создания объединенного следственного органа все еще присутствует и, может быть, не так скоро, но найдет свое воплощение в жизнь, по крайней мере, работа в этом направлении продолжается. Однако независимо от ведомственной принадлежности следователя его процессуальное положение остается одинаковым. При расследовании преступления любой следователь обладает одинаковым объе-

---

[1] Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2004. С. 119–120; Гаврилов Б. Я. Оценка научной и практической состоятельности создания Федеральной службы расследования // Российская юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11 и др.

[2] Васильев О. Л. Становление и развитие отечественной концепции предварительного следствия : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 24.

[3] Бабич А. В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 9.

[4] Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С.61–68; Дерищев Ю. Предварительное следствие: исследование или преследование? // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 34–35.

мом процессуальных полномочий, занимает одно и то же процессуальное положение.

Основываясь на принципе законности уголовного судопроизводства (ст. 7 УПК РФ, ст. 9 УПК Туркменистана), деятельность следователя должна реализовываться исключительно предусмотренными УПК способами и средствами. При этом УПК Туркменистана ограничивает следователя соответствующей административной территорией, на которой он вправе осуществлять свою деятельность, что, по нашему мнению, представляет интерес для дальнейших исследований.

В главе 6 УПК РФ следователь отнесен к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а согласно главе 8 УПК Туркменистана является должностным лицом, осуществляющим функцию уголовного преследования. Однако это не означает, что его деятельность по выявлению обстоятельств совершенного преступления носит односторонний, обвинительный характер. Он обязан осуществлять все следственные и иные процессуальные действия, направленные не только на раскрытие преступления и уголовное преследование лица, его совершившего, но и на выявление иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следователь обязан обеспечить права всех участников процесса, в том числе подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и др. (ст. 73 УПК РФ, ст. 126 УПК Туркменистана).

По результатам проведенного изучения понятия и уголовно-процессуального статуса следователя по УПК РФ и УПК Туркменистана, рассмотрения вопросов ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следователя по УПК РФ и Туркменистана, можно сформулировать теоретические выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Полагаем возможным изложить ч. 1 ст. 38 УПК РФ следующим образом: «Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, возбуждать уголовное дело и осуществлять предварительное следствие по уголовному делу». Данное определение, на наш взгляд, изначально предавало бы большую значимость данному субъекту уголовно-процессуальных отношений, и являлось своеобразной отправной точкой для всей дальнейшей уголовно–процессуальной деятельности следователя.

К значимым признакам уголовно-процессуального статуса следователя, характеризующего его именно как систему элементов относятся следующие. Во-первых, выделенная структура процессуального статуса следователя позволяет описывать все особенности деятельности следователя в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, при серьезной модификации содержания системных элементов уголовно-процессуального статуса следователя, а именно уголовно-процессуальной функции, задач его деятельности, ответственности и компетенции, определяющей объём самостоятельности следователя в досудебном производстве, структура процессуального статуса следователя остается постоянной. В-третьих, процессуальный статус следователя соотносится с процессуальными статусами иных участников уголовного судопроизводства и способен влиять на их содержание. В-четвертых, выявленная способность системы элементов процессуального статуса следователя к модификации своего содержания позволяет предвидеть, каким образом будет реагировать предлагаемая модель процессуального статуса следователя в случае, если ее элементы будут подвержены определенным изменениям.

Необходимо более детально конкретизировать полномочия следователя, закрепив полную и систематизированную регламентацию его прав и обязанностей как субъекта уголовно-процессуальной деятельности, поскольку все полномочия следователя, закрепленные в УПК РФ, не систематизированы и находятся в разных главах и разделах, что не способствует укреплению законности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Для наиболее качественной и эффективной деятельности органов предварительного следствия, предлагается законодателю более внимательно подойти к такой важной контролирующей деятельность следователя фигуре, как руководитель следственного органа. При этом следует отметить, что в Туркменистане, в отличие от Российской Федерации, сохранен абсолютный прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователя и фактически отсутствует судебный контроль.

С целью улучшения качества производства расследования по уголовному делу и обеспечения законности и обоснованности в деятельности следователя полагаем возможным закрепить в УПК РФ в качестве общего условия предварительного расследования положение о полноте, всесторонности и объективности исследования обстоя-

тельств дела. В частности, в УПК Туркменистана данное положение возведено в ранг принципа уголовного процесса (ст. 23).

Дальнейшая разработка и определение статуса следователя, его места и роли в досудебном производстве в практической юриспруденции может содействовать устранению противоречий при выстраивании систем доказательств, сокращать сроки производства расследования.

С. В. Гурдин[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Е. А. Чеботарева[2],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Уголовный процесс, как система последовательно сменяющих друг друга стадий, не раз становился предметом для обсуждения в рамках полемики, которая развернулась между учеными-процессуалистами на страницах юридической литературы.

Особенно остро на повестке дня стоит вопрос о месте, роли, значении и самой возможности дальнейшего существования стадии возбуждения уголовного дела.

Всесторонний анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет нам утверждать, что стадия возбуждения уголовного дела это первоначальная, самостоятельная стадия уголовного процесса в ходе которой, специально уполномоченным на то государством должностным лицом или органом, разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Началом этой важнейшей по нашему глубокому убеждению стадии считается момент получения специально уполномоченным на то государством должностным лицом либо органом информации о совершенном или готовящемся преступлении и заканчивается приняти-

[1] © Гурдин С. В., 2018.
[2] © Чеботарева Е. А., 2018.

ем решения о возбуждении уголовного дела и вынесением соответствующего, предусмотренного УПК РФ постановления.

При этом изучение статистических данных и специальных, посвященных проблемам стадии возбуждения уголовного дела, научных исследований свидетельствуют о том, что должностные лица и органы, имеющие право осуществлять предварительное расследование нередко злоупотребляют правом отказа в возбуждении уголовного дела.

В такой ситуации становится возможным искусственное сокращение уровня преступности за счет того, что достаточно значительная масса дел не будет возбуждаться.

Так, В. В. Кожокарь в одной из своих работ отмечает, что, несмотря на значительное сокращение показателей регистрируемой преступности (в 5 раз), увеличивается количество принятия незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовных дел, которые ежегодно составляют от 20 % до 40 %. В связи с чем В. В. Кожокарь указывает на сформировавшуюся негативную тенденцию к многократному увеличению количества (с 1,3 млн. в 1992 г. до 6,81 млн. в 2015 г.) и удельного веса (с 47,7 %, в 1992 г. до 360 % в 2015 году) процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела к числу возбужденных уголовных дел[1].

Несмотря на выше сказанное, следует отметить, что у каждого явления, можно выделить свои, присущие только ему сильные и слабые, подверженные критике стороны. Имеются они и в стадии возбуждения уголовного дела. При этом, анализируя эти моменты в неразрывной связи между собой, ответить на вопрос: «Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела на сегодняшний день или в свете динамично развивающегося уголовно-процессуального законодательства от нее можно отказаться?».

Одна из по-настоящему слабых сторон процедуры возбуждения уголовного дела заключается в необходимости повтора ряда процедур на нескольких стадиях уголовного процесса.

По этой причине лица, принимающие участие в производстве по уголовному делу, в целях производства с ними аналогичных следственных и иных процессуальных действий, как правило, могут быть вызваны к следователю, дознавателю несколько раз.

---

[1] Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 3.

Потребность в осуществлении повтора тех или иных уголовно-процессуальных процедур связана с тем, что на разных стадиях уголовного процесса его участники обладают различным объемом прав, реализовать которые на первоначальной стадии вполне возможно, причем в полном объеме, однако достигнуть максимально точного представления о событии преступления и лицах его совершивших не всегда представляется возможным.

Действительно, на стадии возбуждения уголовного дела данные действия проводятся в большинстве случаев в форме получения справок об исследовании, актов изъятия документов, получения объяснений, а в последующей стадии предварительного расследования возникает необходимость получать, по сути, эту же информацию, но на более высоком, если так можно выразиться, уголовно-процессуальном уровне, но уже посредством производства следственных действий, направленных на получение доказательств.

Кроме того, некоторые предметы, например, наркотические средства или боеприпасы, изъятые в ходе осмотра места происшествия, в большинстве случаев, подвергаются соответствующей экспертизе до возбуждения уголовного дела.

Результатом является отсутствие возможности представить предметы после возбуждения уголовного дела в первоначальном виде для производства повторной экспертизы, создавая преграду для их дальнейшего полного исследования.

Все это не способствует формированию у граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства в том или ином качестве, положительного отношения к этим необходимым процессуальным процедурам.

Продолжая начатый разговор, невозможно не обратиться к истории нашего государства. К примеру, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 г., 1923 г. не знали такого процессуального института, как возбуждение уголовного дела. Статья 303 УПК РСФСР 1923 г. закрепляла, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия; ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказывать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»[1].

В свою очередь ст. 309, 312 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. было установлено, что в тех случаях, когда судебный следова-

[1] Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8. С. 151.

тель не находит достаточных оснований для производства следствия, сведения по делу он должен собрать посредством негласного полицейского разведывания[1]. При этом он, в отличие от УПК РФ, не предусматривал возможность отказа в возбуждении уголовного дела.

В российский уголовный процесс норма о возбуждении уголовного дела была введена в целях ограничения политических репрессий рядом циркуляров Генерального прокурора СССР в 1934–1937 гг. Так, циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26 устанавливал, что возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором.

В качестве самостоятельной уголовно-процессуальной нормы она появилась лишь в 1960 г. в УПК РСФСР. В связи с этим появилась необходимость в совокупности уголовно-процессуальных норм, регламентирующих основания и порядок отказа в возбуждении уголовного дела.

Далее следует сказать, что уголовно-процессуальное законодательство не всех государств содержит в себе нормы, определяющие основания и порядок возбуждении уголовного дела.

В Германии, США, Франции и некоторых других государствах, где устоялась система уголовного правосудия, полиция не вправе отказать в расследовании при наличии заявления или сообщения о преступлении.

Норм о возбуждении уголовного дела нет и в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран бывшего СССР – Казахстан, Латвия, Молдова, Украина.

Б. Я. Гаврилов в свое время писал: «Полнота регистрации и учета преступлений в странах Западной Европы, США, Японии обеспечивается за счет того, что заявления о противоправных деяниях, не представляющих большой общественной опасности, после регистрации полицией, ставятся на учет как преступления, а затем передаются ее сотрудникам для принятия мер по установлению виновного»[2].

---

[1] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ЭПС «Система ГАРАНТ».

[2] Гаврилов Б. Я. Право отказывать в возбуждении уголовного дела необходимо исключить / Электрон. дан. Режим доступа: URL: http://www.jk.ru/blog/179/ (дата обращения: 06.10.2017).

США ограничило поток заявлений путем выделения определенных видов преступлений, в число которых входят восемь основных: убийства, преступления, совершенные на сексуальной почве (в том числе изнасилования); нападения с целью нанесения тяжких телесных повреждений; кражи; грабежи с применением насилия; кражи автомобилей; мошенничества; преступления, связанные с наркотиками. В США более чем по 4 млн., или 40 %, краж ущерб составляет менее 50 долларов, что, исходя из суммы пособия по безработице, соответствует по российскому законодательству мелкому хищению чужого имущества. Все они регистрируются как «индексные» преступления, однако полиция расследование по ним в полном объеме не проводит (аналогично и в Германии, где размер мелкой кражи, регистрируемой как преступление, составляет 50 евро)»[1].

По справедливому утверждению М. М. Биркина, в УПК РФ эта процедура соответствует отказу в возбуждении уголовного дела, и, соответственно, «мелкие» кражи как преступления, в отличие от США и абсолютного большинства других государств мира, в России не учитываются, а фактически укрываются от регистрации путем незаконного, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела (1 млн. ежегодно). Расследование полиции начинается после установления подозреваемого или в случае совершения серьезного преступного деяния, что аналогично возбуждению уголовного дела по российскому уголовно-процессуальному законодательству. Отсюда следует вывод, что началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении, как это предусматривалось ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.[2]

В своем выступлении Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии Министерства 15 марта 2016 г. указал на то, что сократилось количество отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел, а также дел, возвращенных для производства дополнительного расследования. В связи с этим мы можем сделать вывод о повышении эффек-

---

[1] Гаврилов Б. Я. Указ. раб.

[2] Биркин М. М. К вопросу о необходимости стадии возбуждения уголовного дела в Российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 3. – С. 14.

тивности деятельности правоохранительных органов и, наряду с этим, о росте правосознания людей[1].

На наш взгляд, наличие стадии возбуждения уголовного дела необходимо в уголовно-процессуальном законодательстве России.

При решении вопроса о том быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России следует непременно учитывать национальный характер и особенности менталитета граждан в нашей стране, которые сложились за последние десятилетия.

Полагаем, что возбуждение уголовного дела это не атавизм, перекочевавший к нам из советской эпохи, а сформировавшийся, самостоятельный уголовно-процессуальный институт, призванный защищать права, свободы и законные интересы лиц не только потерпевших от преступлений, но и тех, в отношении кого уголовное дело может быть возбуждено.

О. И. Долгачёва[2],
доцент кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Необходимость планирования при расследовании преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК), а также строжайшее соблюдение законов будет гарантом решительной борьбы всей правоохранительной системы со преступными элементами. Научно обоснованные средства и методы управления организацией предварительного следствия способствуют повышению эффективности расследования преступлений и надлежащему обеспечению прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Анализ практики расследования преступлений в сфере ТЭК показывает, что раскрываемость данной категории преступлений не велика. Основными причинами неудовлетворительной работы являются недостаточный профессионализм сотрудников органов дознания,

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: https://мвд. рф/document/7393866

[2] © Долгачёва О. И., 2018.

предварительного следствия и оперативных служб, отсутствие методики раскрытия и расследования данной категории преступлений, низкий уровень взаимодействия подразделений органов внутренних дел. Поэтому особенно остро встает вопрос о необходимости разработки типового планирования расследования по таким делам[1].

Выявление, раскрытие и расследование данных деяний организуется по различным методическим схемам в зависимости от конкретной ситуации.

Выделяя типичные следственных ситуации, следователь наиболее рационально пойдет к планированию расследования преступлений в сфере ТЭК, а именно:

1. Объективная оценка исходной ситуации позволяет, используя типовую криминалистическую характеристику преступлений, ликвидировать информационную неопределенность.

2. Совокупность определения исходной ситуации позволяет правильно её классифицировать.

3. Правильная классификация ситуации обусловливает методологию работы следователя в этой ситуации.

4. Избранная методология следственной работы несет в себе рациональный набор методов, что способствует их последовательному применению.

При правильном анализе и оценке первоначальной информации следователь, определяет в какой именно ситуации он находится, ставит задачи, с целью установления истины, путем проведения следственных действий и иных мероприятий.

Следственная работа, как и любая другая работа, имеет по ряду направлений недостатки, в числе которых низкая раскрываемость преступлений в сфере ТЭК, неполнота расследования по уголовному делу, затяжной характер расследования и т. д. К причинам вызывающим данные недостатки относятся:

1) Нехватка должного «напора» в расследовании конкретного уголовного дела;

2) Неумелое применение метода разработки и проверки версий;

3) Неорганизованность в установлении обстоятельств расследуемого события;

---

[1] Долгачёва О. И. Криминалистические основы расследования преступлений в сфере потребительского рынка нефтепродуктов» : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 1.

4) Незнание основных тактических приемов при расследовании данных уголовных дел;

5) Отсутствие должной организации в распределении уголовных дел находящихся в производстве и т. д.

Несомненно, есть следователи, которые профессионально раскрывают преступления, всесторонне и полно расследует многоэпизодные дела. Уровень профессионализма следственных подразделений повысился, они достаточно полно расследуют сложные дела, но при этом могут допускать серьезные ошибки.

Совершенствование расследования по уголовным делам напрямую зависит от правильной её организации, в частности планирования. В производстве у одного следователя, как правило, находится несколько уголовных дел. При этом задачей следователя является то, чтоб ни одно из них не оставалось без движения. Следователь должен обеспечить непрерывность предварительного следствия по уголовным делам в сфере ТЭК. Особенно это касается уголовных дел, где мера пресечения уже избрана.

Необходимым условием работы следователя является установление должного планирования учёта наличия, а также движения находящихся в производстве уголовных дел.

В планирование расследования по уголовному делу в сфере ТЭК, в случае когда, оно возбуждается по материалам оперативно-разыскной деятельности сотрудников ЭБиПК, должно включать в себя: задержание и личный обыск подозреваемых; обыски по месту работы и жительства подозреваемых; осмотр места происшествия; осмотр транспорта, если подозреваемый задержан в нем; выемка и осмотр документов прикрытия перевозки похищенного топлива (во время задержания при его транспортировке); осмотр оборудования АЗС, нефтехранилищ и автотранспортных средств; допросы подозреваемых; допросы свидетелей; назначение инвентаризаций и ревизий, организация контрольных замеров, проверка правильности действия оборудования; получение образцов для сравнительного исследования; назначение судебных экспертиз, в зависимости от ситуации; другие действия, направленные на сбор доказательств.

Любой выявляемый факт обрабатывается в сознании следователя с его знаниями и методикой расследования по преступлениям в сфере ТЭК. Личный опыт, коллективная практика, положения науки также безусловно играют огромную роль. В связи с чем возникают новые

версии события преступления, которые могут противоречить друг другу, но при этом следователь знает о них.

Выдвижение версий на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере ТЭК основывается на информации, получаемой в ходе предварительной проверки, реализации оперативной информации, а часто и из осмотра места происшествия. Наибольшее значение в формировании версий имеют складывающаяся следственная ситуация и способ совершения преступления. При этом учитывается: какие конкретно материалы похищены; где, как, кем они могут быть использованы; каким конкретно способом совершено преступление; каков объем похищенных горюче-смазочных материалов; каким образом их можно было вывезти с места совершения преступления.

На основе этого при расследовании на первоначальном этапе можно выдвинуть частные типичные версии:

1) преступление совершено организованной группой;

2) местом хранения похищенного являются заброшенные резервуары, расположенные неподалёку от места врезки;

3) похищенное будет реализовано через АЗС.

Планирование расследования преступлений напрямую определяется следственными ситуациями, которые формируют алгоритм деятельности следователя, порядок и перечень необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Планирование расследования по уголовным делам о преступлениях в сфере ТЭК имеет ряд особенностей, которые проявляются в тактике выбора последовательности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, призванной обеспечить максимальную эффективность и рациональность действий лица, производящего расследование. При планировании отдельного следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия необходимо помнить о способе совершения преступления и исходить из конкретной следственной ситуации, которая определяет необходимость акцентирования внимания на тех или иных моментах собирания доказательств.

В плане расследования необходимо предусмотреть соответствующие меры, направленные на пресечение деятельности лиц, совершающих преступления в сфере ТЭК; установление размера причиненного ущерба; возмещение причиненного ущерба; установление места пребывания преступников и пресечение их попыток уклониться от следствия и суда; выявление возможных свидетелей; установление

и устранение причин и условий, способствующих совершению преступления; предупреждение преступлений в сфере ТЭК.

Процесс планирования расследования конкретного преступления в сфере ТЭК представляет собой систему элементов, которые взаимосвязаны между собой. Эта система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов и будет составлять содержание планирования.

Планирование расследования помогает не только объективно и полно выяснить все обстоятельства дела и решить задачи расследования, но и дает возможность следователю достичь своей цели кратчайшим путем. При планировании расследования по уголовным делам должны соблюдаться четыре основных принципа общего характера: соблюдение законности; индивидуальность; своевременность; динамичность.

Строгое соблюдение законности есть общее обязательное требование, предъявляемое ко всему расследованию, а соответственно и к планированию этого расследования. Четкое соблюдение законов должно быть с самого начала и до конца.

По каждому конкретному уголовному делу планирование расследования должно быть индивидуальным и в зависимости от обстоятельств данного дела. Применение методических рекомендаций на местах даёт возможность выявить общие основы и принципы планирования расследования. Но следует помнить, что жизненные ситуации бывают разными, поэтому не стоит подходить шаблонно к планированию расследования. Применение рекомендаций по расследованию преступлений должно быть гибким и носить творческий, индивидуальный характер с учетом особенностей того или и иного вида преступления.

Н. Ю. Емельянова[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Д. Р. Рустамов[2],
слушатель факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сегодня принцип разумного срока вызывает немало дискуссий. В юридической литературе не существует единого подхода к его пониманию, каждый автор формулирует свою позицию по определению места и роли разумного срока в уголовном судопроизводстве, его понятию и сущности. Можно обратить внимание на тот факт, что наряду с выше обозначенным термином, учёные исследуют такие понятия, как «быстрота и оперативность», «ускорение уголовного судопроизводства», «должностная активность властных субъектов уголовного процесса». Эти категории, несомненно, близки, но, как представляется, нетождественны по своему содержанию.

Термин «разумный» в словарях определяется как логичный, основанный на разуме, целесообразный. Этот же термин в одном из своих значений толкуется как оправданный сложившимся положением, наиболее отвечающий каким- либо обстоятельствам, рациональный, целесообразный.

Таким образом, этимология слова «разумный» дает основание говорить о том, что применительно к уголовному процессу данный термин не может означать только лишь быстроту процесса, равно как и однозначно быть связан только с должностной активностью участников уголовного судопроизводства. Можно утверждать, что следователь, дознаватель, судья с учетом положения о разумном сроке должны использовать установленные законом временные границы максимально рационально и эффективно. Однако отечественный законодатель несколько односторонне подходит к оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, направляя свои усилия на создание институтов, способствующих ускорению уголовного судопро-

[1] © Емельянова Н. Ю., 2018.
[2] © Рустамов Д. Р., 2018.

изводства. Наиболее ярким примером здесь может служить особый порядок судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Направленный на упрощение процессуальной процедуры, данный институт имеет целью экономию сил и средств правоохранительных органов и суда, минимизацию издержек при раскрытии, расследовании и рассмотрении уголовного дела, сокращение временного разрыва с момента совершения преступления до момента принятия окончательного решения по данному уголовному делу, рационализацию уголовного судопроизводства, направленную на его ускорение и эффективность[1].

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что разумный срок направлен не только на преодоление медлительности и волокиты в деятельности властных субъектов, но и на рациональное и эффективное использование времени, реально необходимого в рамках установленных законом сроков для полного, объективного и всестороннего расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел. В этом смысле положение о разумном сроке способно создать баланс между необходимостью обеспечения права на скорое решение и соблюдение права на справедливое судебное разбирательство[2].

В заключение выделим, что данный термин может рассматриваться с нескольких позиций.

Во-первых, он представляет собой принцип уголовного процесса. Это означает, что в его содержании заключена гарантия целого комплекса таких фундаментальных прав, как право на скорый суд, справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию.

Во-вторых, положение о разумном сроке порождает обязанность должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, соотносить свои действия с установленными в законе временными границами, а в случае отсутствия таковых – осуществлять свою деятельность рационально и эффективно, достигая, таким образом, цели раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего и, не нарушая основных прав и свобод личности. В этом смысле положение о разумном сроке представляет собой требование, влияющее на производство всего уголовного дела.

---

[1] Рябцева Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном судопроизводстве. 2010 г. // Режим доступа: http://www. iuaj. net/book/export/html/ 463.

[2] Курышева Н. С. Способы реализации разумного срока в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. М., 2015.

В-третьих, разумный срок – это период времени, необходимый и достаточный для рационального и эффективного проведения всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также для принятия конкретных решений и осуществления отдельных процессуальных, в том числе следственно-судебных, действий и применения мер уголовно-процессуального принуждения.

В целом определение разумного срока должно включать в себя все основные характеристики данного правового явления. Исходя из этого, разумный срок – это отвечающий обстоятельствам конкретного уголовного дела период времени, необходимый и достаточный для эффективного раскрытия, расследования, рассмотрения и разрешения уголовно-правового конфликта, а также порождающий обязанность рациональной организации производства по уголовному делу в целях охраны прав и свобод личности.

А. Н. Заливин[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

А. П. Рыжаков[2],
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тульского филиала ОЧУВО «Международный юридический институт»,
кандидат юридических наук, профессор

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО «ДРУГИХ ЛИЦ»

В абз. 1 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» разъяснены положения, связанные с наложением ареста на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (далее для краткости – другие лица). На указанных лиц

[1] © Заливин А. Н., 2018.
[2] © Рыжаков А. П., 2018.

имущественная ответственность не возлагается – в противном случае применению подлежит не ч. 3, а ч. 1 ст. 115 УПК РФ[1].

На имущество других лиц арест может быть наложен лишь в случае, когда имеется подтвержденное доказательствами предположение, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого (обвиняемого) либо что оно использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Поскольку наличие по уголовному делу обстоятельств, впоследствии влекущих, в т. ч. на основании ст. 104[1] УК РФ, изъятие имущества, на которое был наложен арест, при условии, что лицо, у которого находилось данное имущество, знало или должно было знать о его преступном происхождении или использовании, может быть с достоверностью установлено лишь при постановлении обвинительного приговора, применение этой процессуальной меры само по себе не влечет перехода права собственности на арестованное имущество к государству или иным лицам и носит временный характер – на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, сроки которых установлены УПК РФ (ст. 162, 223, 227 и 233). В случаях прекращения производства по уголовному делу или вынесения оправдательного приговора наложение ареста на имущество подлежит отмене[2].

В абз. 1 п. 14 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 указано на обязанность судьи

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена».

[2] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1, 3 и 9 ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой».

в резолютивной части постановления об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. Между тем стоит напомнить, что судья не вправе установить ограничения, которые следователь (дознаватель и др.) в своем ходатайстве его не указывал. Поэтому следователю (дознавателю и др.) мы бы рекомендовали так формулировать постановление о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество, чтобы у судьи была возможность выбора из предложенных вариантов ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. Следователю (дознавателю и др.) в этой связи следует максимально широко излагать круг соответствующих ограничений, как в описательно-мотивировочной части постановления, так, что не менее важно, в резолютивной части.

В резолютивной части постановления об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество судья должен установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. Как поясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации, такие ограничения могут выражаться «в запрете распоряжаться данным имуществом путем заключения договоров купли-продажи, аренды, дарения, залога и иных сделок, последствием которых является отчуждение или обременение данного имущества». Причем не обязательно перечислять в постановлении все виды подобного рода сделок. Достаточно использовать данную, употребленную в абз. 1 п. 14 Постановления № 19, фразу: «сделки, последствием которых является отчуждение или обременение» арестованного имущества.

Пролонгация действия данной меры процессуального принуждения, первоначально примененной в неотложной ситуации, также должна осуществляться с учетом данных, которые получены в результате дальнейшего расследования и свидетельствуют о возможности применения по приговору суда конфискации имущества, на которое наложен арест, о необходимости его сохранности как вещественного доказательства и позволяют оценить, действительно ли арестованное имущество приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать, знал или должен был знать владелец арестованного имущества, что оно получено в результате преступных действий, причастен ли он к совершению преступления, на каком основании приобретено

имущество. При этом не исключается сохранение правового режима ареста имущества для обеспечения – при эффективном судебном контроле – частноправовых целей возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, если по делу будет заявлен гражданский иск и владелец арестованного имущества подлежит привлечению в качестве гражданского ответчика. Однако в таком случае пролонгация ареста должна будет осуществляться на основании ч. 1, а не ч. 3 ст. 115 УПК РФ[1].

Постановление о наложении ареста на имущество других лиц специфично. Ведь срок, на который налагается арест на имущество, указывается лишь в решении о наложении ареста на имущество указанных лиц. Через какое-то время, этот срок может быть продлен опять же судом. В остальном данное решение и процедура его принятия ничем не отличается от решения и процедуры принятия решения о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, а равно гражданского ответчика.

В абз. 2 п. 14 Постановления № 19 Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что определенный судьей срок действия ареста на имущество «в последствии может быть продлен в порядке, предусмотренном ст. 115[1] УПК РФ». В этой связи следует уточнить, что согласно ч. 3 ст. 115 и ст. 115[1] УПК РФ установление и продление срока ареста может иметь место лишь в отношении имущества других лиц. Суду не предоставлено права ни устанавливать, ни, соответственно, продлять срок ареста, наложенного на имущество подозреваемого, обвиняемого и (или) гражданского ответчика.

Согласно ч. 3 ст. 115 УПК РФ в решении о наложении ареста на имущество срок, на который налагается арест на имущество, указывается с учетом установленного по уголовному делу срока предварительного расследования и времени, необходимого для передачи уголовного дела в суд. Между тем в соответствии с ч. 4 ст. 208 УПК РФ по основаниям, предусмотренным п. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, предварительное следствие может быть приостановлено и до окончания этого срока. В данном случае установленный судом срок ареста,

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена».

наложенного на имущество, может еще не истечь. Должен ли в такой ситуации орган предварительного расследования возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока ареста, наложенного на имущество? Думается, нет.

Хотя, согласимся, буквальное толкование ч. 2 ст. 115^1 УПК РФ вполне может породить не соответствующее заложенной в него законодателем идее разъяснение, согласно которому и в этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора обязан возбудить перед судом по месту производства предварительного расследования ходатайство о продлении срока ареста, наложенного на имущество. На это же указывает редакция новой ч. 7 ст. 208 УПК РФ.

Между тем хотелось бы обратить внимание правоприменителя и на следующее обстоятельство. Уже то, что процессуальное решение о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество, не может быть принято без получения на то согласия от руководителя следственного органа (прокурора), позволяет заключить, что даже в случае истечения установленного срока ареста, наложенного на имущество, не всегда следователь (дознаватель и др.) в состоянии, а тем более не всегда обязан, возбуждать перед судом рассматриваемое ходатайство. Когда, к примеру, фактические основания применения искомой меры процессуального принуждения отпали, нет необходимости возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока ареста. Считаем, нет необходимости продлять соответствующий срок, и, когда он не истек.

Если все же такое ходатайство органом предварительного расследования возбуждено не было, и срок ареста, наложенного на имущество, истек, когда предварительное расследование было приостановлено, прежде чем обратиться в суд с ходатайством о продлении срока ареста, наложенного на имущество, следователь (дознаватель и др.) обязан возобновить предварительное следствие (дознание), установить срок предварительного расследования и только после этого имеет право приступить к процедуре возбуждения перед судом ходатайства о продлении срока ареста, наложенного на имущество.

Д. А. Иванов[1],
заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ДОЗНАВАТЕЛЕЙ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением, как известно, осуществляют их непосредственные руководители, которыми согласно ст. 39, 40[1] УПК РФ являются руководители следственных органов и начальники подразделений дознания.

Понятие «контроль» в общепринятом его понимании подразумевает проверку, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора за определенным видом деятельности[2].

Говоря о сущности именно процессуального контроля, О. С. Капинус разумно полагает что, он «должен носить преимущественно предварительный, превентивный характер, быть направлен на предупреждение нарушений закона, а также на повышение эффективности организации расследования»[3].

Относительно повышения эффективности организации расследования, данный призыв видится особенно актуальным в наши дни, когда все острее ставится вопрос об эффективности деятельности органов предварительного расследования, направленной на обеспечение возмещения вреда, причинённого преступлением[4]. В связи с чем автор усматривает логику включения в спектр полномочий руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания также и вышеупомянутую обязанность.

---

[1] © Иванов Д. А., 2018.

[2] См.: Поповцев И. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «Прод-Терминал», 2009. С. 154.

[3] Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 53.

[4] Гриненко А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации. Сер. Краткие учебные курсы юридических наук (4-е издание, переработанное). М., 2011. С. 56.

В настоящее время, следуя логике изложения норм уголовно-процессуального закона, можно предположить, что указания о направлении хода предварительного расследования (п. 3 ч. 1 ст. 39, п. 2 ч. 3 ст. 40[1] УПК РФ), возвращение уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования (п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) могут содержать также и мероприятия, непосредственно направленные на обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением.

Например, говоря о функции процессуального контроля со стороны руководителей органов предварительного расследования, А. С. Александров мотивированно полагает, что данный вид деятельности указанных субъектов «создает должностные и правовые гарантии … обеспечения функциональных прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства»[1]. Думается, что указанный автор в широком смысле подразумевает здесь и право потерпевшего на возмещение вреда, причинённого преступлением.

Однако, отдельное законодательное упоминание в положениях действующего уголовно-процессуального закона придадут особую актуальность указанному аспекту деятельности следователей, дознавателей и вменят в обязанность данных участников уголовного судопроизводства принятие необходимых процессуальных решений с целью повышения эффективности мер, направленных на обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением.

На более детальное рассмотрение вопросов, касающихся дополнения контрольных функций со стороны руководителей органов предварительного расследования, автора подтолкнули также и проблемы, выявленные в ходе изучения следственной практики, которые затрагивают вопросы обеспечения возмещения вреда, причинённого преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам.

Автором установлено, что наряду с проблемными вопросами, положительных результатов в данной работе не позволяют добиться определенные недостатки в деятельности как следственных органов, так и подразделений дознания.

В частности, как следует из изученной аналитической справки контрольно-методического управления Главного следственного

---

[1] Александров А. С. Вопросы взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа и следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник МВД России. – 2009. – № 1. – С. 58.

управления ГУ МВД России по г. Москве за 2016 г. отдельные руководители самоустраняются от осуществления контроля за организацией работы по данному направлению, о чем свидетельствуют результаты их работы. Анализ практики возмещения вреда и результаты выезда сотрудников Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве в следственные подразделения территориальных органов показали, что до возбуждения уголовного дела, меры по возмещению причиненного преступлением вреда зачастую вообще не принимаются, все ограничивается изъятием части похищенного имущества в ходе проведения личного досмотра. При этом рапорта сотрудников органов дознания о проделанной работе носят формальный характер. После возбуждения уголовного дела следователи не отличаются необходимой активностью, ограничиваясь направлением поручений, на которые получают формальные ответы, или вообще не принимают каких-либо мер. При этом, имеют место случаи неисполнения качественно подготовленных поручений следователей, от исполнения которых зависит конечный результат и, как следствие, реальное возмещение вреда, причиненного преступлением. Отмечено также неудовлетворительное качество материалов поступающих из подразделений экономической безопасности, по которым в ходе доследственных проверок мер по возмещению вреда, причиненного преступлением, не принимается, все ограничивается ожиданием документов, свидетельствующих о признаках преступления, ход и направление проверок с руководителями следствия зачастую не согласовывается, совместные планы не разрабатываются[1].

Причинами выявленных нарушений, носящих системный характер и негативно влияющих на показатели возмещения причиненного преступлением вреда, обусловлены также просчетами в осуществлении надлежащего процессуального контроля со стороны руководителей следственных органов и подразделений дознания МВД России за организацией работы по восстановлению прав лиц, ставших жертвами преступных деяний, и возмещению причиненного преступлением вреда.

Данная негативная динамика стала возможной ввиду того, что руководство органов предварительного расследования зачастую осуществляет, по мнению Ю. А. Шемраевой, «поверхностный ведомственный контроль исходя из устного доклада о ходе расследования и

[1] См.: Аналитическая справка контрольно-методического управления Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве за 2016 г.

принимаемых решениях. Ознакомление непосредственно с материалами уголовных дел производится в исключительных случаях: по «резонансным» преступлениям, в связи с жалобами участников процесса либо по требованию прокурора»[1]. Усилим вышесказанный аргумент и доводами о том, что руководство органов предварительного расследования должно знакомиться не только с материалами уголовных дел, но и с другим массивом документов, которые несут в себе значимую информацию, в том числе непосредственно связанную с обеспечением возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями.

По мнению автора, для исправления сформировавшейся отрицательной тенденции необходимо определить источники информации о состоянии совместной работы должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и сотрудников органов дознания по данному направлению работы[2].

В первую очередь следует выделить материалы проверок сообщений о преступлениях. В качестве положительного примера организации работы с данного вида источниками информации служит опыт Управления МВД России по Еврейской автономной области, где издан приказ от 17 сентября 2014 г. № 862 «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверок в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности», в котором акцентировано внимание не только на отражение имущественного положения лица, в отношении которого проводится проверка, на начало и конец проверки, но и на выявление причин изменения материального положения.

В рамках осуществления процессуального контроля другим следующим источником информации для руководителей органов предварительного расследования о деятельности следователей, дознавателей по установлению характера и размера причиненного преступлением вреда являются материалы проверок уголовных дел, как нахо-

---

[1] Шемраева Ю. А. Обеспечение качества предварительного расследования по уголовным делам посредством процессуального контроля // ISAEC «THE GENESIS OF GENIUS». – 2014. – № 2. – С. 114.

[2] См.: Иванов Д. А. Роль участников уголовного судопроизводства в реализации механизма возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – № 1 (6). – С. 33–36.

дящихся в производстве, так и тех по которым производство предварительного расследования приостановлено либо прекращено.

Здесь же следует указать и вступившие в законную силу приговоры судов по уголовным делам, ранее находившихся в производстве органа предварительного расследования. Данные документы являются важным источником информации, характеризующим эффективность деятельности следователей, дознавателей по возмещению причиненного преступлением вреда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Жалобы и обращения граждан, поступившие в орган внутренних дел в связи с производством предварительного расследования, также имеют важное значение в качестве источника информации для осуществления процессуального контроля, именно, с точки зрения повышения эффективности деятельности по обеспечению возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием.

В заключение вышесказанного автор сформулировал вывод о том, что руководители следственных органов и подразделений дознания обязаны в полной мере использовать предоставленные им уголовно-процессуальным законодательством и подзаконными правовыми актами полномочия для упорядочения деятельности подчиненных сотрудников по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Иен Нгуен Тхи Нгок[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

В системе Министерства Общественной Безопасности (далее – МОБ) Социалистической Республики Вьетнам (далее – СРВ), оперативно-розыскная деятельность играет важную роль. Хотя результаты оперативно-розыскной деятельности не упоминаются в УПК СРВ, они имеют особое значение в ходе расследования преступления, поскольку имеющая доказательственное значение информация не всегда может быть получена посредством процессуальных действий.

[1] © Нгуен Тхи Нгок Иен, 2018.

В отличие от уголовно-процессуального права России, уголовно–процессуальное право СРВ использует не термин «результаты оперативно-розыскной деятельности», а понятие «документация оперативно-розыскной деятельности» (на вьетнамском: tài liệu trinh sát). Однако по своей сущности указанные понятия во многом похожи, поскольку документация оперативно-розыскной деятельности содержит именно результаты указанной деятельности.

Термин «документация оперативно-розыскной деятельности» используется и в трудах вьетнамских учёных, однако закон СРВ не содержит нормативного определения данного понятия, в связи с чем в теоретическом аспекте по вопросу его содержания существуют различающиеся взгляды.

Под документацией оперативно-розыскной деятельности подразумеваются собранные путём названной деятельности документы, схемы и другие материалы, которые отражают действие (бездействие) подозреваемого. Для получения соответствующей документации уполномоченными органами могут проводиться различные оперативно-розыскные мероприятия. Документация оперативно-розыскной деятельности может быть использована только в службе МОБ СРВ для выявления, предотвращения и расследования преступлений. Сама по себе такая документация не имеет юридического значения в процессе доказывания преступления. Для того, чтобы документация оперативно-розыскной деятельности могла быть использована в доказывании в уголовном процессе, необходимо преобразовывать её на доказательство.

В СРВ, как и в России, проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании вытекает, в основном, из разной правовой природы получения доказательств и результатов названной деятельности: собирание первых осуществляется путём совершения процессуальных действий, вторые возникают как результат непроцессуальной деятельности.

Несмотря на то, что в УПК СРВ не предусмотрена возможность использования документации оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, на практике уполномоченные органы используют такую документацию в процессе доказывания по уголовному делу.

Сравнительный анализ положений УПК России и норм УПК СРВ выявил некоторые различия правовых подходов к проблеме использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании.

Так, УПК СРВ не содержит конкретных норм, касающихся регулирования рассматриваемой проблемы. В теории уголовно-процессуального права СРВ используют термин «преобразование документации оперативно-розыскной деятельности в доказательства». Использование документации оперативно-розыскной деятельности в доказывании допускается только после преобразования этой документации в доказательства.

В уголовно-процессуальном праве СРВ сама документация оперативно-розыскной деятельности не является доказательством. Между ними имеются лишь следующие сходства: 1) для документации оперативно-розыскной деятельности, как и для доказательств, *достоверность* является важным качеством, то есть документация оперативно-розыскной деятельности существует объективно и независимо от воли человека; 2) *относимость* – как и доказательства, документация оперативно-розыскной деятельности также собрана для доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию; 3) документацией оперативно-розыскной деятельности и доказательствам необходимо быть во взаимосвязи с какими-либо конкретными *источниками*.

В то же время, между ними существуют некоторые различия: 1) документация оперативно-розыскной деятельности и доказательство отличаются друг от друга по *способу собирания* (обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения). Если доказательства собраны теми способами, которые установлены в УПК СРВ, то документация оперативно-розыскной деятельности собрана с помощью оперативно-розыскных мероприятий; 2) документация оперативно-розыскной деятельности и доказательства отличаются по *источникам собирания*. Источники доказательств прямо указаны в ст. 87 УПК СРВ, а источники документации оперативно-розыскной деятельности связаны с соответствующими оперативно-розыскными мероприятиями; 3) документация оперативно-розыскной деятельности и доказательство отличаются друг от друга ещё и по *доказательственной силе и пределам использования*. Доказательства могут прямо использоваться в процессе доказывания, так как чтобы рассматриваться в качестве доказательств, сведения должны обладать всеми свойствами, установленными в УПК СРВ. В свою очередь, документация оперативно-розыскной деятельности не может прямо использоваться процессе доказывания, так как для использования в процессе доказывания, они должны пройти через этап преобразования в доказательства.

В УПК СРВ 2015 г. было внесено дополнение «специальные следственные действия» и закреплены в главе 16. К данным действиям относятся: 1) тайная звукозапись, видеозапись; 2) тайное прослушивание телефонных переговоров; 3) тайное собирание электронных данных (ст. 223 УПК СРВ). Однако, такие специальные меры могут применяться не во всех случаях, а только лишь при расследовании: 1) преступлений против безопасности государства, преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, коррупции и отмывания денег; 2) других особо тяжких преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) (ст. 224 УПК СРВ).

По сравнению с документацией оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном праве СРВ результаты, полученные при производстве «специальных следственных действий», могут прямо использоваться в процессе доказывания. Иными словами, такие результаты являются официальными доказательствами.

Итак, в уголовно-процессуальном праве СРВ не рассматривается документация оперативно-розыскной деятельности, ее преобразование и использование в процессе доказывания. Для устранения правовой неопределённости предлагается ввести в УПК СРВ новую статью, изложив её в следующей редакции:

«Документация оперативно-розыскной деятельности – это совокупность документов, которые собраны путём проведения оперативно-розыскной мероприятий и отражают их результаты.

Документация оперативно-розыскной деятельности может использоваться в доказывании по уголовному делу только после проверки её относимости и достоверности путём производства процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

О. И. Касаткина[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

И. Б. Тутынин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Термин «преюдиция» (лат. praejudicium) известен еще римскому праву и означает: решение вопроса, заранее принятое решение[3]. Обращаясь к римскому праву, следует отметить: суть преюдиции заключалась в том, что вынесенное судебное решение выдвигалось в качестве прецедента при рассмотрении в судебном заседании похожих дел в дальнейшем. То есть это значит, что суд должен был учитывать при вынесении решения по делу ранее вынесенное, вступившее в законную силу решение. Но необходимо отметить, что обязательством суда это не являлось.

Преюдиция означает обязательность для всех судов, рассматривающих дело, а также для прокуроров, следователей, дознавателей, в производстве которых находится уголовное дело, принять без проверки и оценки доказательств обстоятельства, ранее установленные вступившим в законную силу приговором суда по какому-либо другому делу. Согласно закону такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Преюдициальная сила обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором суда, не распространяется на те из них, которые вызывают сомнение у суда, в производстве которого находится уголовное дело (ст. 90 УПК РФ).

Проблемы преюдиции вызывают острые дискуссии в различных отраслях права. В уголовном судопроизводстве она занимает особое

---

[1] © Касаткина О. И, 2018.

[2] © Тутынин И. Б., 2018.

[3] Русский язык, как государственный. Преюдиция [электронный ресурс]. Режим доступа: http://rus-gos. spbu. ru/index. php/words/show/12985 (дата обращения: 27.08.2017).

место, доказывание с её использованием имеет свою специфику. Кроме того, в уголовном процессе еще не создан определенно устойчивый механизм реализации преюдиции.

«Преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя, дознавателя имеют лишь такие фактические обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского (а также арбитражного и административного) судопроизводства, которым установлено правовое положение того же лица, в отношении которого вопрос о его правовом положении уже решен ранее вынесенным судебным актом. Из этого следует, что не могут иметь преюдициального значения в уголовном судопроизводстве судебные акты, вынесенные по другому уголовному делу или в другом виде судопроизводства, если, во-первых, ими не решается дело по существу. Тем более не имеют преюдициального значения промежуточные судебные акты, вынесенные в порядке судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу, поскольку задачей судебного контроля является проверка законности и обоснованности действий следователя, дознавателя, но не доказывание фактических обстоятельств дела»[1].

Данная позиция суда согласуется с ранее высказанной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 193-О-П по жалобе гражданина Т. Р. Суринова на нарушение его конституционных прав ст. 90 УПК РФ. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что коллизию между окончательным характером вступивших в законную силу судебных актов и внутренним убеждением судей, рассматривающих уголовное дело, следует разрешать на основе конституционного принципа презумпции невиновности. Если решение суда, принятое в гражданском или арбитражном процессе, говорит в пользу обвиняемого, признаёт легальность его действий, то его необходимо рассматривать в уголовном деле как указывающее на наличие сомнений в виновности, в некоторых случаях оказывающиеся неустранимыми. Вместе с тем, если решение ухудшает положение обвиняемого, то такой судебный акт, вынесенный в гражданском или арбитражном процессе и используемый обвинением в качестве доказательства виновности, необходимо подвергать критической оценке в со-

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По жалобе гр. В. Д. Власенко и Е. А. Власенко на нарушение их конституционных прав статьей 90 УПК РФ».

вокупности и наряду с другими доказательствами, так как механическое следование ему опровергает презумпцию невиновности, гарантирующей защиту прав обвиняемого. Следовательно, в случаях, когда судебные акты, должны быть использованы в качестве преюдиции, если способствуют улучшению позиции подозреваемого, обвиняемого и должны признаваться источником неустранимых сомнений в вопросе о виновности лица не сразу, а только если оно не опровергнуто и не отменено ввиду вновь открывшихся обстоятельств (либо надзорных или кассационных оснований), которые должны быть выявлены в ходе уголовно-процессуального производства, а затем реализованы в порядке, установленном арбитражным или гражданским процессуальным законом для пересмотра судебных решений.

По этой причине Конституционный Суд Российской Федерации говорит в названном Определении о том, что «... выводы арбитражного суда относительно этих обстоятельств, если ими, по существу, предрешается вопрос о виновности или невиновности лица в ходе уголовного судопроизводства, подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими принципами доказывания, закрепленными в статье 49 Конституции Российской Федерации»[1]. Этот вывод был подтверждён Конституционным Судом Российской Федерации и в ряде последующих его решений[2].

Результатом уголовного судопроизводства является законный, обоснованный и мотивированный приговор, который основывается на доказательствах.

Доказательства, в свою очередь, должны в соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Более того, на практике возникают ситуации, когда установленные судом обстоятельства, которые положены в основу приговора, противоречат убеждению суда. Представляется, что в таком случае, указанные обстоятельства не могут иметь значение заранее установленных доказательств, поскольку практике известны случаи вступления в за-

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По жалобе гр. В. Д. Власенко и Е. А. Власенко на нарушение их конституционных прав статьей 90 УПК РФ».

[2] Определения от 19 марта 2009 г. № 272-О-О; от 13 октября 2009 г. 1316-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

конную силу незаконных и необоснованных приговоров, а истинность приговора является лишь правовой презумпцией, а не правовой аксиомой. Поэтому в случае, когда при рассмотрении уголовных дел, связанных с ранее решенной, появляются данные, свидетельствующие о необоснованности ранее вынесенного приговора, он не может быть положен в основу выводов в новом судебном решении[1].

В подобных случаях, суд, опираясь на действующее законодательство, должен выносить решение, по внутреннему убеждению, даже если будут нарушены правила преюдиции, поскольку именно на суд возложена конституционная функция правосудия. Следовательно, необходимо предусмотреть специальную судебную процедуру пересмотра таких судебных актов в совокупности, для чего необходимо создание специально уполномоченного судебного органа, либо коллегии, в компетенцию которых должно входить вынесение окончательных решений по проверке правильности и законности судебных актов. Это обеспечит стабильность уголовно-процессуальных решений и позволит применять преюдицию без сомнений в правильности решения, предлагаемого в качестве преюдициального.

Изложенное позволяет говорить о том, что развитие преюдиции в нашей стране во многом зависит от развития законодательства и научной мысли.

Проведенное нами анкетирование 54 сотрудников органов внутренних дел г. Москвы, Московской, Смоленской и Ярославской областей показало, что 12 сотрудников (23 %) считают, что преюдиция представляет собой обязанность суда принять, но проверить решения, которые вступили в законную силу, а 42 сотрудника (77 %) считают, что преюдиция – это формальное средство доказывания. Такие данные свидетельствуют о том, что правоприменительная практика применения межотраслевой преюдиции в настоящее время ещё не сложилась. На наш взгляд, её использование вызовет определённые трудности, связанные, в частности, с возбуждением уголовных дел, доказыванием обстоятельств совершения преступления, реализацией механизма пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора, ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. И. Л. Петрухина, И. Б. Михайловской. 3-е изд. М., 2011. С. 218.

Е. С. Клементьева[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Е. С. Васильева[2],
командир отделения института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Эффективное раскрытие преступлений в большей степени зависит от правильной организации производства процессуальных и следственных действий, в результате которых собираются и исследуются какие-либо сведения, а в дальнейшем используются в качестве доказательств или устанавливают иные обстоятельства дела.

Согласно ст. 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных законом. К сожалению, на данный момент приходится признавать, что Кодекс содержит немало пробелов и противоречий, как внутренних, так и межотраслевых, относительно вопросов разграничения понятий «следственные действия» и «иные процессуальные действия». Законодатель не дает понятия «следственные действия», допускает смешение понятий «следственные действия» (то есть направленные непосредственно на получение доказательств) и «иные процессуальные действия»; нет в законе и четкого перечня следственных действий, что порождает споры в теории уголовного процесса.

Например, ч. 1 ст. 164 УПК РФ перечисляет следственные действия, которые производятся на основании постановления следователя, а именно: эксгумация трупа (ч. 3 ст. 178), освидетельствование (ст. 179), обыск (ст. 182), выемка (ст. 183). Является достаточно спорным отнесение эксгумации к следственным действиям, его правильнее относить к процессуальным действиям и по правовой природе оно такое же, как и получение образцов для сравнительного исследования. Сама по себе эксгумация – процедура извлечения трупа из ме-

[1] © Клементьева Е. С., 2018.
[2] © Васильева Е. С., 2018.

ста захоронения не несет сведений, которые помогают установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В юридической литературе мнения ученых относительно понятия эксгумации расходятся. Есть мнения, что эксгумация – следственное действие, в то же время многие авторы не признают эксгумацию самостоятельным следственным действием, считают ее вспомогательным, подготовительным мероприятием для проведения осмотра, предъявления для опознания, взятия образцов для последующего сравнительного исследования[1]. В производстве эксгумации отсутствует основной признак следственного действия – получение сведений, имеющих доказательственное значение. Данное процессуальное действие стоит расценивать в качестве предварительного этапа осмотра трупа, производства судебно-медицинской экспертизы, предъявления для опознания, ведь именно в итоге этих действий, а не эксгумации трупа, появляются новые данные.

Дискуссионным остается вопрос о производстве эксгумации до возбуждения уголовного дела. Часто на практике возникают ситуации, когда тело уже погребено, и предпосылкой его осмотра является эксгумация. Согласно ч. 4 ст. 178 УПК РФ только осмотр трупа может быть произведён до возбуждения уголовного дела, а про проведение эксгумации ничего не сказано, на наш взгляд, в ч. 4 ст. 178 УПК РФ следует внести следующие изменения: «… при необходимости эксгумация и осмотр трупа производятся до возбуждения уголовного дела».

Следующим проблемным моментом является осуществление контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), которое относится к следственным действиям и производится, как правило, по решению суда. Часть 2 данной статьи допускает производство контроля и записи переговоров по письменному заявлению потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц. В таком случае следователем самостоятельно выносится постановление о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров. Необходимо учитывать, что непосредственно контроль и запись переговоров является техническим этапом, который производится негласно и сотрудниками оперативных подразделений, что указывает на некое отождествление с оперативно-розыскным мероприятием – прослушиванием

[1] Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 125.

телефонных переговоров и снятием информации с технических каналов связи[1]. Такое сопоставление наталкивает на утверждение, что контроль и запись переговоров – не следственное действие, а оперативно-розыскное мероприятие, которое включено в уголовный процесс.

Пункт 14^1 ст. 5 УПК РФ не определяет, что контроль и запись телефонных и иных переговоров является следственным действием. Правовая природа контроля и записи переговоров как следственного действия определяется фактической регламентацией его в Кодексе, а также закреплением порядка его производства. Целесообразнее было бы изложить в п. 14^1 ст. 5 УПК РФ, что «контроль и запись телефонных переговоров – следственное действие, заключающееся в контроле и фиксации сведений, передаваемых по средствам связи; прослушивание фонограмм голосовых сообщений; исследование печатных сообщений».

Производство судебной экспертизы относится к следственным действиям. Согласно ч. 1 ст. 195 УПК РФ, признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом соответствующее постановление. Статья 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяет судебную экспертизу как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом, судом, следователем, дознавателем или прокурором в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу.

В уголовном процессе существует точка зрения, которая определяет судебную экспертизу именно в качестве следственного действия. В литературе отмечается, что регламентация следственных действий осуществляется главами 23–27 УПК РФ. Согласно этому, можно сделать вывод, что сама структура Кодекса относит судебную экспертизу к следственным действиям, так как глава 27 УПК РФ – «Производство судебной экспертизы».

Среди признаков судебной экспертизы, относящих ее к следственным действиям, можно выделить следующие: судебная экспертиза имеет познавательный характер, устанавливает обстоятельства,

---

[1] Ярцева А. В. Генезис представлений об использовании в доказывании информации, передаваемой по техническим каналам связи // Юристъ-правовед. – 2010. – № 6. – С. 48.

подлежащие доказыванию; заключение эксперта, как итоговый документ по окончании судебной экспертизы, является доказательством по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ); решение о назначении экспертизы принимает следователь, дознаватель, суд и выносит об этом соответствующее постановление.

Стоит отметить, что производство судебной экспертизы невозможно без постановления о её назначении, что является процессуальным основанием, а назначение без производства не имеет никакого юридического значения, так как доказательством будет признано только заключение эксперта. В связи с этим возможно говорить о комплексе действий и назвать гл. 27 УПК РФ «Назначение и производство судебной экспертизы».

Спорное положение содержится также в ч. 2 ст. 164 УПК РФ, которая, указывая случаи производства следственных действий на основании судебного решения, к числу следственных действий относит наложение ареста на имущество (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Аналогичная ситуация наблюдается в ч. 1 ст. 165 УПК РФ, которая определяет, что в случаях, предусмотренных пп. 4–9, 10^1, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление. Таким образом, наложение на имущество законодатель последовательно относит к следственным действиям. Процессуальное действие – наложение ареста на имущество, гл. 14 УПК РФ относится к иным мерам процессуального принуждения, ч. 2 ст. 115 УПК РФ характеризует сущность данной меры как запрет, адресованный собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение. Таким образом, сведений, имеющих доказательственное значение, данное процессуальное действие не дает, что не позволяет его отнести к следственным действиям. Предлагаем ч. 2 ст. 164 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных пунктами 4–8, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения».

Редакция ст. 164 УПК РФ позволит: во-первых, исключить подмену понятий «следственное» и «иное процессуальное действие»; во-вторых, обеспечить единообразие в изложении и применении законодательства; в-третьих, получить четкое представление о том, какие следственные действия производятся на основании постановления следователя.

С. В. Клещёв[1],
врио начальника кафедры организации и обеспечения раскрытия
и расследования преступлений Тверского филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Исходя из назначения уголовного судопроизводства, одним из важнейших показателей удовлетворенности и доверия граждан к своему государству в целом и к правоохранительным органам в частности, является процесс восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов.

От того, на сколько быстро и в полном ли объеме восстановлены нарушенные права лиц, потерпевших от преступлений, можно судить о выполнении назначения всего судопроизводства.

В целях реализации защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов, каждому человеку, независимо от наличия у него гражданства, предоставлен целый ряд закрепленных конституционно неотъемлемых прав. В тоже время этом они могут быть ограничены, но лишь в тех случаях, когда это предусмотрено федеральным законодательством, лишь в той мере, в какой это требуется для защиты прав и интересов других лиц.

Конституция Российской Федерации в ст. 52 провозглашает, что государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба.

В целях реализации права на доступ к правосудию гражданин имеет возможность беспрепятственно обратиться в правоохранительные органы с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении. Именно лицо, потерпевшее от преступления, является одним из инициаторов возникновения уголовного преследования и начала уголовного судопроизводства, поскольку в соответствии с действующим законодательством его заявление служит законным поводом для возбуждения уголовного дела.

Именно с момента обращения лица в правоохранительные органы возникают уголовно-процессуальные отношения между должностным лицом, осуществляющим свои властные полномочия от имени госу-

---

[1] © Клещев С. В., 2018.

дарства, и им, как участником таких правоотношений. Однако анализ норм уголовно-процессуального закона не позволяет сделать вывод о том, что заявитель, а по сути своей лицо, потерпевшее от преступления, с момента начала уголовного судопроизводства имеет возможность реализовать предусмотренные УПК РФ права, поскольку он не наделён соответствующим процессуальным статусом. В связи с этим полагаем некорректным именовать данный субъект «потерпевшим».

Следует отметить, что такие понятия, как «лицо, потерпевшее от преступления», «пострадавший», и «заявитель», по сути своей не являются равнозначными понятию «потерпевший».

Кроме того, они, в отличие от «потерпевшего», не нашли своего правового и терминологического отражения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Законодатель на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении и вовсе признает лицо, которое пострадало от совершенного преступного действия, либо заявителем (ст. 141 УПК РФ), либо потерпевшим (ч. 2, 3 ст. 20, ст. 147 УПК РФ).

В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, моральный или материальный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется соответствующим постановлением. Отметим, что в 2013 г. законодатель скорректировал данную норму, дополнив ее требованием о незамедлительности признания лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела, а в случае, если на тот момент отсутствуют сведения о лице, которому причинен вред, то решение принимается незамедлительно после получения таких сведений.

Таким образом, появление такой процессуальной фигуры, как «потерпевший», до момента возбуждения уголовного дела невозможно даже чисто теоретически, и это при том, что в момент принятия решения о начале судопроизводства у должностного лица имеются достоверные сведения о лице, которому причинен вред.

Что же касается «заявителя», то следует отметить, что, несмотря на достаточно частое упоминание в разных статьях УПК РФ о заявителе, его правах и обязанностях, в число участников уголовного судопроизводства он не включен. Констатируем, что законодатель не проявил должной последовательности в определении его процессуального по-

ложения, не закрепил объем присущих процессуальных прав и обязанностей, и в этой связи отсутствует детальная процессуальная регламентация его отношений с правоохранительными органами. Отсутствует какое-либо упоминание о заявителе и в главе 8 УПК РФ, среди иных участников уголовного судопроизводства. В этой связи достаточно остро встает вопрос о неопределённости процессуального статуса заявителя по действующему законодательству.

Анализируя положения ст. 141 УПК РФ можно предположить, что заявитель – это не анонимное лицо, предупрежденное об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, в устной или письменной форме сообщившее о совершенном или готовящемся преступлении. Исходя из этого следует вывод, что заявитель – это не всегда лицо, которому совершенным преступлением причинен какой-либо вред. В роли заявителя могут выступать родственники или родители лица, в отношении которого совершено преступное деяние. Заявление может быть подано представителями юридических лиц и организаций или просто гражданами.

Возникает справедливый вопрос, каким образом заявитель, который потерпел вред от совершенного преступления, но не обладающий процессуальным статусом потерпевшего, имеет возможность реализовать своё конституционное право на доступ к правосудию в ходе проверки сообщения о преступлении? Строго следуя букве закона, это сделать не представляется возможным, поскольку, как мы помним, гарантируется данное право лишь потерпевшим.

В тоже время теми немногими правами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, заявитель также не может воспользоваться в полной мере, поскольку конструкции регламентирующих правовых норм неидеальны и вызывают ряд затруднений при их практической реализации.

Возникают вопросы не только о неочевидном процессуальном статусе заявителя. Неразрешённым вопросом, например, остаётся и механизм обеспечения его безопасности, в случаях противоправного воздействия со стороны незаинтересованных в правосудии лиц.

В целях защиты, обеспечения безопасности и пресечения незаконного влияния на участников уголовного судопроизводства законодателем предусмотрена правовая норма (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), согласно которой при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства,

а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции меры безопасности.

К таким мерам, например, относится право следователя засекретить данные о личности потерпевшего, свидетеля и т. д., осуществлять контроль и запись телефонных и иных переговоров, а также предусмотрена уголовная ответственность за подкуп и шантаж потерпевшего, в целях дачи им ложных показаний. Анализируя приведенные положения можно сделать вывод, что данные нормы распространяются лишь на потерпевших, свидетелей, эксперта и специалиста, расширенному толкованию они не подлежат и к лицу, заявившему о преступлении отношения не имеют.

В тоже время нельзя не отметить инициативу законодателя в этом вопросе. Стремясь защитить лиц, участвующих в правоотношениях, возникающих в уголовном судопроизводстве, законодателем в 2013 г. внесены соответствующие изменения в ст. 144 УПК РФ. Так, безопасность участника досудебного производства, в том числе и при приеме сообщения о преступлении, обеспечивается в установленном законом порядке, предусмотренном ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Однако, при детальном изучении данного порядка, так же становится очевидным, что заявитель ни при каких обстоятельствах не сможет воспользоваться правом оставить свои персональные данные тайне, поскольку данная правовая норма не распространяется на такую процессуальную фигуру и применяется лишь в отношение потерпевшего, его представителя, свидетеля и т. д.[1] Кроме того, неясно, каким же образом участник досудебного производства (предположим, что заявитель, по мнению законодателя, им всё-таки является) может оставить свои данные в тайне, если в соот-

[1] См.: Юшина Ю. В. О необходимости уголовно-правового обеспечения безопасности заявителя о совершенном либо готовящемся преступлении // Вестник КРУ МВД России. – 2015. – № 2 (28). – С. 58–61; Андреева О. И. Некоторые проблемы применения мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. – 2016. – № 1 (7). – С. 127–131. URL: http://cyberleninka. ru/article/n/ nekotorye-problemy-primeneniya-mer-bezopasnosti-v-otnoshenii-lits-sodeystvuyuschi-pravosudiyu-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 17 ноября 2017 г.).

ветствии со ст. 144 УПК РФ заявление о преступлении, как повод для возбуждения уголовного дела, не может быть анонимным, должно содержать все необходимые данные о заявителе, а также сведения о документах, удостоверяющих его личность.

Полагаем, что отсутствие у правоохранительных органов реальных инструментов для противодействия неправомерному воздействию на заявителя, фактически позволяет заинтересованным лицам безнаказанно влиять на исход правосудия еще на первоначальном этапе расследования, оставляя лицо, на которое государством возложено исполнение уголовно-процессуальных обязанностей, без реальной правовой поддержки и необходимых средств обеспечения его безопасности. Как совершенно справедливо в свое время отметил Л. В. Брусницын: «Если государство возлагает на индивида исполнение уголовно-процессуальных обязанностей, сопряжённых с возникновением для него опасности, то оно в свою очередь обязано усилить правовые средства обеспечения его безопасности»[1].

Принимая попытки защитить пострадавших от преступления лиц, законодатель, по нашему мнению, допустил некоторую небрежность по отношению к лицу, заявившему о преступлении. Вне поля зрения остались правовой статус заявителя, подробная регламентация прав и возникающих в связи этим обязанностей, правовые последствия, а также не определён механизм их реализации в ходе проверки сообщения о преступлении[2].

В тоже время существует еще ряд проблемных аспектов при осуществлении правоотношений между участниками процессуальной деятельности на первоначальной стадии уголовного судопроизводства.

Нерешённым остается вопрос участия переводчика в ходе проверки сообщения о преступлении. Действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена возможность бесплатно воспользоваться услугами переводчика на первоначальном этапе.

---

[1] Брусницын Л. В. Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Государство им право. – 1996. – № 3. – С. 100–109.

[2] См.: Надуев М. Н. Особенности применения сокрытия данных о личности как меры безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34). – С. 217–220. URL: http://cyberleninka. ru/article/n/osobennosti-primeneniya-sokrytiya-dannyh-o-lichnosti-kak-mery-bezopasnosti-na-stadii-proverki-soobscheniya-o-prestuplenii (дата обращения: 17.11.2017).

Также не регламентирован процессуальный порядок обеспечения права лицу, не владеющему русским языком, возможности подать заявление о преступлении в правоохранительные органы на родном языке.

В соответствии с принципом языка, закрепленным в ст. 18 УПК РФ, любому участнику уголовного судопроизводства, не владеющему языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. Однако, практическая реализация данного принципа в ходе проверки сообщения о преступлении вызывает обоснованные затруднения.

Во-первых, как упоминалось выше, заявитель, по мнению законодателя, не является участником уголовного процесса. Во-вторых анализ положений уголовно-процессуального законодательства позволяет утверждать, что право бесплатно воспользоваться услугами переводчика возникает лишь у таких участников судопроизводства, как потерпевший (п. 7 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), гражданский истец (п. 6 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), гражданский ответчик (п. 5 ч. 2 ст. 54 УПК РФ), подозреваемый (п. 7 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) и обвиняемый (п. 7 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). В-третьих, на момент проведения проверки сообщения о преступлении итоговое решение еще не принято и соответственно, уголовное дело еще не возбуждено, а, следовательно, ни о каком производстве по нему речи идти не может. И в-четвертых, с процессуальной точки зрения участники уголовного судопроизводства появляются лишь с момента вынесения уполномоченным лицом акта о возбуждении уголовного дела, и до того момента лиц, обладающих правом бесплатно воспользоваться услугами переводчика бесплатно, не существует.

Как отмечалось выше, отсутствие процессуального закрепления правового статуса лица, заявившего о преступлении, лишает его возможности реализовать даже права, прямо предусмотренные действующим законодательством.

По результатам рассмотрения сообщения о преступлении, лицо, осуществляющее проверку, принимает предусмотренное законом решение, о котором сообщает заявителю, разъясняя при этом право и порядок обжалования данного решения (ч. 2 ст. 145 УПК РФ). Од-

нако, положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие механизм возбуждения уголовного дела, не предусматривают право заявителя на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении. Складывается парадоксальная ситуация, заявитель полагает, что его права на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела ущемлены, желает воспользоваться правом вышестоящего обжалования решения должностного лица, но реализовать его не имеет возможности, поскольку, не обладая соответствующим процессуальным статусом, лишен права знакомиться с материалами предварительной проверки. При том, что для составления мотивированной жалобы заявителю недостаточно уведомления и копии приятного решения.

По нашему мнению, изложенные аргументы достаточно убедительно свидетельствуют о неполной регламентации правового положения заявителя в стадии возбуждения уголовного дела и о необходимости дальнейшей реконструкции норм уголовно-процессуального законодательства в этой связи. Неопределенность правового статуса лица, заявившего о преступлении, порождает множество реально существующих проблем на первоначальном этапе уголовного процесса, что лишает заявителя реальной возможности воспользоваться конституционным правом на доступ к правосудию, затрудняет исполнение назначения всего уголовного судопроизводства, в части восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов. Полагаем, наделение заявителя процессуальным статусом и введение его в список участников уголовного судопроизводства, а также дальнейшее совершенствование законодательной базы позволит избежать ущемления прав и обеспечению безопасности лиц, участвующих в правоотношениях, возникающих в ходе проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела.

А. А. Козлова[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УЧАСТИЕ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Глава 9 УПК РФ посвящена обстоятельствам, исключающим участие в уголовном судопроизводстве. Однако, на наш взгляд, именно участие судьи, как важнейшего гаранта независимости, беспристрастности, справедливости, не в должной мере урегулировано действующим законодательством. Так, ст. 61 УПК РФ гласит, что судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он:

– является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу;

– участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, а судья также – в качестве дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу;

– является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу;

– если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела.

– если судья, принимал участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, то он не может участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции, в порядке надзора.

В настоящее время судья, рассматривающий материалы в досудебном производстве (ходатайства на получение разрешения о производстве следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ; об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога в порядке ст. 108, 109 УПК РФ; жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ) имеет право рассматривать данное дело в суде первой и второй инстанции или в порядке надзора, вследствие возникает вопрос в обеспечении права участников уголовного судопроизводства на осуществление правосудия беспристрастным судом.

---

[1] © Козлова А. А., 2018.

Ранее УПК РСФСР в главе 4 ст. 60 закреплял правило о том, что «судья, проверявший законность и обоснованность ареста или продления срока содержания под стражей, не может участвовать в рассмотрении того же дела в суде первой и второй инстанции или в порядке надзора». А ведь перечень полномочий суда в досудебном производстве достаточно обширен, что подтверждается статистикой Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Так, в 2010 г. показатель рассмотрения судом материалов в рамках судебного контроля по отношению к количеству рассмотренных уголовных дел составил 2,3:1, а в 2016 г. – 3,5:1, что свидетельствует об увеличении рассмотрения судом материалов в рамках судебного контроля[1]. Несмотря на снижение числа случаев избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу, количество ходатайств об избрании данной меры пресечения в 2014 г. составило 147,4 тыс., из них удовлетворено – 133,7 тыс.; в 2015 г. – 154,3 тыс., удовлетворено – 140,4 тыс., в 2016 г. – 135 тыс. из них удовлетворено 121,8 тыс. На протяжении последних трех лет возросло количество рассмотрения судом ходатайств о производстве следственных действий: в 2014 г. – 492,5 тыс., в 2015 г. – 600,3 тыс., в 2016 г. – 684,0 тыс.[2]

Согласно ч. 2 ст. 9 Кодекса судейской этики «при исполнении своих профессиональных обязанностей в целях объективного рассмотрения дела судья должен быть свободен от каких-либо предпочтений, предубеждений или предвзятости и должен стремиться к исключению каких-либо сомнений в его беспристрастности». Однако избрание той же самой меры пресечения в виде заключения под стражу согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 294 (в ред. от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» возможно лишь после проверки обоснованности подозрения в причастности лица к преступлению.

Так, из материалов судебной практики, в отношении гражданина Р, который подозревался в совершении преступления, относящегося к категории средней тяжести, имел непогашенные судимости, официально

---

[1] Судебная статистика [Электронный ресурс] // официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 19.11.2017).

[2] Там же.

не был трудоустроен, то есть не имел постоянного источника дохода, злоупотреблял спиртными напитками, неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка, суд ходатайство следователя об избрании обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу удовлетворил, ссылаясь на то, что обвиняемый продолжит заниматься преступной деятельностью.

Нельзя не согласиться с мнением С. С. Яценко, Е. А. Иванченко о том, что «судья формирует свое убеждение в вопросе виновности (невиновности) лица, но не излагает эти суждения устно или письменно, и не решив для себя этот важный вопрос, судья не сможет объективно оценить законность и обоснованность состоявшегося решения об избрании меры пресечения[1]. Таким образом, суд допускает факт причастности лица к преступлению. Впоследствии этот же судья рассматривает уголовное дело по существу, что свидетельствует о нарушении принципа беспристрастности.

Исключение из уголовно-процессуального закона нормы, запрещающей рассмотрение уголовного дела одним и тем же составом суда, как в досудебном производстве, так и в судебном, по нашему мнению, связана с нехваткой кадров. Так как зачастую в регионах количество судей составляет от 2-6 единиц, что соответственно увеличивает процент рассмотрения одним и тем же судьей материалов уголовного дела. Данную проблему представляется решить введением института следственных судей, которые станут осуществлять судебный контроль в досудебном производстве по уголовному делу.

Приведем примеры зарубежного опыта по правовому регулированию рассматриваемых вопросов.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Казахстана и Украины[2], санкционирование производства ряда следственных действий, а также процессуальных решений органов, осуществляющих досудебное производство, принадлежит в отличие от российско-

---

[1] Яценко С. С., Иванченко Е. А. Судебный контроль на досудебном производстве по уголовным делам // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 98–101.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 июля 2017 г.). [Электронный ресурс] // URL: www/http://online.zakon.kz/ (дата обращения: 19.11.2017); Уголовно-процессуальный кодекс Украины (от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI), [Электронный ресурс] // URL: www/kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upkukk.rar. (дата обращения: 19.11.2017).

го законодательства еще одному субъекту уголовного судопроизводства – следственному судье. При осуществлении таких полномочий следственный судья, согласно ст. 56 УПК Казахстана «Общие условия осуществления полномочий следственным судьей», вправе:

1) требовать от органа, осуществляющего досудебное производство, дополнительной информации по рассматриваемому вопросу;

2) знакомиться со всеми материалами соответствующего досудебного производства и исследовать их;

3) вызывать участников процесса в судебное заседание и получать от них необходимую информацию по рассматриваемому вопросу.

При этом следственный судья не должен предрешать вопросы, которые в соответствии с УПК Казахстана могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, и надзирающего прокурора, а также суда, рассматривающего дело по существу.

Полномочия по санкционированию следственных действий в соответствии со ст. 148 УПК Казахстана принадлежат следственному судье районного и приравненного к нему суда, а также судьям областного и приравненного к нему суда.

В настоящее же время российское законодательство согласно ч. 13 ст. 108 УПК РФ не позволяет возлагать функции осуществления судебного контроля в досудебном производстве на одного и того же судью на постоянной основе. Несмотря на нормативное закрепление этого вопроса, данное положение требует научного осмысления, также, как и отмена нормы, запрещающей рассмотрение уголовного дела одним и тем же составом суда, как в досудебном, так и в судебном производстве. Критерием определения истинности точки зрения законодателя является, по нашему мнению, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

Л. В. Кокорева[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА ПОЛИГРАФЕ КАК НОВЫЙ ВИД СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В законе закреплено, что в ходе уголовного судопроизводства дознаватель, следователь, прокурор и суд имеют право собирать доказательства путем производства следственных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). В свою очередь, разделяя мнение О. В. Химичевой, считаем, что данные участники уголовного процесса не всегда способны эффективно осуществлять уголовное судопроизводство по причине глубокого несовершенства и противоречивости ряда правовых предписаний УПК РФ[2]. Действительно, законодательные пробелы (недоработки) порождают множество неясностей, например, в вопросе разграничения следственных действий и мер принуждения, иных процессуальных действий, в целях соблюдения законодательства при проведении неотложных следственных действий[3].

УПК РФ, к сожалению, не разрешил все сложности и противоречия, касающиеся следственных действий, имевшие место в ходе действия УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1960 г. Абсолютно непонятно, как может законодатель, используя в УПК РФ термин «следственные действия», не предусмотреть определение данного поня-

---

[1] © Кокорева Л. В., 2018.

[2] Химичева О. В. УПК РФ: реформа продолжается // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 34; Химичева О. В., Шнайдер Н. А. Спорные вопросы окончания производства дознания составлением обвинительного акта и обвинительного постановления // Уголовное судопроизводство: стратегия развития : материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. С. 128.

[3] Миронова А. В. Проблема определения субъектов неотложных следственных действий в уголовном процессе // Актуальные проблемы юриспруденции: материалы международной заочной научно-практической конференции (6 августа 2012 г.). Новосибирск : Изд-во «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. С. 176.

тия[1]. Необходимо отметить, что данный факт возмущает не только ученых, но и правоприменителей.

В ходе проведения научного исследования по вопросам выявления проблем и дальнейших перспектив развития института следственных действий в отечественном уголовном судопроизводстве нами было опрошено более 90 сотрудников правоохранительных органов (руководители следственного органа, начальники подразделения дознания, следователи, дознаватели, сотрудники уголовного розыска), непосредственно принимавших участие в производстве следственных действий. Исследование проводилось с 2015 г. по 2017 г. в Московской, Калужской, Тверской и Смоленской областях. Результаты анкетирования показали, что в 79 % случаев респонденты видят необходимость закрепления в уголовно-процессуальном кодексе понятия «следственные действия», а 85 % случаев – полагают, что в обязательном порядке должен быть законодательно закреплен исчерпывающий перечень следственных действий. Такое почти единодушное мнение правоприменителей подтверждает наше убеждение в необходимости совершенствования норм УПК РФ.

Ретроспективный анализ становления и развития института следственных действий в отечественном уголовном процессе позволяет утверждать, что система следственных действий иногда пополняется новыми видами, отвечающими уровню развития уголовного процесса определенной исторической эпохи. На этот счет в научных трудах высказываются различные предложения.

Обратим внимание на некоторые теоретические и практические проблемы применения проверки показаний на полиграфе как нового вида следственных действий.

Отметим, что за последнее десятилетие использование полиграфа в уголовном процессе вызывает бурные дискуссии среди ученых и практиков.

В нашей стране опросы с использованием полиграфа начали применяться с 1994 г. Изначально это была лишь деятельность частных

---

[1] Кокорева Л. В., Кабалина Е. С. Современное состояние и перспективы развития системы следственных действий в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в деятельности органов предварительного расследования : сборник статей по материалам межвузовской научно-практической конференции (г. Москва, 18 марта 2016 г.) [Электронный ресурс] / ред. колл.: Э. Х. Надысева и др. М. : ИИУ МГОУ, 2017. С. 40.

предпринимателей (в основном, при приеме на работу, в ходе проведения служебных проверок). Затем полиграф стали активно использовать в оперативно-розыскных мероприятиях. В 2001 г. впервые применили судебную психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа.

В свою очередь, результаты, полученные с помощью полиграфа, не принимаются как доказательства по уголовным делам в силу ряда причин. Полиграфическое исследование предполагает индивидуальный подход при формировании специалистом-полиграфологом тестовых вопросов. Отметим, что их перечень не единообразен и нигде не зафиксирован. Данный факт сам по себе уже является спорным, так как тест нацелен на получение нужной реакции. Таким образом, единой методологии (методики) нет, разъяснения носят явно субъективный характер, что способствует возникновению неизбежных ошибок[1].

Кроме того, качество подготовки специалистов-полиграфологов, научно-методологические и теоретические основы деятельности по применению полиграфа, по мнению ученых и практиков, в настоящее время имеют крайне низкий уровень.

Программа подготовки полиграфологов была утверждена в 2004 г. Однако в силу объективных причин полиграф продолжали считать лженаучным методом (отсутствовали преподаватели, методики, пособия по его применению и т. д.). После разработки коммерческой организацией методики применения полиграфа началось его широкое использование, в том числе и в сфере уголовного процесса (в форме судебной экспертизы). В декабре 2010 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа», который продолжает широко обсуждаться научной общественностью[2].

Дискуссионными являются такие вопросы как недостаточная достоверность полученных результатов опроса с применением полиграфа и нарушения конституционных прав граждан при их проведении.

---

[1] Холодный Ю. И. О «едином научно-методическом подходе» к применению полиграфа // Юридическая психология. – 2013. – № 1. – С. 11–13.

[2] Выступление ведущего советника аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности Е. К. Волчинской на международно-практической конференции специалистов – полиграфологов ОВД (11 октября 2011 г., Сочи). URL: http://komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/24727 (дата обращения: 10.11.2017).

Как сторонники (Е. К. Волчинская, В. А. Семенцов, Л. В. Виницкий, Н. Е. Шинкевич), так и противники (А. М. Ларин, К. Ф. Гуценко, Л. А. Воскобитова, В. Ю. Шепитько) применения полиграфа справедливо отмечают, что, если двадцать лет назад такое предложение воспринималось «в штыки», то сейчас можно с уверенностью говорить о том, что наметилась обратная тенденция – полиграфическое исследование принимают, по мнению А. Р. Белкина, «на ура», причем сами эксперты-полиграфологи, зачастую, выходят за пределы своей компетенции[1].

В юридической литературе можно встретить предложение использовать полиграф в уголовном судопроизводстве в качестве технического средства фиксации психофизиологического состояния лица, дающего показания, на подобии того, как используется аудио- или видеозапись. Действительно, в ч. 6 ст. 164 УПК РФ законодатель допускает возможность применения технических средств фиксации при производстве следственных действий, так что, если считать полиграф таким средством, а полиграфолога – специалистом, привлеченным для содействия производству допроса, подобную идею можно счесть интересной.

В качестве меры борьбы с противодействием расследованию со стороны лиц, обладающих специальными знаниями, заслуживает одобрение предложение С. С. Самищенко и А. С. Самищенко об обязательности проверки экспертов и специалистов по поводу данных ими заключений методом психофизиологических исследований с применением полиграфа, в случаях сомнения в точности и правдивости данных заключений[2].

Анализируя положительный опыт применения полиграфа, В. А. Семенцов предлагает внести в главу 26 УПК РФ новое следственное действие – проверку показаний на полиграфе[3]. Ученый по-

---

[1] Белкин А. Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 2. – С. 16.

[2] Самищенко С. С., Самищенко А. С. О возможностях преодоления противодействия расследованию, оказываемого лицами, обладающими специальными знаниями // Проблемы криминалистического обеспечения прокурорской деятельности : сборник материалов научно-практического семинара 28 октября 2011 г. / [отв. ред. А. М. Кустов, В. Н. Исаенко]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2012. С. 170.

[3] Семенцов В. А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. URL: http://base.garant. ru/55010222 (дата обращения: 15.11.2017).

лагает, что целью производства этого следственного действия может быть проверка, осуществляемая специалистом-полиграфологом ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем показаний путем определения наличия устойчивых физиологических реакций на вопросы тестов и оценки их следователем с учетом мнения специалиста с позиции их достоверности.

По мнению некоторых ученых, законодательная регламентация полиграфических исследований в УПК РФ вполне обоснована и целесообразна, в связи с тем, что истории известны случаи эффективного использования полиграфа в различных сферах деятельности.

Кроме того, обобщая практику применения полиграфа в ходе расследования преступлений, в приложении к информационному письму Генеральной прокуратуры России было отмечено, что полиграф широко используется теперь не только при проведении оперативно-розыскных мероприятий, но и в ходе расследования уголовных дел – при получении новых доказательств, с проведением психофизиологических исследований (заключения эксперта или специалиста)[1].

Л. А. Воскобитова утверждает, что районные суды повсеместно используют психофизиологическую экспертизу как доказательство обвинения. Тем не менее, как полагает ученый, это является «юридически неверным» и может привести к «массовым незаконным обвинениям»[2].

В свою очередь, позиция Верховного Суда Российской Федерации заключается в следующем. Так, судебная коллегия по уголовным делам изменила приговор, исключив ссылку на использование заключений по результатам проведенных в ходе предварительного следствия психофизиологических экспертиз, при которых исследовались показания в качестве доказательств, подчеркнув, что такие заключения не соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона, а такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и про-

---

[1] Информационное письмо Генеральной прокуратуры России от 14 февраля 2006 г. № 28-15-05 «Обобщение практики использования возможностей полиграфа при расследовании преступлений». URL: http://npnkp.ru (дата обращения: 21.10.2017).

[2] К вопросу о полиграфологии. URL: https://tarloeg. livejournal. com/8632. html (дата обращения: 23.11.2017).

верку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ[1].

В заключение отметим, что в 82 % случаев опрошенные респонденты выступают за дополнение системы следственных действий проверкой показаний на полиграфе. Разделяя мнение ученых и практиков, полагаем, что использование полиграфа в следственной и судебной практике можно считать обоснованным лишь при соблюдении ряда обязательных условий. Во-первых, применение полиграфа должно быть законодательно закреплено, причем не только в ведомственных приказах или инструкциях, но на федеральном уровне (к примеру, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Во-вторых, должна быть разработана единая система подготовки и аттестации специалистов-полиграфологов (с регулярным повышение уровня их подготовки). В-третьих, должна быть разработаны единые методики опросов и правил использования результатов. В-четвертых, обязательность применения аудио- и видеофиксации использования полиграфа (при спорных моментах это будет способствовать проверке корректности проведенной процедуры). В-пятых, обязательное письменное согласие участника уголовного судопроизводства перед применением полиграфа. Обозначенный нами печень условий не является исчерпывающим и может быть дополнен с учетом правоприменительной практики.

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 34-012-12. URL: http://base.garant.ru/70257586 (дата обращения: 18.11.2017). Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в деятельности органов предварительного следствия и дознания (в постановлениях и определениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации) : учебно-практическое пособие. Старотеряево: Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Саратов : Амирит, 2016.

Д. М. Крашенинников[1],
командир отделения факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Н. Ю. Емельянова[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ: НОВЕЛЛА ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИОННОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ?

«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» – традиционно предписываемое древнекитайскому философу Конфуцию изречение. Безусловно, эпоха перемен, ознаменовавшаяся сменой столетий, привнесла целый ряд изменений в мироустройство. Повсеместно происходят природные катаклизмы, межгосударственные войны и межнациональные розни, в результате которых уничтожаются, порой, целые государства, сменяются общественно – экономические формации, изменяется конституционная сущность цивилизованных государств, наконец, поддавшись веянию времени, изменяется законодательство.

Законодательство Российской Федерации – относительно молодого, стремительно развивающегося, суверенного государства – является ярким примером отыскания «золотой середины» для благополучного устройства и существования нашего государства, потому как здесь присутствуют истинные черты демократичности, выражающиеся, к примеру, в частой декриминализации отдельных статей Особенной части УК РФ или наделении определёнными правами подозреваемого, обвиняемого или же подсудимого с целью обеспечения полноценного, беспристрастного и объективного расследования обстоятельств на различных стадиях уголовного судопроизводства. В частности, периодически претерпевает изменения УПК РФ, пришедший на смену УПК РСФСР еще в начале 21 века. Разумеется, являясь основным источником, регулирующим порядок привлечения к уголовной ответственности или освобождения от таковой, кодекс внес целый ряд принципиально важных изменений, на основании которых, с уверенностью следует отметить, изменилось правосудие в российском государстве.

---

[1] © Крашенинников Д. М., 2018.
[2] © Емельянова Н. Ю., 2018.

Так, согласно ст. 20 УПК РСФСР «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства». Указанное положение не нашло своего формально-правового закрепления в УПК РФ, что означает лишь одно: законодатель отказался от процессуальной системы, к которой традиционно тяготел отечественный правоприменитель. Разумеется, практическое проявление принятых изменений привело к обширным дискуссиям и спорам о своевременности и необходимости, качественности и соответствии многовековому менталитету российского общества УПК РФ. Споры, в большинстве своем, касались именно вышеуказанного положения о самом процессе установления истины по конкретному уголовному делу. И только лишь спустя практически десятилетие, руководствуясь стремлением к «усилению гарантий, обеспечивающих справедливость правосудия, отправляемого в форме уголовного судопроизводства»[1], был внесен на рассмотрение в Государственную Думу проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

Отвечая на поставленный вопрос о новизне и традиционализме института объективной истины, стоит, прежде всего, руководствоваться именно проанализированными положениями пояснительной записки к соответствующему Федеральному закону, в которой инициаторами в доступной форме указываются те субъективные недочёты нынешней уголовно-процессуальной системы, на основании которых следует коренным образом изменить сложившееся положение вещей.

Авторы законопроекта, прежде всего, выделяют наиболее значимым тот факт, что действующая на сегодняшний день система так называемой «чистой состязательности», предполагающая пассивность в действиях суда и наличие равноправных сторон, не только «не способствует установлению истины», но «тяготеет к чуждой тра-

[1] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

диционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине»[1]. И ведь действительно, акцентировав на этом моменте наше внимание, инициаторы законопроекта невольно подталкивают к выводу о том, что англо-саксонская уголовно-процессуальная система вовсе несовершенна, равно как и чужда для российского общества, исходя из чего и следует коренным образом изменить эту систему и перейти, а точнее будет сказано, вернуться к романо-германскому устройству.

Аргументируя свою точку зрения, авторы законопроекта продолжают: «… романо-германская модель уголовно-процессуального доказывания, к которой традиционно тяготеет и российское уголовное судопроизводство, основывается на приоритете достоверного (объективно истинного) знания о событии преступления при принятии итогового процессуального решения по делу»[2].

Возникает закономерный вопрос следующего характера: как же всё-таки воспринимать в таком случае объективную истину? Как принцип? Как процесс? Как цель или же, как результат?

На все указанные вопросы существует различные вполне обоснованные ответы – концепции, зачастую перерастающие в целостные научные парадигмы со всеми вытекающими. Однако расценивать установление объективной истины как цель и результат не следует, потому как истинность по уголовному делу включает в себя процессуальную деятельность определённых УПК РФ участников процесса на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и уголовно-правовую оценку совершённого деяния. К тому же, ныне действующий УПК РФ, как отмечает депутат И. Сухарев, комментируя необходимость принятия указанного ранее закона, предполагает установление истины как цели и результата комплексной деятельности уполномоченных должностных лиц. Именно поэтому институт объективной истины должен характеризоваться процессом, а не принципом, целью или же результатом соответствующей деятельности.

Стоит отметить, что англо-саксонская процессуальная концепция, широко развитая в зарубежных странах, предполагает, что суд, осуществляя правосудие, в итоге вынесет решение на основании тех до-

---

[1] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

[2] Там же.

казательств, которые были представлены ему на рассмотрение в судебном заседании. А значит, что правосудие, по сути своей, в большей степени зависит от юридической грамотности и возможности защитника отстоять свою позицию и значимость доказательственной базы, используемой для последующего оправдания подсудимого. Это напрямую противоречит романо-германскому представлению об уголовно-процессуальном устройстве, предполагающему, что суд, наблюдая за состязательностью сторон и оценивая доводы, примет решение на основании приведенных от обеих сторон, вступивших в правовой спор, доказательств, которые, в свою очередь, будут соответствовать действительности, то есть быть истинными. А в случае, если приведённые доказательства будут подвержены сомнению, то уже беспристрастный суд на основании предусмотренных полномочий будет осуществлять деятельность по их устранению. Считаю, что такое представление является наиболее оптимальным и отвечающим требованиям российского уголовно-процессуального мировоззрения.

Введение в закон понятия «истины» является не просто возвращением к традиционному процессуальному мировоззрению, а созданием связи между эффективно действующим в свое время советским процессуальным законодательством и активно развивающейся в положительном направлении российской системой уголовного судопроизводства. Такое введение, разумеется, позволит установить не только традиционную романо-германскую систему, наиболее подходящую для отечественного государства, но и адаптировать ее под нынешние требования, выдвигаемые государственным аппаратом управления с одной стороны, и гражданским обществом – с другой. Тем самым, с введением института объективной истины в УПК РФ образуется правовой консенсус, «процессуальный универсальный гибрид», обеспечивающий в должной мере деятельность всех участников уголовного судопроизводства, и в равной мере, помогающий осуществлять полноценное и беспристрастное правосудие в Российской Федерации.

А. Е. Кригер[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

«ЗАЯВИТЕЛЬ» КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В свете реформирования уголовного судопроизводства и за относительно небольшой период действия УПК РФ, чуть более 16-ти лет, в него, посредством издания 221 Федерального закона, было внесено свыше четырех тысяч поправок, которые с трудом вмещаются на 418 страницах машинописного текста, а, например, действующая редакция УПК РФ вполне помещается на 353 страницах. И это не считая постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации.

Не осталась в стороне и стадия возбуждения уголовного дела. За последний год в порядок деятельности по предварительной проверке сообщений о преступлениях и ее участников было внесено порядка десяти изменений и дополнений. Неоднозначность перечня участников предварительной проверки сообщений о преступлении и их процессуального статуса, как обязательный признак стадии возбуждения уголовного дела, представляет, по-нашему мнению, научный интерес.

По мнению Д. Н. Ушакова, участником является человек, принимавший или принимающий участие в чем-нибудь, какой-нибудь работе, деле[2], подобного мнения придерживается С. И. Ожегов, понимая под участником того, кто участвует в чем-нибудь[3]. Объединяющим признаком в представленных дефинициях будет являться участие – деятельность по совместному выполнению чего-нибудь[4].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству участником уголовного судопроизводства является лицо, принимающее участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Учитывая вышеприведенные дефиниции, участником уголовного су-

---

[1] © Кригер А. Е., 2018.

[2] Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : «Альта-Принт», ООО Издательство «ДОМ. XXI век», 2008 С. 1116.

[3] Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. докт. филол. наук. проф. Н. Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1984. С. 752.

[4] Там же. С. 752.

допроизводства будет любое лицо, вступившее в уголовно-процессуальные отношения.

Анализируя содержание раздела II УПК РФ, в котором закреплен перечень групп участников уголовного судопроизводства, можно заметить, что в указанном перечне отсутствуют нормы, определяющие наименование и процессуальный статус всего круга лиц, принимающих участие в ходе уголовного судопроизводства, в том числе при проверке сообщения о преступлении.

Проводя анализ норм УПК РФ, регламентирующих порядок предварительной проверки сообщения о преступлении, круг участников формально можно разделить на несколько групп: во-первых, это должностные лица органов дознания и предварительного следствия, производящие проверку; во-вторых, лица, заявившие о преступлении, и их представители; в-третьих, лица, в отношении которых проводится проверка по поступившему сообщению, и их представители; и в-четвертых, иные лица, оказывающие содействие при разрешении сообщения о преступлении. В данном случае не вызывают никаких затруднений участники первой и четвертой группы. Сложнее дело обстоит с лицами, относящимися ко второй группе, в данном случае автор не оговорился, именно с лицами, так как обратившись к перечню участников, закрепленных УПК РФ, мы не найдем с вами такого участника уголовного судопроизводства, как «заявитель», о процессуальном статусе которого и пойдет речь далее.

Лицо, сообщившее о совершенном, готовящемся или совершаемом преступлении, реализовало предусмотренное законодательством Российской Федерации право, и в том числе вступило в уголовно-процессуальные правоотношения, что является признаком участника уголовного судопроизводства – п. 58 ст. 5 УПК РФ.

Однако УПК РФ не содержит норм, закрепляющих положение участника уголовного судопроизводства с похожим процессуальным статусом. Тем не менее, в тексте ряда статей законодатель именует данное лицо заявителем и, более того, наделяет его некоторыми правами.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 141 УПК РФ заявителю предоставлено право подачи заявления как в письменном, так и в устном виде, часть 4 ст. 144 УПК РФ гарантирует, что после принятия заявления заявителю выдается корешок талона-уведомления с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия.

Тем самым заявителю предоставлено право на получение уведомления о принятии и регистрации заявления. Кроме того, обязанность по приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлении, выдаче корешка содержат некоторые ведомственные приказы[1].

Более того, ст. 145-148 УПК РФ предоставляют заявителю право на получение уведомления о принятом решении, разъясняют права и порядок обжалования данного решения, а ст. 123 УПК РФ, помимо ст. 145 УПК РФ, – право на обжалование решения, принятого по заявлению.

Анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о дифференциации лиц, по сообщению которых производится проверка. Так, ст. 141, ч. 4 ст. 144, ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 146 УПК РФ определяют такое лицо как заявитель, а в свою очередь ст. 20, ч. 6 ст. 144, ст. 147 УПК РФ и др. – заявитель потерпевший. Таким образом, законодатель дифференцирует заявителей на граждан, сообщивших о преступлении в отношении кого-либо и пострадавших, используя за основу дифференциации такой материальный признак, как совершение преступления в отношении последнего, который впоследствии будет признан потерпевшим по уголовному делу.

Указанная дифференциация, наряду с имеющимися правами заявителя, идет в основу наделения его обязанностями. Так, в зависимости от отношения к преступлению, то есть в случае совершения преступления в отношении данного лица, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Можно сделать вывод о том, что заявитель обладает процессуальными правами и несет обязанности, что свидетельствует о процессуальном статусе лица как участника уголовного судопроизводства.

Аналогичная позиция законодателя просматривалась и с таким уже полноценным участником уголовного судопроизводства, как начальник органа дознания. Как мы помним, права и обязанности данного лица в уголовном судопроизводстве предусматривались, но к участникам уголовного судопроизводства начальник органа дознания не относился.

---

[1] См.: Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушения, о происшествиях».

Для создания заявителю условий, позволяющих реализовать в полном объеме свои права в стадии возбуждения уголовного дела, следует определить его правовой статус в уголовном судопроизводстве, а также процессуальный механизм обеспечения его прав как участника уголовного судопроизводства, что реализуется посредством внесения соответствующих дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Так, по нашему мнению, целесообразно ст. 5 УПК РФ дополнить пунктом 12^1 следующего содержания: «Заявитель – лицо, сообщившее в компетентный орган о готовящемся или совершенном преступлении как в отношении себя, так и очевидцем которого он стал».

Кроме того, дополнить раздел II УПК РФ статьей 42^1 «Заявитель», изложив в данной статье процессуальные права и обязанности заявителя. Данные дополнения послужат процессуальному закреплению статуса заявителя как полноправного участника уголовного процесса.

В. А. Крымов[1],
адъюнкт Академии управления МВД России

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В соответствии со ст. 20 УПК РФ уголовное преследование осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке. Свои особенности имеет начало производства по уголовному делу как публичного обвинения (ст. 146 УПК РФ), так и частного, а также частно-публичного обвинения (ст. 147 УПК РФ).

Законодатель не разделяет последние по отдельным статьям, поскольку производство по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения берет свое начало (возбуждается) по заявлению потерпевшего или его законного представителя (ч. 1 ст. 147 УПК РФ). Главным отличием от частного обвинения заключается в том, что примирение потерпевшего и обвиняемого по уголовным делам частно-публичного обвинения уголовно-процессуальным законом не предусмотрено, в связи с чем, и прекращению они не подлежат.

В свою очередь начало производства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, за исключением приведенного выше отличия, по своей сути, идентично. При этом, на по-

[1] © Крымов В. А., 2018.

следние распространяются нормы ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ. Следует отметить и то, что начало производства (возбуждение) уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения и расследование осуществляется по ним в порядке досудебного производства, тогда как по уголовным делам частного обвинения – в судебном.

С точки зрения необходимости принятия законных и обоснованных решений в стадии возбуждения уголовного дела, научный и практический интерес вызывает вопрос квалификации противоправного деяния в этой стадии уголовного процесса, например, когда в действиях лица, обвинение которому предъявлено в публичном порядке, усматриваются признаки преступления, преследование по которому осуществляется в частном порядке.

При допущении подобных ошибок при возбуждении уголовных дел частного обвинения имеет место нарушение права на защиту, которое выражается, например, в отсутствии возможности использовать встречное заявление о возбуждении дела частного обвинения. При этом, с одной стороны, потерпевший не будет наделен правами частного обвинителя, а с другой, бремя доказывания на себя берут органы предварительного расследования, а для подозреваемого тем самым возможность благоприятного исхода уголовного дела будет значительно сокращена.

В пользу производства по уголовным делам частного обвинения с точки зрения медиации свидетельствует судебная статистика о деятельности мировых судей, согласно которой число уголовных дел с прекращением производства по различным основаниям в 2014 г. составило 146,4 тыс., или 34,2 % от числа оконченных производством дел. Лица, по которым уголовные дела были прекращены в связи с примирением с потерпевшим, составили 115 тыс., или 81,4 %[1].

В целях повышения эффективности института частного обвинения в научной литературе существует ряд предложений. О необходимости закрепления за органами дознания проверки заявлений частного обвинения высказываются З. З. Талынева и Л. У. Резяпова[2]. Их пози-

---

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 г. // [электронный ресурс]: http://www.cdep.ru. (дата обращения: 04.07.2017).

[2] Талынева З. З., Резяпова Л. У. Совершенствование производства по делам частного обвинения как реальная необходимость // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 174–176.

ция заключается в том, что при осуществлении проверки по такому заявлению за лицами, их подавшими, во-первых, будет сохранена возможность отказаться от своего обвинения, а во-вторых, преимущества данной проверки, по мнению этих же авторов, заключается в возможности использования специальных знаний при определении степени тяжести вреда здоровью, установление которой осуществляется на основании соответствующего постановления органа предварительного расследования или органа дознания, а при подаче такого заявления в суд процедура получения заключения о степени тяжести причиненного вреда здоровью значительно затруднена.

Одновременно получение правоохранительным органом в ходе проверки сообщения о преступлении заключения специалиста о степени тяжести причиненного вреда в некоторых случаях исключит необходимость дальнейшей переквалификации преступного деяния. Однако довод З. З. Талыневой и Л. У. Резяповой относительно вынесения органами предварительного расследования или органа дознания постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при отсутствии в заявлении, сообщении о преступлении признаков преступления публичного обвинения и разъяснения права на обращение в суд с таким заявлением у автора вызывает сомнения, поскольку:

во-первых, заявление в орган внутренних дел уже поступило, и в соответствии с п. 2 Приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736, прием, регистрация и разрешение таких заявлений (частного обвинения) осуществляется в территориальных органах внутренних дел, что обуславливает необходимость приема такого заявления, с дальнейшей его передачей в мировой суд, а не вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;

во-вторых, необходимо разъяснить заявителю право обратиться в мировой суд с заявлением частного обвинения (в том числе и требования УПК РФ по его оформлению – выделено В. К.) и уже от волеизъявления данного лица, а не от должностного лица правоохранительного органа, будет зависеть, обратится ли он с повторным заявлением в мировой суд;

в-третьих, отказ в возбуждении уголовного дела является юридическим препятствием для возбуждения в суде уголовного дела, поскольку потребуется отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

С учетом вышеизложенного, одни авторы[1] предлагают выделить производство по уголовным делам частного обвинения в его отдельный вид, другие[2] – правильным видят институт производства по делам частного обвинения в отдельной главе УПК РФ с внесением изменений в отдельные его статьи. Еще одна группа авторов[3] полагает, что для всех преступлений необходим единый порядок возбуждения по ним уголовных дел, отдав предпочтение институту публичного обвинения в силу сложностей для заявителей процессуальных правил возбуждения уголовного дела обвинения частного.

Наша позиция заключается так же, как и у последней группы авторов, в выработке единого порядка начала производства по уголовному делу, однако с учетом данных официальной судебной статистики, реальных возможностей обеспечения потерпевшему конкретного права на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации), приоритет следует отдать процессуальному порядку возбуждения уголовных дел частного обвинения.

---

[1] Соболев М. В. Производство по уголовным делам частного обвинения в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

[2] Жирова М. Ю. Особенности доказывания по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 272 с.; Талынева З. З., Резяпова Л. У. Совершенствование производства по делам частного обвинения как реальная необходимость // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 174–176.

[3] Ухова Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве. – М. : Юрлитинформ, 2008. 144 с.; Грохотова Е. А. Некоторые проблемы процедуры возбуждения уголовного дела частного обвинения наука и современность. М., 2011. С. 199–202.

М. А. Кунашев[1],
начальник отдела организации дознания МВД
по Кабардино-Балкарской Республике,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ОГРАНИЧЕНИЕ УСМОТРЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРОКУРОРОМ ПРИ НАПРАВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУД

Отношения прокурора и следователя – самая чувствительная часть во всем предварительном следствии[2]. Это определение, данное почти полтора века назад, стало аксиомой.

Одним из самых «болезненных» полномочий прокурора для любого следователя является возвращение уголовного дела на дополнительное расследование. Исходя из позиций Государственной программы[3] распоряжением Следственного департамента МВД России № 1/5072 от 20 июня 2012 г. «Оценка деятельности органов предварительного следствия» возврат уголовного дела на доследование включен как негативный показатель в критерии оценки деятельности органов предварительного следствия.

Представляется, именно в данном полномочии наиболее широко проявляется право усмотрения прокурора. Данное право не ограничено оценками добросовестности его использования, ни необходимостью установления существенности выявленного нарушения, ни необходимостью обоснования недостаточности доказательств и т. д. Интересно, что даже право суда на возвращение уголовного дела прокурору ограничено исчерпывающим перечнем оснований, указанных в ст. 237 УПК РФ, который выступает как ограничение усмотрения суда.

О том, насколько данное полномочие прокурора актуально и спорно, показательно указывает то, что при принятии новых крите-

---

[1] © Кунашев М. А., 2018.

[2] Квачевский А. Участие прокурорского надзора в предварительном следствии // Юридический вестник. – 1868. – № 12. – С. 9.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». Приложение 2.

риев оценки деятельности территориальных органов внутренних дел субъектов в приказе МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» указанный показатель не включен в критерии оценки деятельности территориального органа.

Как представляется, это стало следствием того, что существующая процедура обжалования необоснованных постановлений надзирающих прокуроров о возвращении уголовных дел на дополнительное расследование замкнута на самом прокурорском ведомстве и делает фактически невозможным обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации. Принадлежность к одному ведомству делает невозможной объективную оценку действий своего нижестоящего коллеги. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ в ч. 4 ст. 221 УПК РФ внесены изменения о том, что обжалование решений о направлении уголовных дел на дополнительное расследование Генеральному прокурору Российской Федерации возможно только в течение 72 часов с момента поступления уголовного дела к следователю. На практике в течение указанного времени следователь органов внутренних дел должен: ознакомится с отказом в удовлетворении ходатайства вынесенным прокурором субъекта Российской Федерации, подготовить возражение на данный отказ, инициировать подготовку и оформление командировочных документов подписываемых главой органа внутренних дел субъекта, прибыть в г. Москву, представить возражение в Следственный департамент МВД России, где согласовать ходатайство с начальником Следственного департамента МВД РФ (ч. 4 ст. 221 УПК РФ) и обеспечить его доставку в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Выполнить перечисленные мероприятия в условиях территориальной отдаленности большинства субъектов Российской Федерации от г. Москвы, даже теоретически невозможно.

Указанная нереализуемость соблюдения процедуры обжалования, позволяет надзирающим прокурорам недобросовестно относится к использованию полномочия возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. Вышестоящие же прокуроры в субъектах, исходя из ложного понимания «прокурорской солидарности», зачастую понимая неправоту нижестоящих подчиненных районных прокуроров и «надуманность» оснований возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, не отменяют необоснованные по-

становления своих коллег, опять же понимая, что их решение фактически не будет проверено на законность Генеральным прокурором Российской Федерации.

Несправедливость изменений, внесенных в ч. 4 ст. 221 УПК РФ, и их ведомственная направленность прослеживается и в том, что вышеуказанным Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ увеличено до 10 суток время, в течение которого прокурор рассматривает ходатайство следователя о необоснованности постановления о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. При этом прокурору, в отличие от следователя, никуда перемещаться не нужно и ни с кем свое решение согласовывать не требуется.

Таким образом, вопрос о том, почему для реализации своего усмотрения по оценки доказательств прокурору предоставлено 10 дней (ч. 1 ст. 221 УПК РФ), а то и месяц (ч. 1^1 ст. 221 УПК РФ), а следователю для реализации права на обжалование этого решения прокурора – 72 часа, остается открытым. При этом сравнение между изучением дела и его обжалованием допустимо – так как в сущности эти действия предполагают одни и те же мыслительные и оценочные процедуры – изучить дело, сравнить с доводами обвинительного заключения и с доводами постановления о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование, то есть и там, и там изучаются одни и те же материалы. Почему законодатель определил более комфортные условия для реализации полномочий представителями для одного ведомства перед другим, не понятно.

Статья 514 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. запрещала возвращать прокурору на доследование дела по несущественным поводам. Как же сильно этой простой нормы не хватает нынешним следователям! Указание законодателя на необходимость обоснования существенности нарушения в решения о доследовании, выступало бы ограничением усмотрения прокурора.

Несмотря на то, что в настоящем УПК РФ нет подобной нормы – существует межведомственный нормативный акт совместное Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, МВД Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы судебных приставов, ФСБ Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом

наркотиков от 3 июня 2015 г. № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства». В п. 1.3 данного Указания надзирающим прокурорам предписано исключить факты отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, о приостановлении предварительного расследования и прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по формальным основаниям, не имеющим отношения к предмету проверки (расследования) или не влияющим на обоснованность принятого процессуального решения. Вышестоящим прокурорам в случае выявления фактов принятия нижестоящими прокурорами необоснованных решений по уголовным делам, поступившим с обвинительным заключением (актом, постановлением), а также отмене постановлений о возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о приостановлении предварительного расследования и об отказе в возбуждении уголовного дела рассматривать вопрос о привлечении виновных должностных лиц органов прокуратуры к ответственности (п. 1.12).

Естественно, эти нормы практически «мертвы», однако сам факт их существования является свидетельством признания на самом высоком уровне, что злоупотребления прокуроров при принятии решений по своему усмотрению существуют, носят неединичный характер, и эта проблема потребовала закрепления данных норм пока на ведомственном уровне.

В связи с изложенным предлагается отменить изменения, внесенные в ч. 4 ст. 221 УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ.

С целью пресечения фактов необоснованного возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, однако, понимая необходимость сохранения соответствующих полномочий прокурора, как гаранта независимой оценки доказательственной базы, предлагаем изменить форму выражения оценки надзирающим прокурором личного мнения о полноте и законности проведенного предварительного следствия. Представляется, решение о необходимости проведения дополнительного расследования при рассмотрении уголовного дела поступившего с обвинительным заключением выносить не в форме постановления, а в форме требования в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Данное требование подлежит рассмотрению руководителем следственного органа в порядке ч. 4 ст. 39 УПК РФ. В слу-

чае, если руководитель следственного органа не согласится с требованием прокурора о необходимости производства дополнительного расследования в связи с его необоснованностью, то у прокурора, в случае убежденности в своей правоте, имеется возможность обжаловать данный отказ в порядке ч. 6 ст. 37 УПК РФ.

Предлагаемый порядок сохранит за Генеральным прокурором Российской Федерации право на окончательное и самостоятельное разрешение спорных ситуаций, но в то же время, вследствие установления необходимости надзирающим прокурорам самим выходить с соответствующими инициативами в федеральные органы, будет способствовать резкому уменьшению злоупотреблений со стороны местных прокуроров и более строгому отношению с их стороны к использованию данного полномочия.

Е. Б. Кужевская[1],
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат философских наук

Е. И. Смык[2],
адъюнкт кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Ю. С. Серебренникова[3],
магистрант факультета прикладной лингвистики РГГУ

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Согласно ч. 1 ст. 3 УПК РФ производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации, ведется в соответствии с правилами УПК РФ.

В связи с этим осуществление следственных действий с участием иностранных граждан имеет свои особенности. Рассмотрим некоторые из них.

---

[1] © Кужевская Е. Б., 2018.
[2] © Смык Е. И., 2018.
[3] © Серебренникова Ю. С., 2018.

Во-первых, иностранные граждане, независимо от их процессуального статуса либо не владеют русским языком полностью, либо владеют, но не в достаточной степени. Исходя из этого, перед следователем (дознавателем) возникает проблема, решение которой связано с привлечением для участия в указанном следственном действии переводчика, процессуального оформления его участия, а также решение ряда вопросов организационного, процессуального и тактического характера. В связи с чем «на первый план выдвигается проблема взаимопонимания как главного результата человеческого общения, это предполагает более углубленный подход к процессу коммуникации, учитывающий специфику ценностных ориентаций, во многом определяющих мотивы и результаты общения»[1].

Во-вторых, производство того или иного следственного действия с участием иностранных граждан требует тщательной подготовки к его проведению. «Многие следователи (дознаватели) в силу малого опыта работы с представителями других государств, не обладают навыками лингвистической адаптации, что в значительной степени усложняет процесс производства следственных действий. Таким сотрудникам, осуществляющим расследование по уголовному делу с участием иностранного гражданина, трудно произносить фамилию, имя, отчество последнего, нетипичные для лингвистической культуры следователя (дознавателя)»[2]. В связи с этим следователю (дознавателю) рекомендуется потренироваться в произношении фамилии, имени и отчества иностранного гражданина, которого предполагается допросить. Кроме этого, следует изучить транскрипцию произношения и написания указанных выше данных, чтобы в последующем при заполнении протокола допроса не сделать ошибок[3].

---

[1] См.: Кужевская Е. Б. Межкультурное общение как объект культурологического анализа // Актуальные проблемы управления – 2008 [Текст] : материалы 13-й Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 2. Государственный университет управления. М. : ГУУ, 2008. С. 68.

[2] См.: Кужевская Е. Б., Смык Е. И. Некоторые особенности подготовки к допросу иностранных граждан // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции : научное электронное издание. М., 2017. С. 284–288.

[3] См.: Ахмедшин Р. Л. Тактика допроса иностранных граждан // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 391. – С. 155–156.

В-третьих, приглашая для участия в следственном действии переводчика, должностное лицо должно убедиться в том, чтобы и переводчик, и допрашиваемое лицо разговаривали на одном языке, оба хорошо использовали диалект, на котором будут даваться показания. Необходимо стремиться к тому, чтобы перевод, осуществляемый переводчиком, соответствовал двум главным принципам: «адекватности» и «точности», поскольку сам перевод может быть интерпретирован самым тонким образом, а переводчик может быть заинтересован в том, чтобы показания были даны не в полном объёме, могли ввести в заблуждение и, главным образом, чтобы сделать приоритетными интересы одной стороны перед другой. Говоря о месте перевода в данном вопросе, необходимо отметить, что переводчик является как бы еще одним действующим лицом. Всё это в конечном итоге может привести к искажению или потере значимой для расследования уголовного дела информации.

Вопросы, подлежащие выяснению у иностранного гражданина, независимо от его процессуального статуса, необходимо перевести заранее на тот язык, на котором будут даваться показания. Они должны быть сформулированы так, чтобы не возникло различных толкований. Необходимо избегать идиоматических и иных выражений, смысл которых не может быть точным образом разъяснён и переведён допрашиваемому иностранному лицу.

Осуществляя производство того или иного следственного действия, следователь (дознаватель) должен максимально полно конкретизировать показания иностранного гражданина, акцентируя внимание на основных фактах и обстоятельствах, подлежащих выяснению, которые в последующем должны быть проверены с помощью проведения комплекса следственных действий.

В-четвертых, при производстве следственных действий с участием иностранных граждан, должностному лицу необходимо обладать максимальным объёмом информации, характеризующей иностранного гражданина как участника уголовного судопроизводства, что в значительной степени упростит производство этих следственных действий.

Таким образом, соблюдение приведённых выше особенностей, предопределяет успех производства следственных действий и раскрытия и расследования преступления в целом.

Ле Куанг Вьет[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я Кикотя

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Определение круга обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, имеет важное значение. Без установление фактических обстоятельств произошедшего события, действий лица, побуждений и мотивов, а также последствий, невозможно решить вопросы о том, имело ли место преступление, виновно ли лицо в его совершении и какое должно понести наказание.

Отсутствие всестороннего подхода к решению задач уголовного судопроизводства (назначению, в соответствии со ст. 6 УПК РФ) может привести к утрате доказательственной базы, а следовательно и к принятию, зачастую незаконного и необоснованного решения по уголовному делу, в результате чего к уголовной ответственности может быть привлечено невиновное лицо, либо напротив – виновное лицо избежит уголовного наказания.

С другой стороны, чрезмерное расширение предмета доказывания также может иметь негативные последствия, к примеру, являться причиной неправомерного продления процессуальных сроков расследования уголовного дела.

Совокупный анализ теоретических исследований и правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства в СРВ и Российской Федерации свидетельствует о наличии сходных в основном представлений о предмете доказывания, который заключается в достижении единой цели – установлении обстоятельств, способствующих разрешению уголовного дела по существу.

Вместе с тем, имеют место и различия. Российские процессуалисты относят к предмету доказывания «фактические» обстоятельства, то есть лишь те, которые имели место в реальной действительности и предусматриваются конкретными нормами права[2], тогда как данному

---

[1] © Ле Куанг Вьет, 2018.

[2] Волынская О. В., Шаров Д. В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России. 2009. С. 11.

аспекту проблемы внимание вьетнамских ученых почти не уделяется. Примером тому может служить их позиция, согласно которой не всегда следует доказывать все обстоятельства в совокупности, поскольку существуют уголовные дела, по которым доказывание отдельных элементов является обязательным, а по другим – нет. Все зависит от характера дела[1]. К примеру, такой точки зрения придерживается Чан Ван До.

Вьетнамские процессуалисты включают в предмет доказывания: «обстоятельства, составляющие суть уголовного дела; обстоятельства, влияющие на определение объема уголовной ответственности и размера наказания; другие доказательства, имеющие значение для правильного разрешения дела»[2].

Предмет доказывание находит свое непосредственное закрепление в следующих нормах УПК СРВ: ст. 85 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном судопроизводстве»; ст. 461 «Обстоятельства, подлежащие установлению в производстве по уголовному делу в отношении обвиняемого лица в возрасте до 18 лет»; ст. 448 «Производство следственных действий в отношении лица, по поводу вменяемости которого возникает сомнение».

Кроме того, в ряде других норм УПК СРВ опосредованно указывается и на другие положения, имеющие отношение к предмету доказывания. К примеру, ст. 15 «Установление истины уголовного дела»; ст. 30 «Разрешение проблем гражданского иска в уголовном процессе»; ст. 86 «Доказательства»; ст. 157 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела»; ст. 179 «Привлечение в качестве обвиняемого». По сравнению с предметом доказывания по УПК СРВ, российский законодатель в предмет доказывания, как общий так и специальный, включает гораздо меньший объем нормативных установлений. Данное обстоятельство обусловлено определенными причинами.

Разнообразность преступных проявлений влечет за собой необходимость разграничения круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, что, по нашему мнению, носит относительный характер.

Доказывать обстоятельства, составляющие суть преступления, – означает основываться на них, прежде всего для установления факта

---

[1] Пособие по уголовно-процессуальному праву СРВ (предназначено для студентов юридических институтов, юридических училищ, институтов безопасности, полицейских институтов, юридических академий). Ханой : Жаозук, 2011. С. 105.

[2] Академия народной безопасности. Пособие по уголовно-процессуальному праву Вьетнама. Ханой : Конган, 2011. С. 145.

преступного деяния, учитывая юридические признаки, характеризующие состав преступления, который как во Вьетнаме, так и в Российской Федерации, совпадает[1].

Частью 1 ст. 85 УПК СРВ предусматриваются подлежащие доказыванию обстоятельства, составляющие объективную сторону преступления, а обстоятельства, относящиеся к субъекту и субъективной стороне преступления, определены в ч. 2 данной статьи, то есть необходимо установить лицо, совершившее преступное деяние, его вменяемость, виновность, форму преступления (умысел или неосторожность), мотив и цель совершения преступления. Однако, ч. 3 и 4 данной статьи предусматривают подлежащие доказыванию обстоятельства, дающие основания для привлечения лица к уголовной ответственности и применения к нему надлежащего наказания.

В то же время в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, хотя и в краткой форме, но в достаточно полном объеме указаны подлежащие доказыванию обстоятельства, входящие в содержание объективной стороны преступления, такие как: факт преступления, последствия преступления, причинно-следственная связь между деянием и последствием преступления, время, место, способ совершения преступления. Пунктом 2 ч. 1 настоящей статьи предусматриваются обстоятельства субъективной стороны преступления, а остальными пунктами этой части – обстоятельства, обусловливающие привлечение к уголовной ответственности и применение меры наказания.

Стоит обратить внимание на производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетним лицом. На основании п. «а» ч. 2 ст. 416 УПК СРВ при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном указанным лицом, обязательно установление его возраста, однако указаний в части, касающейся даты его рождения, в настоящей норме не предусмотрено.

Следующий пункт анализируемой статьи – «с», по сравнению с содержанием ст. 421 УПК РФ, так же представляется нам недостаточно проработанным. Вьетнамский законодатель не разграничивает, когда преступление было совершено несовершеннолетним, имеющим собственные преступные намерения, и когда, к примеру, организатором

[1] Пособие по уголовно-процессуальному праву СРВ (предназначено для студентов юридических институтов, юридических училищ, институтов безопасности, полицейских институтов, юридических академий). Ханой : Жаозук, 2011. С. 112.

преступления выступает взрослый обвиняемый, а несовершеннолетний в результате склонения, принуждения, является исполнителем.

Рассматривая вопрос производства по уголовному делу о преступлении, совершенном лицом, находящимся в состоянии невменяемости, следует отметить, что нормы, предусмотренные п. «с» ч. 1 ст. 448 («Производство следственных действий в отношении лица, подозреваемого в обладании вменяемостью»), являются несовершенными, так как ст. 13 УПК СРВ посвящена преступлениям, совершаемым в результате злоупотребления спиртными напитками или веществами, вызывающими сильное раздражение. Отсюда следует, что невменяемым является лицо, страдающее психическими или другими заболеваниями, лишающими его способности осознавать свои действия и руководить ими.

В этой связи, возможно сделать следующий вывод. Во-первых, лицо, совершившее общественно опасное деяние, невменяемо, так как страдает психическим расстройством. Во-вторых, лицо, совершившее общественно опасное деяние, невменяемо, так как у него другие заболевания (а не психическое расстройство), которые лишили его способности осознавать свои действия и руководить ими. Содержание соответствующей ст. 434 УПК РФ ориентирует на несколько иной подход российского законодателя.

Таким образом, результаты сравнительного анализа правовых норм, прямо или косвенно закрепленных в УПК СРВ и УПК РФ, показывают, что в указанных нормативных правовых актах дефиниции предмета доказывания во многом близки.

Во-первых, правовые нормы по предмету доказывания находят закрепление в различных статьях Уголовных кодексов двух государств. Вместе с тем, в их числе есть специальные статьи, предусматривающие подлежащие доказыванию обстоятельства, составляющие суть преступления, и обстоятельства, обусловливающие привлечение к уголовной ответственности и применение меры наказания.

Во-вторых, УПК СРВ и УПК РФ содержат ряд сходных положений, определяющих круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и способов фиксации полученных результатов.

В-третьих, совпадение касается и вопроса о едином субъекте доказывания.

Однако, при этом нами выявлены и существенные отличия относительно предмета доказывания, помимо тех которые уже были рассмотрены выше.

Во-первых, на основе анализа подлежащих доказыванию обстоятельств, предусмотренных ст. 85 УПК СРВ и ст. 73 УПК РФ, выявлено следующее различие: в ч. 2 ст. 73 УПК РФ оговорено, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», тогда как в соответствующей ст. 85 УПК СРВ такая оговорка отсутствует.

Во-вторых, сравнительный анализ установленных ст. 416 УПК СРВ и ст. 421 УПК РФ выявил следующие различия: п. «d» ч. 2 ст. 416 УПК СРВ предусмотрено, что при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, субъект уголовного судопроизводства обязан выявить причины и условия совершения преступления, а, в свою очередь, ст. 421 УПК РФ не содержит подобной конкретизации.

В-третьих, п. 5 ч. 2 ст. 434 УПК РФ установлено, что при производстве следственных действий по уголовному делу в отношении лица, которое совершило в состоянии невменямости деяние, подлежащее уголовно-правовому запрету, или оказалось в состоянии психического расстройства после совершения преступления, следователь обязан выявить, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда. Однако, соответствующей ст. 448 УПК СРВ данное обстоятельство не предусматривается.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное в настоящей статье, полагаем, что предмет доказывания – многогранное явление, значимое как для теории уголовно-процессуального права, так и для правоприменительной деятельности в любом из государств. Следовательно, значение предмета доказывания заключается в том, что он направляет деятельность субъекта доказывания на получение конкретных, юридически-значимых сведений по уголовному делу, в результате чего процесс доказывания приобретает определенные границы.

Н. А. Логинов[1],
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института ФГБОУ ВО
«Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В настоящей статье автору представляется своевременным и целесообразным рассмотреть вопросы, связанные с обеспечением права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях, через призму содержания закрепленных в уголовно-процессуальном законе поводов для возбуждения уголовного дела (ст. 140–143 УПК РФ).

Наиболее распространенным поводом для возбуждения уголовного дела является *заявление о преступлении*, которое может быть сделано как в устной, так и в письменной форме (ст. 141 УПК РФ).

Данный повод, по обоснованному мнению А. В. Гриненко, в правоприменительной практике встречается наиболее часто, поскольку лицо, в отношении которого совершено преступление, стремится немедленно сообщить об этом в правоохранительный орган[2].

Говоря о возникновении права на защиту, следует сказать, что оно возникает в данном случае непосредственно как у лица, чьи интересы нарушены совершенным в отношении него уголовно наказуемым деянием, так и у лица, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Положения ст. 141 УПК РФ детально регламентируют порядок составления и принятия заявления о преступлении, что позволяет нам сделать вывод о том, что лицо, в отношении которого было совершено уголовно наказуемое деяние, вправе использовать любые прямо не запрещенные законом возможности для восстановления нарушенных прав, так как совершенное преступление причиняет определенный вред, посягая как на материальные, так и на нематериальные блага пострадавшего.

В свою очередь лицо, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела, исходя из детального изучения содержания ст. 141 УПК РФ, не обладает какими-либо процессуальными пра-

---

[1] © Логинов Н. А., 2018.

[2] См.: Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 76.

вами. При этом отметим, что лицо, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела, может обладать определёнными возможностями по защите своих прав и законных интересов лишь после принятия решения о возбуждении уголовного дела, когда в силу императивной нормы ч. 4 ст. 146 УПК РФ руководитель следственного органа, следователь, дознаватель незамедлительно уведомляют о принятом решении заявителя, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Таким образом, на этапе проведения проверки сообщения о преступлении лицо, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела и проводится широкий комплекс проверочных мероприятий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, не обладает процессуальными возможностями по защите своих прав. Данное лицо уже постфактум ставится в известность о том, что в отношении него принято решение о возбуждении уголовного дела, и лишь, будучи наделенным процессуальным статусом подозреваемого (ст. 91 УПК РФ), оно может обладать определённым объемом прав для защиты своих интересов.

Здесь же следует согласиться с Б. Я. Гавриловым, который констатирует, что «сегодня, в соответствии с требованиями ст. 46 и 49 УПК РФ, участие защитника в уголовном деле предусмотрено не только с момента его возбуждения в отношении конкретного лица, а, в соответствии с нормами Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, – с момента начала осуществления процессуальных действий с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении»[1].

Все вышесказанное приводит нас к однозначному выводу о том, что лицо, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела, не обладает реальной возможностью для защиты своих прав (в том числе пользоваться помощью защитника), что является несомненным пробелом в действующем законодательстве.

Однако опрос автором сотрудников органов предварительного следствия и органов дознания, которые проводят доследственную проверку, показал, что 78,8 % респондентов считают, что лицо, в отношении которого разрешается вопрос о возбуждении уголовного дела, обладает достаточным объемом полномочий для защиты своих прав при проверке сообщения о преступлении.

---

[1] Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ накануне очередной реформы (мнение практика и ученого) // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 139.

Тем не менее, несмотря на полученные данные, наш вывод подтверждается и тем обстоятельством, что именно на первоначальном этапе проверки сообщения о преступлении выдвигаются следственные версии о конкретных лицах, совершивших уголовно наказуемое деяние, которые впоследствии проверяются с точки зрения возможности привлечения указанных лиц к уголовной ответственности, поэтому они уже по сути находятся в положении потенциальных подозреваемых (обвиняемых), не имея при этом достаточных полномочий для защиты своих прав.

Говоря о таком поводе для возбуждения уголовного дела из числа перечисленных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ, как *явка с повинной,* следует особо отметить, что с точки зрения правовых последствий явка с повинной может быть расценена органами предварительного расследования, прокурором и судом как обстоятельство, смягчающее наказание (ч. 1 ст. 61 УК РФ), и даже повлечь освобождение от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ).

По мнению А. С. Шаталова и А. А. Крымова, «явка с повинной бывает не только полной и правдивой, но и вынужденной, ложной и даже спровоцированной», в связи с чем отметим, что обеспечение прав на защиту для лица, заявившего о явке с повинной, является особенно актуальным, принципиальным и востребованным обстоятельством[1]. В данном аспекте разумно полагает С. В. Бородин, что в таких случаях «тщательному анализу должны подвергаться следующие обстоятельства: содержатся ли в деянии лица, о котором оно сообщает, признаки преступления, а также личность явившегося и мотивы явки»[2].

При этом, по мнению Б. Т. Безлепкина, «не может называться явкой с повинной заявление о совершенном преступлении, с которым обратился гражданин …, сознавшийся под давлением улик, а тем более с применение насилия»[3]. Разделяя данную позицию, следует добавить, что такого рода факты случаются в практической деятельности органов предварительного следствия и органов дознания, они яв-

---

[1] См.: Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». М. : Проспект, 2018. С. 321.

[2] Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М. : ВНИИ МВД СССР, 1970. С. 32.

[3] Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. С. 30.

ляются прямым нарушением конституционного права гражданина, так как никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению либо наказанию (ст. 29 Конституции Российской Федерации). Данные факты связаны прежде всего с тем, что реформирование структуры органов внутренних дел в итоге должна трансформировать измерение коэффициента полезного действия их деятельности в такой итоговый показатель, как уровень доверия граждан к правоохранительным органам. Однако в настоящее время все еще не смогла изжить себя так называемая «палочная» система оценки деятельности правоохранительных органов. При этом достижение показателей не ниже чем за аналогичный период прошлого года (АППГ) иногда приводит к описываемым нарушениям прав граждан на достойное отношение со стороны сотрудников правоохранительных органов, начиная с момента осуществления ими проверки сообщения о преступлении.

Что касается обеспечения прав личности в контексте оформления явки с повинной, то определенные сложности вызывают факты, когда лицо сообщает о том, что оно совершило преступление, не посредством личной явки в орган внутренних дел, а в телефонном разговоре. Это чаще всего возникает при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и здоровье личности (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство и др.). Из содержания ч. 7 ст. 141 УПК РФ следует, что такого рода информация не является поводом для возбуждения уголовного дела, так как должны быть установлены точные данные лица, заявившего о преступлении, и иные обстоятельства произошедшего. По такого рода сообщениям органы внутренних дел также должны проводить проверочные мероприятия, руководствуясь Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (утверждена приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736) и направить следственно-оперативную группу по адресу, сообщенному в телефонном разговоре с заявителем. В случае наличия признаков преступления после проверки данного факта принимается решение о возбуждении уголовного дела по такому поводу, как сообщение по преступлении, полученное из иных источников, оформленное рапортом об обнаружении признаков преступления.

Однако, по нашему мнению, если лицо, совершившее преступление, обратилось в правоохранительные органы с устным сообщением в ходе телефонного разговора, то после установления его личности и обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния от данного лица целесообразно принимать письменное или устное заявление, а уголовное дело следует возбуждать исключительно по таком поводу, как явка с повинной. Предлагаемый подход позволит надлежащим образом уже на этапе проверки сообщения о преступлении соблюдать права личности, предоставив возможность применения уголовно-правовых средств, выраженных в возможности расценить данные действия лица, как обстоятельства, смягчающие наказание. Таким образом, применение разработанного автором алгоритма действий позволит избежать существенных нарушений прав граждан на стадии возбуждения уголовного дела и обеспечит надлежащий уровень обеспечения права личности на защиту своих прав и законных интересов.

В заключение можно сделать вывод о том, что особое внимание необходимо уделять вопросам обеспечения права на защиту, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела, так как именно с данного момента приводится в действие процессуальный механизм уголовного преследования и непосредственно с данной стадии уголовного процесса реализуется назначение уголовного судопроизводства, выраженное в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

М. О. Медведева[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

О ПЕРСПЕКТИВАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА БАЗЕ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Представляется бесспорным, что содержащиеся в УПК РФ положения о применении информационных технологий и технических средств в российском уголовном процессе не соответствуют современному уровню развития информационных технологий и возможностям по сокращению бюрократических процедур в уголовном процессе при обеспечении гарантий прав и свобод субъектов уголовного

[1] © Медведева М. О., 2018.

процесса, вследствие чего многие научно-технические достижения остаются без практического применения. В этой связи, необходимо согласиться с мнением В. Н. Григорьева о том, что в настоящее время в уголовном процессе России имеют место тенденции по упрощению уголовно-процессуальной формы, которым, тем не менее, необходимо противопоставлять стремление к ее адекватному и экономному применению[1].

Таким образом, произошедшие изменения в современном информационном обществе настоятельно требуют разработки уголовно-процессуальных норм, регламентирующих копирование, изъятие, сохранение, обработку, передачу и представление в суде электронной информации, имеющей доказательственное значение, а также, что наиболее важно – модернизацию уголовно-процессуальных форм с учетом информационных технологий таким образом, чтобы они отвечали классическим требованиями к уголовно-процессуальной форме.

Однако, правовое регулирование информационного обеспечения уголовного процесса до сих пор носит фрагментарный и непоследовательней характер, так, например, отсутствует общие положения об использовании информационных технологий, само понятие технических средств, критерии допустимости использования технических средств, за редкими исключениями, также не находят свое отражение в процессуальном законодательстве.

Информационными технологиями в уголовном процессе является определенная совокупность средств, приемов и методов собирания (поиска, обнаружения, фиксации, изъятия), обработки и передачи информации о расследуемом событии для получения уголовно-процессуальных доказательств, позволяющих в ходе производства по уголовному делу устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования конкретного преступления. При этом, необходимо осознавать важность правового регули-

[1] Григорьев В. Н. Крымский вариант экономии уголовно-процессуальных средств: исторический опыт и современные тренды // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы V Международной научно-практической конференции, 27–29 апреля 2017 г., г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь : ИТ «Ариал». 2017. С. 41–45.

рования уголовно-процессуальной формы информационных технологий, так как ее несоблюдение влечет за собой определенные правовые последствия, в том числе признание доказательства недопустимым, что может привести к вынесению оправдательного приговора, основанного не на установленной невиновности подсудимого, а на недоказанности его вины вследствие исключения признанных недопустимыми доказательств обвинения из списка доказательств по уголовному делу.

Несмотря на отсутствие в ст. 5 УПК РФ легального определения понятия «технических средств», в контексте закона неоднократно используются формулировки о технических средствах. В УПК РФ возможно выделить несколько видов уголовно-процессуальных форм с «информационными» элементами:

1) регламентирующие общий порядок применения техники в ходе производства следственных действий и специальный порядок, относящийся к отдельным следственным действиям;

2) определяющие порядок применения технических средств при ознакомлении с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства;

3) определяющие условия применения технических средств в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций;

4) определяющие возможность применения технических средств для изготовления различных процессуальных документов.

Кроме этого, необходимо отметить, что, исходя из содержания УПК РФ, условно можно выделить следующие группы норм непосредственно об использовании технических средств: как средства фиксации, как средства для протоколирования, как средства, конструктивно предназначенные для установления необходимых сведений, и как средства проверки и контроля.

Таким образом, исходя из существующего несоответствия фактического и нормативно обусловленного использования информационных технологий в уголовном процессе, представляется необходимым констатировать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство нуждается в актуализации по обозначенным направлениям. В этой связи необходимо согласиться с мнением О. В. Волынской, которая правильно подчеркнула, что при всей «емкости» действующих норм доказательственного права, их соответствии общественным потребностям за счет заложенного в них «запаса прочно-

сти», с одной стороны, и гибкости судебной практики – с другой, произошедшие под влиянием научно-технического прогресса изменения настолько велики, что обусловливают дальнейшее развитие процессуального законодательства[1].

Обозначенная точка зрения нашла подтверждается результатами проведенного нами анкетирования сотрудников следственных органов и органов дознания. Так, 65 % опрошенных придерживаются позиции, что имеющаяся правовая база не соответствует современному информационному «оснащению» уголовного процесса.

В этой связи, на наш взгляд, можно обозначить следующие основные направления развития уголовно-процессуального законодательства:

1) расширение пределов допустимости доказательств и появление новых источников фактических данных;

2) расширение перечня традиционных следственных действий, разработка дополнительных гарантий соблюдения законности при их производстве;

3) использование компьютерных систем при принятии процессуально значимых решений.

Рядом последовательно внесенных изменений в УПК РФ разрешены основные вопросы, связанные с изъятием, копированием и хранением материальных носителей информации в электронной форме. Вместе с тем вопрос о критериях электронных доказательств в уголовном процессе до настоящего времени остается дискуссионным. Однако, представляется логичным, что в первую очередь необходимо закрепление основных принципов использования информационных технологий, а также регламентация уголовно-процессуальной формы действий, производимых с использованием информационных технологий.

Таким образом, необходимо заключить, что высокие информационные технологии могут предоставить участникам уголовного процесса возможность удовлетворять возросшим требованиям, для успешного внедрения и использования современных технологий необходимо реформирование всей системы уголовного судопроизводства. Для этого, на наш взгляд, необходимо развитие уголовно-процессуального законодательства в следующих направлениях:

---

[1] Волынская О. В. Доказывание истины в уголовном процессе // Вестник МВД РФ. – 1999. – № 4. – С. 128–130.

1) создать базовые правила и нормы работы с единой информационной системой и закрепить их в УПК РФ;

2) расширение пределов допустимости доказательств и появление новых источников фактических данных;

3) расширение перечня традиционных следственных действий, разработка дополнительных гарантий соблюдения законности при их производстве;

4) использование компьютерных систем при принятии процессуально значимых решений.

О. В. Мичурина[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К. А. Кураш[2],
магистрант факультета заочного обучения
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ И НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В СФЕРЕ РУКОВОДСТВА ДОЗНАНИЕМ

Уголовно-процессуальный закон наделяет начальника органа дознания и начальника подразделения дознания широкими процессуальными полномочиями в сфере руководства дознанием. Но, если в иерархии «начальник органа дознания – дознаватель» или «начальник подразделения дознания – дознаватель» почти все ясно, то в соотношении «начальник органа дознания – начальник подразделения дознания» имеются проблемы, обусловленные конкуренцией процессуальной компетенции двух руководителей.

На основании п. 17^1 ст. 5 УПК РФ начальником подразделения дознания является должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель. Речь идет о руководителях организационно выделен-

[1] © Мичурина О. В., 2018.
[2] © Кураш К. А., 2018.

ных специализированных подразделений, которые имеются в отдельных ведомствах, где производится дознание. Говоря о средствах процессуального контроля начальника подразделения дознания, надо учитывать, что ими выступают полномочия, регламентированные ст. 40^1 УПК РФ, а также все другие его полномочия в сфере руководства дознанием. При этом следует заметить, что эта сфера распространяется не на всех дознавателей, а лишь находящихся в его подчинении (штатных дознавателей). Штатная единица дознавателя не равнозначна процессуальному понятию «дознаватель». Статусом дознавателя может быть наделено любое должностное лицо органа дознания, и все эти способы организации дознания не противоречат уголовно-процессуальному закону. В п. 7 ст. 5 УПК РФ сформулированы два момента наделения должностного лица органа дознания полномочиями на производство дознания. Так, должностное лицо органа дознания может быть дознавателем в двух случаях: когда оно правомочно либо уполномочено начальником органа дознания. В первом случае речь идет о штатных дознавателях, во втором – об уполномоченных на производство дознания должностных лицах органа дознания.

Согласно п. 17 ст. 5 УПК РФ начальник органа дознания – должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель. В силу требований ч. 3 ст. 40^2 УПК РФ полномочия начальника органа дознания в органах внутренних дел Российской Федерации осуществляют также заместители начальника полиции. При этом процессуальные полномочия начальника органа дознания распространяются не только на дознавателя подразделения дознания, но и на любое другое должностное лицо органа дознания, в том числе начальника подразделения дознания. Кроме того, начальник органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает всеми полномочиями начальника подразделения дознания.

Начальник подразделения дознания, хоть и наделен законом широкими процессуальными полномочиями, в то же время, руководя деятельностью дознавателей и входя в структуру органа дознания, он организационно подчиняется начальнику органа дознания. По этой причине отношения начальника органа дознания с начальником подразделения дознания построены на тех же началах, что и с дознавателем.

Система прямых связей в органе дознания – это жесткая структура, при которой каждый случай передачи команды управления, минуя

непосредственно подчиненную систему, нежелателен, так как способен нарушить ритм ее функционирования[1]. Вот почему начальник органа дознания является субъектом управления по отношению к дознавателю и любому другому должностному лицу органа дознания, в том числе начальнику подразделения дознания. В связи с чем, последнего нельзя уравнивать по статусу с начальником органа дознания. Их взаимоотношения являются отношениями субординации.

Надо заметить, что любой аппарат государственных служащих внутри государственного органа строится на принципах субординации, то есть соподчинения одних работников другим. Каждое должностное лицо здесь обычно обладает четко определенной компетенцией внутри иерархического разделения труда и ответственности за свою деятельность перед вышестоящим должностным лицом. Не избежал субординационного построения и орган дознания. К примеру, все сотрудники, реализующие полномочия органа дознания имеют, как правило, четко определенные обязанности и права в сфере уголовного судопроизводства и несут по ним ответственность перед начальником органа дознания. Сотрудники подразделения дознания, помимо аналогичного подчинения начальнику органа дознания, ответственны за осуществление уголовно-процессуальной деятельности и перед начальником подразделения дознания. Последний, в свою очередь, несет также ответственность перед начальником органа дознания за весь объем работы, выполняемый дознавателями. Причем такая субординация соблюдается ими именно в сфере уголовно-процессуальной деятельности, а не только в силу служебной подчиненности.

Что же касается отношений начальника подразделения дознания внутри системы «орган дознания» с сотрудниками, осуществляющими другие полномочия органа дознания, то они имеют не субординационный, а скорее координационный характер в силу отсутствия не только служебной, но и процессуальной соподчиненности друг с другом.

Таким образом, процессуальное руководство начальника подразделения дознания, а также начальника органа дознания складывается из реализации ими полномочий, закрепленных в уголовно-

---

[1] См.: Зуйков Г. Г. Правовые вопросы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. М., 1973. С. 17; Кулагин Н. И. Правовые аспекты управленческой деятельности следственного аппарата // Проблемы обеспечения социалистической законности на предварительном следствии. Волгоград, 1986. С. 25.

процессуальном законе. При этом начальник органа дознания осуществляет их для надлежащей организации деятельности не только дознавателя, но и любого другого должностного лица органа дознания. Что же касается начальника подразделения органа дознания, то его полномочия ограничены не только сферой дознания, но также еще вверенным ему подразделением. Иными словами, руководство начальника подразделения распространяется лишь на находящихся в его подчинении дознавателей. Процессуальная деятельность начальника подразделения дознания не подменяет и не заменяет начальника органа дознания. Хотя, следует признать, что в отдельных случаях их процессуальные полномочия дублируются по причине того, что начальник подразделения дознания наделен правами только по отношению к дознавателям специализированных подразделений и не вправе реализовать полномочия в отношении дознавателей, уполномоченных начальником органа дознания. Тогда как полномочия начальника органа дознания распространяются на всех должностных лиц системы «орган дознания».

А. А. Морозова[1],
адъюнкт кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ

В настоящее время продолжается гуманизация уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Она происходит, в частности, посредством декриминализации преступлений, относящихся к категории небольшой тяжести, а также за счёт реализации института освобождения от уголовной ответственности. В качестве примера вышеуказанной тенденции можно привести Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

[1] © Морозова А. А., 2018.

Главная идея документа – гуманизация уголовного законодательства, человек, совершивший проступок, не будет считаться судимым, следовательно, он избежит негативных последствий, к примеру, при трудоустройстве или выезде за границу.

В пояснительной записке говорится, что в последние годы государство предпринимает серьезные усилия, направленные на гуманизацию уголовного законодательства: «Путем декриминализации определенных деяний, введения составов преступлений с административной преюдицией, расширения сферы применения института освобождения от уголовной ответственности»[1].

Логично прийти к выводу о том, что гуманизация уголовной политики предполагает наличие иных отличных от института наказания поощрительных мер. Необходим и дифференцированный подход к решению вопроса о правовых последствиях совершения преступления. Учитывая это, в УК РФ предусмотрен институт освобождения от уголовной ответственности[2].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[3] в качестве одной из основных угроз безопасности государства и общества усматривает коррупцию, поэтому дальнейшее совершенствование российского законодательства, направленного на противодействие коррупционным проявлениям во всех сферах общественной жизни – одно из приоритетных направлений России XXI в.

Статья 204^1 была введена в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ наряду с нормами об ответственности за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204^2 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291^2 УК РФ).

Под коммерческим подкупом уголовный закон понимает незаконную передачу лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации вознаграждения за действие или бездействие в интересах лица, передающего такие блага или оказывающего услуги, а равно лиц, интересы которых он представляют, а

---

[1] Трифонова Е. Мелкие правонарушители будут не судимы. Верховный суд предложил считать «проступком» 80 видов преступлений // URL: http:// www.vsrf.ru/press_center/mass_media/24317/.

[2] Епихин А. Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2012. – № 3. – С. 140–145.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

также незаконное получение названным лицом незаконного вознаграждения на обозначенных условиях.

Зачастую передача и получение предмета коммерческого подкупа происходит через третьих лиц, а именно через посредника.

Под посредничеством понимают непосредственную передачу предмета коммерческого подкупа по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа; иное способствование указанным лицам в достижении либо реализации соглашения между ними о передаче и получении предмета коммерческого подкупа, в значительном размере.

Примечанием ст. 204[1] УК РФ предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности посредника. Уголовный закон указывает на соблюдение при этом двух условий:

а) активное способствование раскрытию и (или) расследованию коммерческого подкупа;

б) добровольность сообщения о преступлении.

Под первым условием понимается совершение лицом действий, направленных на изобличение иных соучастников преступления, выдача предмета коммерческого подкупа, т. п. действия, направленные на установление всех фактических обстоятельств дела.

Второе условие – добровольность как признак добровольного отказа от выполнения посреднических функций в совершении коммерческого подкупа[1].

При наличии вышеуказанных условий органы предварительного расследования принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо его прекращении на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и в соответствии с примечанием к ст. 204[1] УК РФ.

Между тем, имеющаяся правоприменительная практика не в полной мере соответствует юридической природе института освобождения от уголовной ответственности, так как фактически сводится к отказу государства от реализации уголовного преследования в отношении виновного лица.

Факт освобождения от уголовной ответственности лица, способствовавшего передаче и получению незаконного вознаграждения на основании примечания к ст. 204[1] УК РФ, не означает отсутствия в его

---

[1] Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части: учебное пособие / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. И. Чучаев; канд. юрид. наук Е. В. Лошенкова. М. : КОНТРАКТ, 2014. С. 53.

действиях состава преступления. В связи с чем должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела, поскольку ст. 24 УПК РФ не предполагает отказ в возбуждении уголовного дела либо его прекращение на основании примечания ст. 204^1 УК РФ.

Отметим и то, что примечанием ст. 204^1 УК РФ, основания освобождения от уголовной ответственности не являются реабилитирующими и применяются органами предварительного расследования и судом только на первоначальных стадиях предварительного расследования.

Следовательно, вынесение в дальнейшем решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава преступления), по делам о посредничестве в коммерческом подкупе, свидетельствует о нарушении принципа законности и неотвратимости ответственности за совершение коррупционного преступления.

Представляется уместным внести в УПК РФ (ст. 24) изменения, в части касающейся закрепления не реабилитирующих оснований отказа в возбуждении уголовного дела, отсылающих к примечаниям статей УК РФ.

Т. А. Морозова[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ЭКСПЕРТНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Говоря о взаимодействии следователя с экспертом при исследовании вещественных доказательств, необходимо отметить, что оно должно начинаться уже на этапе осмотра места происшествия, где эксперт, выступая в роли специалиста, способен подвергнуть глубокому анализу информационное содержание следов, обнаруженных на месте происшествия. Именно специалист, используя свои специальные познания, может обеспечить совместно со следователем изъятие объектов, подлежащих последующему экспертному исследованию, и их надлежащее процессуальное закрепление. Кроме того, специалист

[1] © Морозова Т. А., 2018.

должен сориентировать следователя на дальнейшую необходимость исследования тех или иных следов и вещественных доказательств, обратить его внимание на конкретные вопросы, которые могут быть разрешены, исходя из имеющихся в распоряжении материалов.

Анализируя практику можно выделить ряд ошибок, допускаемых следователем при назначении биологической экспертизы, которые условно можно разделить на несколько типов:

1. Ошибки в упаковке предоставленных эксперту материалов.

Часто эксперты сталкиваются с неправильной упаковкой объектов, присылаемых для производства экспертизы. Биологический материал очень быстро подвергается заражению бактериальной флорой при ненадлежащих условиях хранения: при высокой влажности, высокой температуре окружающей среды. Кроме того, биологический материал может легко разрушаться под воздействием агрессивного УФ-излучения. Таким образом, для лучшей сохранности объектов исследования следователь должен обеспечить их упаковку с учетом отсутствия свободного доступа к объектам исследования, отсутствия воздействия неблагоприятных факторов окружающей среды. В этой связи рекомендуется упаковывать объекты экспертизы в бумажные свертки, пакеты, не допуская их увлажнения. Влажные вещи (одежду со следами крови) стоит предварительно высушить, чтобы предотвратить размножение бактерий, которые могут уничтожить следы или сделать их непригодными для исследования. Не менее часто при получении вещественных доказательств эксперты сталкиваются с тем, что несколько предметов (объектов) исследования упакованы в одну упаковку. Возможно, это экономит время и силы следователя, однако, одновременно с этим общая упаковка приводит к смешению биологического материала из разных следов, что является недопустимым. Недостатки упаковки заключаются и в несоответствии пояснительных надписей указанным в постановлении объектам (к примеру, на упаковке черепа имеется пояснительная надпись: «Место обнаружения: Лесной городок…», в постановлении же указано: «Место обнаружения: г. Балахна…»).

2. Ошибки в оформлении постановления следователя о назначении экспертизы.

При назначении экспертизы очень важно правильно и грамотно сформулировать вопросы. Достаточно частой ошибкой со стороны следователя при назначении биологической экспертизы является непра-

вильная постановка вопросов: их некорректное либо не полное содержание. Например, следователя интересуют наличие слюны на окурке сигареты и ее генетические характеристики, чтобы в дальнейшем осуществить проверку полученного генетического профиля по базе данных ДНК биологических объектов, но в вопросе указано только установление наличия слюны. В данном случае эксперт будет исследовать только наличие слюны, но не ее генетические характеристики. В этой связи, для полноты исследования следователю назначившему экспертизу необходимо дополнить вопрос. В общем случае вопрос может быть сформулирован таким образом: «Имеется ли на (указать конкретные объекты, представленные на экспертизу) кровь/слюна/клеточный биологический материал/пот/сперма (указать тип биологического материала, который будет искать эксперт) человека, если да, то каковы его генетические характеристики (если есть образцы, можно добавить), и могли ли данные кровь/слюна/ клеточный биологический материал/пот/сперма (указать тип биологического материала) произойти от (указать ФИО лица предоставившего образец) или иного лица?».

Часто в постановлении следователя о назначении биологической экспертизы не указываются конкретные объекты, предоставленные на экспертизу, отсутствует разрешение на применение при проведении экспертизы разрушающих методов, что так же является недостатками. Большинство биологических исследований так или иначе связаны с разрушением (частичным или полным) или видоизменением объектов исследования, и если следователь заинтересован в производстве биологической экспертизы, он должен оценить необходимость исследования вещественных доказательств с использованием разрушающих методов.

3. Недостаточность предоставленных эксперту материалов для решения поставленных вопросов.

Одной из распространенных ошибок при назначении биологической экспертизы является недостаточность представленных эксперту материалов для решения поставленных вопросов (к примеру, на экспертизу с целью восстановления прижизненного облика по костным останкам (черепу) представлен череп, лицевая часть которого отсутствует, в связи с чем, восстановить прижизненный облик невозможно. Решение вопроса по данному объекту изначально не представляется возможным. В данном случае можно рекомендовать следователю назначить генетическую экспертизу с целью решения вопроса о генетических характеристиках данных костных останков).

При производстве идентификации лица по черепу путем наложения прижизненного фотоснимка в большинстве случаев следователи не предоставляют разноракурсные качественные фотоснимки последних лет жизни лица. Чаще всего для производства данного вида экспертизы предоставляют фотоснимки с формы № 1. Кроме того, не предоставляются медицинские стоматологические карты, в которых указано состояние зубного аппарата, истории болезни по поводу перенесенных заболеваний у без вести пропавшего лица. Предоставление медицинских документов в подобных случаях необходимо, особенно если имеются сведения о перенесенных операциях, медицинских вмешательства и т. п. у без вести пропавшего лица.

Для производства экспертизы по реконструкции прижизненного облика по черепу так же необходимо предоставлять копию протокола осмотра места происшествия, копию протокола осмотра трупа в морге.

В практической деятельности эксперты, производящие ДНК экспертизы, достаточно часто сталкиваются с отсутствием образцов для сравнительного исследования при наличии подозреваемых, потерпевших или свидетелей. При том, что в вопросах экспертизы фигурирует установление принадлежности данных следов. Решить вопрос о принадлежности в таком случае не представляется возможным, поэтому желательно отбирать образцы для сравнительного исследования у данных участников уголовного судопроизводства. В таком случае эксперт может дать более полный и объективный ответ на поставленные вопросы.

Приведенный примерный, но не всеобъемлющий, список основных ошибок следователя при назначении биологической экспертизы, может быть и должен быть сведен к минимуму именно при активном его консультативном взаимодействии с экспертными подразделениями по вопросу назначения биологической экспертизы.

Нгуен Ван Тиен[1],
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета имени В. Я. Кикотя

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ», В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Социалистической Республики Вьетнам (далее – СРВ), реализуя положения Конституции СРВ в области защиты прав и свобод человека и гражданина, предусматривает возмещение вреда при расследовании преступления и разрешении уголовного дела. В соответствии с ч. 4 ст. 85 УПК СРВ характер и размер вреда, причиненного преступлением, входит в перечень обстоятельств, подлежащих выяснению и доказыванию по каждому уголовному делу.

На наш взгляд, установление вреда, причиненного в результате преступления, позволяет определить понятие и правовое положение лиц, пострадавших в результате преступления, а также состав преступления, пределы уголовной ответственности[2]. Кроме того, определение понятия вреда и четкое разграничение его видов позволяет правильно квалифицировать преступление, своевременно признавать лицо потерпевшим, поскольку вред, причиненный преступлением, является единственным основанием такого признания[3].

В юридической литературе «вред от преступления» понимается как негативные последствия уголовно наказуемого деяния, выраженные в причинении потерпевшему физического, имущественного, морального вреда, а также вреда деловой репутации, подлежащий возмещению по иску гражданского истца в порядке, установленном уго-

---

[1] © Нгуен Ван Тиен, 2018.

[2] См.: Чан Ань Туан. Понятие вреда, причиненного преступлением во вьетнамском уголовно-процессуальном праве // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 191–193.

[3] Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 30.

ловно-процессуальным или гражданским законодательством[1]. Уголовно-процессуальное законодательство СВР, так же как и Российской Федерации, выделяет четыре вида вреда: физический, имущественный, моральный вред, а также вред деловой репутации.

Опрос должностных лиц органов уголовного судопроизводства показал, что в СРВ в результате совершенного преступления физическому лицу в большей мере причиняется физический вред (61,4 %), моральный вред (45,1 %), имущественный вред (36,5 %); юридическому лицу – имущественный вред (52,3 %), вред деловой репутации (47,7 %)[2]. Изучение уголовных дел в СРВ показало, что физическим лицам причиняется имущественный вред (58,6 %), моральный вред (39,0 %), физический вред (28,9 %); юридическим лицам – имущественный вред (72,7 %), вред деловой репутации (27,3 %)[3].

Следует отметить, что в гражданском, уголовном и уголовно-процессуальном законах СРВ, в отличие от Российской Федерации, не определено, что следует понимать под физическим, моральным, имущественным вредом или вредом деловой репутации. Вместе с тем имеющиеся положения отдельных правовых актов, позволяют разграничить виды вреда и предложить некоторые изменения по их содержанию.

Так, заслуживает внимания вопрос определения места вреда деловой репутации в системе видов вреда от преступления. На наш взгляд, вред деловой репутации юридического лица является составной частью морального вреда и не требует обязательного выделения при определении процессуального статуса лица, пострадавшего в результате преступления (например, потерпевшего).

В отличие от российского законодательства, где указывается что, моральный вред может быть причинен только физическому лицу, по-

---

[1] Иванов Д. А. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 32.

[2] Указанные данные получены автором в результате анкетирования 394 респондентов (из них 162 – следователи, 16 – дознаватели, 12 – руководители следственных органов, 6 – начальники дознания, 46 – сотрудники прокуратуры, 32 – адвокаты, 42 – судьи, 78 – другие участники).

[3] Указанные данные получены автором в результате изучения 256 уголовных дел, рассмотренных в судах различных регионов СРВ по преступлениям против собственности (19,5 %), в сфере экономической безопасности (34,4 %), против общественной безопасности и общественного порядка (37,5 %), иного порядка (8,6 %).

сколько выражается в физических и нравственных страданиях и является неимущественным по своему характеру (ст. 151 ГК РФ), во вьетнамском законодательстве субъектом морального вреда может выступать и юридическое лицо. Так, Постановление Пленума Верховного народного суда СРВ № 01/2004//NQ-HĐTP от 28 апреля 2004 г. «Об инструкции по применению отдельных положений ГК СРВ о внедоговорном возмещении вреда», под моральным вредом понимает снижение или потерю деловой репутации юридического лица или иных организаций в результате посягательства на его деловую репутацию.

Деловая репутация юридического лица является нематериальным благом, в основе которого лежит положительная оценка деловых и иных качеств соответствующего лица. Вред деловой репутации может быть причинен не только такими противоправными деяниями, как клевета и оскорбление (что характерно для вреда, причиняемого физическому лицу), но и рядом других деяний (нарушение авторских и смежных прав, заведомо ложная реклама, незаконное использование товарного знака, злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, и др.).

Таким образом, вышеуказанное дает основание констатировать, что в уголовном судопроизводстве СРВ, в отличие от УПК РФ, должны быть обозначены три категории вреда, которые могут быть причинены преступлением физическому и юридическому лицу: физический, имущественный или моральный вред. Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство некоторых государств в качестве основных видов вреда также выделяют только физический, материальный и моральный вред (например, ч. 1 ст. 71 УПК Республики Казахстан).

По нашему мнению, материальные и нематериальные блага, пострадавшие в результате преступления, не могут быть охвачены только физическим, имущественным и моральным вредом. В юридической литературе по данному вопросу существует несколько точек зрения.

Одни авторы, предлагают расширить понятие вреда, дополнив его психическим вредом[1], социальными последствиями[2], нарушением

---

[1] См.: Абабков А. В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 48–49.

[2] Муратова Н. Г., Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам :

правопорядка, ущемлением социального благополучия и законности[1]. Другие юристы полагают, что физический, имущественный и моральный вред целесообразно заменить на более широкое «нарушение прав и законных интересов»[2].

Наиболее перспективной и заслуживающей внимание представляется точка зрения третьей группы ученых, полагающих, что гражданин имеет целый ряд прав и законных интересов, предоставленных человеку Конституцией, иными правовыми актами[3]. Так, по мнению С. А. Синенко, потерпевшими являются «физическое лицо, которому уголовно наказуемым деянием причинен физический, имущественный, моральный или иной вред, а также организация, в случае причинения преступлением вреда ее имуществу и (или) деловой репутации или иного вреда»[4].

Таким образом, вред, причиненный преступлением, во-первых, включает в себя нарушенные материальные и нематериальные блага, в числе которых физический, имущественный или моральный вред, а также охраняемые законом права и законные интересы физического или юридического лица; во-вторых, используется в качестве материального признака для формирования понятий и процессуального статуса пострадавших в результате преступления лиц; в-третьих, обусловлен международными и национальными нормами права, основными целями и задачами уголовного, уголовно-процессуального и

монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Ф. Г. Сундурова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 54.

[1] Чан Ань Туан. Понятие вреда, причиненного преступлением во вьетнамском уголовно-процессуальном праве // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 193.

[2] См.: Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 34.

[3] См.: Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М., 2004. С. 102; Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 36–37, 48; Фадеев П. В. Потерпевший в уголовном процессе: понятие и его признаки // Уголовное судопроизводство: стратегия развития : материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. С.115–123.

[4] Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 11.

гражданского законодательствами, законными интересами лиц, пострадавших в результате преступления; в-четвертых, формирует обязанности и ответственность должностных лиц государственных органов уголовного судопроизводства.

О. Л. Подустова[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕМУ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Возмещение потерпевшим вреда, причиненного преступлением, является важной гарантией защиты конституционных прав и законных интересов граждан, а его обеспечение – одно из важнейших направлений в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России.

В 2016 г. ущерб, причиненный преступлениями, относящимися к подследственности органов предварительного следствия МВД России составил 263,9 млрд. рублей, а возмещен на досудебной стадии лишь на сумму 33,8 млрд. рублей, что составило 12,8 %[2].

Данные статистические показатели свидетельствуют о том, что нередко право потерпевшего на возмещение причиненного вреда так и остается лишь правом, ввиду отсутствия необходимых государственный гарантий.

Одним из основных способов обеспечения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, в настоящее время в Российской Федерации является гражданский иск. В соответствии с УПК РФ гражданский иск в уголовном процессе представляет собой требование о возмещении имущественного вреда, а также имущественной компенсации морального вреда, при условии причинения данного вреда непосредственно преступлением. Данный способ обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, позволяет потерпевшим отстаивать

---

[1] © Подустова О. Л., 2018.

[2] Обзор положительного опыта организации работы следственных подразделений МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями против собственности, в том числе «прошлых лет» // ГУ МВД России по Московской области, исх. 14/5859 от 08.06.2017.

свои права, при этом бремя доказывания причиненного потерпевшим вреда возлагается на органы предварительного расследования.

Закрепление возможности предъявления гражданского иска в уголовном деле предоставляет потерпевшим возможность предъявлять свои имущественные притязания одновременно с решением вопроса об уголовном преследовании виновных лиц, тем самым обеспечивает наиболее быстрое восстановление своих имущественных прав без дополнительного обращения с подобным иском в порядке гражданского судопроизводства. Кроме того, заявление гражданского иска в рамках уголовного дела содержит ряд преимуществ для потерпевших. Во-первых, в этом случае потерпевшие освобождаются от государственной пошлины при заявлении иска, во-вторых, экономят время, так как решение по гражданскому иску в рамках уголовного дела принимается при рассмотрении данного дела в суде, а в-третьих, потерпевшие, признанные гражданскими истцами освобождаются от бремени доказывания.

Однако, как отмечает В. Н. Титова, регламентация вопросов, связанных с рассмотрением гражданского иска в уголовном процессе, существующая в настоящее время, явно недостаточна. Так, обязанность суда исследовать все спорные вопросы, связанные с предъявленным иском, зачастую рассматривается им как дополнительная, второстепенная нагрузка, увеличивающая сроки рассмотрения уголовного дела, в связи с чем судьи предпочитают оставлять иск без рассмотрения или направлять его после вынесения приговора для разрешения в гражданском порядке, так как это, в принципе, не запрещено законом[1].

Предполагаем, что утверждение В. Н. Титовой основано на том, что в соответствии с ч. 2 ст. 309 УПК РФ суд, при необходимости производства дополнительных расчетов по гражданскому иску, требующих отложения судебного разбирательства, признает за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства.

Для устранения передачи иска в гражданское судопроизводства и в целях защиты прав потерпевших, А. Ю. Садов предлагает утвердить обязательность рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, тем самым отменив исключение зависимости его рассмотрения от сложности расчетов стоимости исковых требований и иных факторов, а в случае необходимости дополнительных расчетов в свя-

[1] Титова В. Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением // Законность. – 2013. – № 12. – С. 28.

зи с недоказанностью исковых требований в суде предлагает возвращать уголовное дело на дополнительное расследование[1].

Данная позиция представляется нам не совсем верной, поскольку помимо защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением уголовного судопроизводства также является уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, в связи с чем мы не можем рассматривать разрешение исковых требований как приоритетное направление деятельности правоохранительных органов, признавая решение остальных задач второстепенным. Кроме того, не стоит забывать о разумном сроке уголовного судопроизводства, а также о правах подозреваемого и обвиняемого, к которым, к тому же, может быть применена такая мера пресечения, как заключение под стражу.

Также, не исключены случаи, когда определить стоимость похищенного имущества не представляется возможным в связи с отсутствием на него необходимых документов, подтверждающих его стоимость или же с невозможностью назначения товароведческой экспертизы, когда похищенное имущество в ходе расследования уголовного дела обнаружено не было.

Таким образом, нельзя предлагать в УПК РФ изменения, которые, защищая интересы одной стороны, будут существенно нарушать интересы другой, а также приведут к необоснованному затягиванию уголовного процесса. В связи с чем необходимо искать скорее способы оптимизации деятельности следователя, связанной с доказыванием размера вреда, причиненного преступлением, а также обеспечением возмещения данного вреда потерпевшему.

С. А. Синенко, к примеру, в этих целях, предлагает отражать в отдельном протоколе факт разъяснения потерпевшему прав и возможностей по взысканию вреда, а также в случае отказа от исковых требований делать соответствующую отметку в протоколе с указанием причин данного отказа, а также предлагает ввести ограничение по срокам принятия решения о признании гражданским истцом, а именно выполнять данное действие не позднее пяти суток с момента по-

[1] Садов А. Ю. Уголовно-процессуальный механизм восстановления нарушенных имущественных и неимущественных прав лиц, потерпевших от преступления : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 10.

ступления искового заявления[1]. А. Г. Дык, в свою очередь, предлагает в данном случае ограничиться трехдневным сроком, который при необходимости можно продлить до 10 суток[2]. М. А. Савкина, напротив, предлагает ввести требование о том, что потерпевший должен автоматически признаваться гражданским истцом одновременно с возбуждением уголовного дела[3].

Внесение вышеуказанных дополнений в некоторых случаях позволит своевременно принять уголовно-правовые меры обеспечения иска при наложении ареста на имущество, поскольку в соответствии со ст. 115 УПК России, при возбуждении данного ходатайства, в его описательно-мотивировочной части, следователю необходимо указать цель возбуждения ходатайства. То есть при обосновании необходимости обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, требуется указать наличие гражданского иска, его сумму и гражданского истца. Это значит, что на момент возбуждения ходатайства, в деле уже должен быть заявлен гражданский иск.

Однако всегда нужно критически относиться к внесению различного рода дополнений в УПК РФ, изменения в который вносятся с завидным постоянством. Кроме того, как отмечает А. В. Ендольцева, деятельность следователя по наложению ареста на имущество должна осуществляться независимо от наличия гражданского иска, поскольку данный иск может быть предъявлен вплоть до окончания судебного следствия при разбирательстве дела в суде первой инстанции[4]. В таком случае обоснованием необходимости наложения ареста на имущество, к примеру, может быть целью обеспечения исполнения приговора.

На наш взгляд, все имущественные притязания потерпевшего и их обоснование необходимо отмечать в протоколе допроса потерпевшего,

---

[1] Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 138–140.

[2] Дык А. Г. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Смоленск, 2006. С. 10.

[3] Савкина М. А. Ответственность государства перед потерпевшими от преступления и механизм компенсации ущерба // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 49.

[4] Ендольцева А. В. Добровольное возмещение подозреваемым, обвиняемым причиненного преступлением вреда как одно из средств восстановления нарушенных прав потерпевшего // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 35.

что не будет перегружать уголовное дело дополнительными документами. Признание потерпевшего гражданским истцом, по нашему мнению, должно происходить непосредственно после его допроса и по желанию потерпевшего, поскольку возможность заявить гражданский иск в рамках уголовного дела является правом потерпевшего, а не его обязанностью. Таким образом, следователю наиболее верным будет при допросе потерпевшего выяснять его желание либо нежелание заявить гражданский иск, о чем в данном протоколе делать соответствующую запись, а также, как предлагает И. В. Кузьминых, устанавливать расчетный счет потерпевшего, на который могут быть перечислены денежные средства в качестве возмещения ущерба или установить иной способ, который приемлем для восстановления имущественных прав потерпевшего, при этом уточнить, будет ли указанный способ возмещения ущерба достаточным, не будет ли дополнительных претензий имущественного и неимущественного характера[1]. Что касается установления сроков принятия решения о признании гражданским истцом, то, на наш взгляд, в настоящее время необходимость в этом отсутствует, поскольку зачастую данное решение принимается непосредственно после заявления гражданского иска и введение определенных сроков нисколько не повлияет на выполнение исковых требований гражданским ответчиком, так как решение по гражданскому иску в любом случае принимается судом.

А. В. Попенков[2],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

Во все времена законодателем уделялось особое внимание регламентации процессуального положения участников уголовного судопроизводства. При этом особым предметом его заботы принято считать потерпевших и обвиняемых, по причине того, что первые по-

[1] Кузьминых И. В. Возмещение ущерба, причиненного преступлением, как одно из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов // Законность. – 2015. – № 10. – С. 17.

[2] © Попенков А. В., 2018.

страдали от противоправных действий, а вторым грозят меры уголовного-правового воздействия и наказания[1].

В структуре механизма обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве важное место занимает ее процессуальный, статус, характеризующий личность как участника уголовно-процессуальных отношений. Однако говоря о правоприменительной деятельности органов предварительного расследования, следует уточнить, что наделение лица тем или иным процессуальным статусом является прерогативой должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, при наличии на то достаточных оснований. Таким образом, зачастую, такого рода субъективный подход к решению этого вопроса оборачивается различными коллизиями и нарушением действующего законодательства.

В ходе изучения и анализа уголовных дел, находившихся в производстве Гагаринского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве, нами выявлено, что следователи при производстве допросов применяют следующий тактический ход. Лицо, не имеющее процессуального статуса, вызывается на допрос в качестве свидетеля, после чего принимается решение о переводе его из разряда свидетелей в статус подозреваемого. В результате таких действий следователя Следственного комитета Российской Федерации гражданин предупреждается об обязанности давать показания в соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ, после чего полученные под таким процессуальным принуждением сведения ложатся в основу последующего подозрения самого гражданина, нарушая тем самым его право на защиту. Кроме того, в соответствии с п. 9 ст. 56 УПК РФ свидетель несет ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования, ставших ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу. И снова возникает коллизия. Допустим, гражданин допрашивается в понедельник в качестве свидетеля, а в среду его вызывает следователь для допроса уже в качестве подозреваемого по уголовному делу. Реализуя свое право, предусмотренное ст. 16 УПК РФ, гражданин обращается за помощью к адвокату, и, вводя его в курс предстоящего дела, наруша-

[1] См.: Иванов Д. А. К вопросу о значении и способах оценки имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – С. 185.

ет своими действиями требования ст. 56 УПК РФ, так как де-юре, на момент заключения соглашения с адвокатом данный гражданин находился в процессуальном статусе свидетеля, и не имел права посвящать третьих лиц в обстоятельства уголовного дела. Первым, и, казалось бы, самым очевидным решением проблемы подобного рода явился бы запрет органам предварительного расследования изменять таким кардинальным способом процессуальный статус участников уголовного судопроизводства.

Однако у любой проблемы существует и «обратная сторона медали». Как поступать следователю, столкнувшемуся со своего рода процессуальной мимикрией? Ведь, зачастую, лицо, причастное к совершению преступления, умело выдает себя за случайного очевидца преступления, а порой и за невинную жертву, являясь на самом деле организатором или соучастником совершенного преступления.

В данной ситуации единственной конечной целью такой маскировки является уклонение лица от наступления уголовной ответственности. Приведем пример. Следственным отделом МВД России по району Коньково г. Москвы было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В дежурную часть ОМВД поступил звонок от гражданина К., сообщившего, что кто-то проник в приквартирный тамбур и пытается похитить колеса от автомашины, принадлежащие его соседу. На выходе из подъезда был задержан гражданин С., пояснивший, что, случайно ошибившись этажом, он увидел, что неизвестный ему ранее мужчина выносит из тамбура колеса от автомашины, но увидев его, бросил колеса и скрылся вниз по лестнице. Указанный гражданин был допрошен в качестве свидетеля и направлен для составления фотокомпазиционного портрета лица, застигнутого им на месте преступления. Позже, в ходе изучения подъездных камер видеонаблюдения, было установлено, что мужчина, описанный гражданином С., в подъезд не входил и не выходил, а допрошенный повторно гражданин С. не смог пояснить цель своего визита в тот день, почему он ошибся этажом, зачем он выдумал неизвестного мужчину и т. д. В итоге в ходе расследования было установлено, что гражданин С. и является исполнителем преступления, однако, увидев подъехавших сотрудников полиции и понимая, что скрыться не замеченным с места совершения преступления ему не удастся, разыграл роль случайного свидетеля происшествия.

Безусловно, изменение процессуального статуса участников уголовного судопроизводства порой является вынужденной необходи-

мостью, поскольку четкое его определение в самом начале расследования уголовного дела не всегда представляется возможным. Однако надлежащее обеспечение их прав и законных интересов при этом является обязательным для должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу[1].

Дискуссионным остается вопрос и о применении ст. 310 УК РФ в описанной автором ситуации, однако решение данной проблемы видится в декриминализации подобных действий через изменение действующего законодательства.

В заключение подчеркнем, что «правоохранительная деятельность только в том случае носит правовой характер, когда осуществляется на основе и в рамках закона, а ее целью и сущностью является обеспечение прав и свобод личности»[2]. При этом, «реальное обеспечение прав и законных интересов личности является критерием оценки демократизма и гуманизма уголовного процесса»[3].

А. В. Пушкин[4],
председатель Центрального районного суда г. Тулы,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА) Минюста России,
кандидат юридических наук, доцент

В. О. Сладкова[5],
магистрант Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА) Минюста России

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ

Как известно, суд присяжных в Российской империи зародился в эпоху царствования Александра II. Судебная реформа 1864 г., проводимая царем-реформатором, впервые предложила эту смелую для

---

[1] Попенков А. В. Актуальные проблемы ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 193–194.

[2] См.: Кондрат И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство) : монография. М., 2012. С. 29.

[3] См.: Мичурина О. В. Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном процессе : лекция. М. : ЮИ МВД России. 1996. С. 39.

[4] © Пушкин А. В., 2018.

[5] © Сладкова В. О., 2018.

нашего государства форму отправления правосудия, выработанную не столько авторами реформы, сколько самим обществом в условиях вечной борьбы за справедливость[1]. Передовая общественность с большим воодушевлением встретила создание судов присяжных и активно принимала участие в осуществлении правосудия. Многие заседания, в которых стороны используя мастерство ораторского искусства, риторики, пытались достучаться до сердца каждого присяжного, становились украшением судебных процессов, а некоторые из них выступают хрестоматийным образцом до сегодняшних дней.

Вспомним, хотя бы, уголовное дело по обвинению Веры Засулич, рассмотренное в Санкт-Петербурге под председательством судьи А. Ф. Кони с участием присяжных заседателей в 1878 г. Засулич обвинялась в покушении на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, в которого стреляла в упор из револьвера, придя к нему на прием 5 февраля 1878 г. Блистательная речь в защиту подсудимой Засулич, произнесенная известным юристом П. А. Александровым, снискала симпатии присяжных заседателей к террористке-народнице. И хотя по закону за подобное деяние предусматривалось наказание до 20 лет лишения свободы, Засулич 12 апреля 1878 г. была полностью оправдана, что вызвало широкий резонанс среди общественности как в России, так и за рубежом.

Революционный 1917 г. вместе с царским режимом уничтожил и царское законодательство. На долгие десятилетия упраздненный институт присяжных заседателей оказался, по сути, в тени, а научные изыскания в этой области многие ученые того времени считали бесперспективными.

Первый шаг к возрождению суда присяжных был связан с разработкой Концепции судебной реформы 24 октября 1991 г. В связи с распадом Союза ССР 26 декабря 1991 г. реформа так и не была реализована, но ее идеи, в том числе связанные с возобновлением деятельности присяжных, воплотились в современной России постсоветского периода. Речь, прежде всего, идет о принятом 16 июля 1993 г. Законе «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», вновь учредившим в нашем государстве суд присяжных. Согласно этому закону, на суд с участием присяжных засе-

[1] Ахъядов Э. С. История развития суда с участием присяжных заседателей // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 713–714.

дателей возлагалась рассмотрение по ходатайству обвиняемых уголовных дел, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством к подсудности краевых, областных и приравненных к ним судов, в том числе дела о преступлениях, за совершение которых предусматривалась смертная казнь.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., юридически оформила легитимность «прописки» суда присяжных в России. Так, согласно ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия, а ч. 4 ст. 123 прямо декларирует возможность осуществления правосудия с участием присяжных заседателей. Право обвиняемого на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом, провозглашено в ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации. Такое же право специально оговорено Конституцией Российской Федерации для обвиняемых в преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде смертной казни (ч. 2 ст. 20).

В результате, с 1 января 1994 г. суды присяжных действовали в девяти субъектах Российской Федерации, а с 1 января 2004 г. – на всей территории России (в Чеченской республике – с 1 января 2010 г.). С этого времени институт присяжных становится одной из наиболее обсуждаемых тем. На страницах юридической печати и в средствах массовой информации мы встречаем самые разнообразные, порою противоречивые суждения о целесообразности существования такой формы отправления правосудия, ее плюсы и минусы[1].

Несмотря на жаркие споры, суды присяжных продолжали свою работу, ошибались, набирались опыта, сталкивались с проблемами и вскрывали недостатки. Председательствующими при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей назначались наиболее опытные судьи.

---

[1] Белкин А. Р. Суд присяжных: сомнительные плюсы и несомненные минусы. Стратегии уголовного судопроизводства : материалы международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11–12 октября 2007 г. (Санкт-Петербург). // Сайт МАСП: http//iuaj.net; Калиновский К. Б. Востребованность суда присяжных заседателей в современной России // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Сборник научно-практических статей. Вып. 2. СПб. : СЗФ РПА Минюста России, 2008. С.10–13.

Новый виток острых дискуссий ученых и практиков, правозащитников и политиков, касался уже другого вопроса – о расширении компетенции суда присяжных и реформировании этого института[1].

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на ежегодном семинаре-совещании председателей судов, проходившем 16 февраля 2016 г. в Москве, прямо подчеркнул необходимость расширить сферу деятельности присяжных заседателей до уровня районных судов. Глава государства признал, что это связано с серьезными финансовыми затратами. Но, по его мнению, такие затраты будут целесообразными, если они направлены на совершенствование судебной системы. При этом В. В. Путин предложил реформировать сам институт присяжных заседателей, в том числе по количеству присяжных, входящих в коллегию, уменьшив их численность с 12 до 5–7 человек[2].

Эту идею полностью разделяет Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев, который неоднократно высказался за расширение компетенции суда присяжных[3].

Юридически мысль о расширении компетенции суда присяжных была оформлена с принятием Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». Данный закон, вступающий в силу с 1 июня 2018 г., предусматривает распространение института присяжных на районные и военные гарнизонные суды с соответствующим расширением подсудности суда присяжных и сокращением численности коллегии присяжных на разных уровнях.

Конституционное закрепление положений о суде присяжных продиктовано, в первую очередь, особенностями этой уникальной формы уголовного судопроизводства. Ведь трудно отрицать, что объективность реализации коллегиального начала при вынесении любого решения выше объективности единоличного решения. Именно поэтому вердикт и несет в себе объективную оценку подсудимому, так как

---

[1] Куликов В. Суть присяжных // Российская газета. – 2016. – 24 мая; Арутюнян Г. С. Суд присяжных в Российской Федерации: реальность и перспективы реформирования // Молодой ученый. – 2015. – № 15. – С. 440–443.

[2] Семинар-совещание председателей судов. 16 февраля 2016 г. Москва // www.kremlin.ru/events/president/news/51343.

[3] Куликов В. Шестеро под присягой // Российская газета. – 2016. – 24 мая.

выносится коллегиально и отражает позицию простого большинства (во всяком случае, не меньшинства) присяжных заседателей.

Вместе с тем, трудно согласиться с точкой зрения, встречающейся в научной литературе и публицистике, согласно которой принцип состязательности сторон проявляется лишь в суде с участием присяжных, что суд присяжных – это единственный суд, где действует презумпция невиновности, что суд присяжных – это лекарство от коррупции[1]. Подобные высказывания, к сожалению, как правило, носят декларативный характер и ничем не подтверждены. Единственное, на что ссылаются авторы таких утверждений, так это на более высокий процент оправдательных приговоров, постановленных судом присяжных, в сравнении с количеством оправдательных приговоров, постановленных судьями профессионалами. Следовательно, чем выше процент оправдательных приговоров, тем, по их мнению, в большей степени соблюдаются основополагающие принципы отечественного судопроизводства – состязательности и презумпции невиновности.

В этой связи хотелось бы отметить, что уголовная политика государства никогда не ориентировала суды выносить как можно больше обвинительных или оправдательных приговоров. Это объясняется тем, что приговор, прежде всего, должен быть справедливым, независимо от того, признается ли по приговору человек невиновным в инкриминируемом ему деянии, или объявляется преступником. В свою очередь, справедливый приговор не может быть постановлен в условиях игнорирования процессуальных принципов, закрепленных в законе, в том числе состязательности и презумпции невиновности. Несправедливый приговор, будь он оправдательный или обвинительный, подлежит отмене. Практика хранит многочисленные примеры отмен итоговых судебных актов, причем постановленных как по уголовным делам с участием присяжных заседателей, так и судьями единолично, когда основанием отмены послужило нарушение процессуальных принципов в судебном заседании.

---

[1] Калиновский К. Б. Востребованность суда с участием присяжных заседателей в современной России // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики : сборник научно-практических статей. Выпуск 2. СПб. : СЗФ РПА Минюста России, 2008. С. 12–13; Астахов П., Скловский К. Лекарство от коррупции. Суд присяжных в гражданском споре // Российская газета. – 2003. – 2 окт.; Козлова Н. Закон домохозяек. О судах присяжных продолжают спорить профессионалы и политики // Российская газета. – 2007. – 25 июля.

Наконец, нельзя забывать, что даже оправдательный приговор в процессе с участием присяжных выносят отнюдь не присяжные заседатели, а председательствующий по делу судья, причем единолично и в совещательной комнате. Да и обязательность для председательствующего по делу судьи обвинительного вердикта, согласно ст. 348 УПК РФ, при вынесении приговора судом первой инстанции, и оправдательного вердикта, в соответствии со ст. 389^{25} УПК РФ, при рассмотрении дела в апелляционном порядке, не является, как известно, исключительной.

В контексте нашего сообщения заметим, что дискуссия по любому научному или практическому вопросу всегда должна быть конструктивной и обоснованной. Ведь именно в споре, как известно, рождается истина. Добавим лишь, что дискуссия, с одной стороны, должна быть честной, а с другой стороны, направленной на разрешение имеющихся проблем, то есть, должна быть полезной. Поэтому поиск преимуществ одной формы судопроизводства за счет выдуманных недостатков другой формы судопроизводства, является бесполезным, и непродуктивным.

На наш взгляд, институт присяжных заседателей следует рассматривать в качестве дополнительной процессуальной гарантии объективного рассмотрения дела в суде.

Вместе с тем, вопросов, связанных с нормальным и стабильным функционированием суда присяжных, требующих скорейшего разрешения, накопилось очень много. В частности, это низкая правовая культура и социальная пассивность кандидатов в присяжные заседатели, не желающих исполнять свой гражданский долг по участию в осуществлении правосудия. Процессуальные, материальные и социальные трудности формирования коллегии присяжных заседателей. Длительность судебных процессов с участием присяжных заседателей. Обеспечение гарантий независимости присяжных заседателей, укрепление их статуса. Наконец, финансовое обеспечение стабильной работы этой достаточно дорогостоящей формы судопроизводства. Именно такие вопросы сегодня должны быть в центре внимания, и не только ученых юристов и практиков, но и Правительства Российской Федерации, политиков, общественных деятелей. От того, как скоро и правильно они разрешатся, зависит не только развитие института присяжных заседателей в России, но и реализация прав и законных интересов участников процесса.

В любом случае, стоит надеяться, что институт присяжных заседателей, преодолев все трудности, прочно укрепится в системе отечественного судопроизводства.

Д. Р. Самарская[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

И. Б. Тутынин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

На сегодняшний день проблема применения мер процессуального принуждения остро затрагивает интересы как всего общества, так и каждого гражданина в отдельности. Особое значение при применении к лицу мер процессуального принуждения имеет сохранение его конституционных прав и свобод. Наиболее значима проблема применения к лицу задержания, так как, на наш взгляд, именно при осуществлении задержания в отношении лица наиболее часто нарушаются его законные права и интересы.

Режим правовой деятельности компетентных органов, производящих задержание подозреваемого в совершении преступления, обеспечение прав и законных интересов задержанного – эта проблематика на протяжении многих лет остается предметом оживленных научных дискуссий. На наш взгляд, регламентация данного процессуального действия действующим законом иногда критикуется совершенно справедливо, как практическими работниками, так и учеными.

Хотелось бы начать именно с фактического задержания лица. К сожалению, зачастую, на него не так часто обращают внимание процессуалисты, и, на наш взгляд, совершенно напрасно. Мы считаем, что именно во время захвата лица, подозреваемого в совершении преступления, наиболее часто применяется насилие. После задержания лица и до момента его водворения в камеру для задержанных, лицо, на наш взгляд, находится как бы вне правового поля и соблюдение его процессуальных прав находится под большим вопросом, что в свою очередь создает большую проблему, как для законодателя, так и для правоприменителя.

---

[1] © Самарская Д. Р., 2018.
[2] © Тутынин И. Б., 2018.

Необходимо уточнить, что фактическим задержанием является ограничение личной свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, а также лишение его свободы передвижения и принудительное доставление в правоохранительный орган. Моментом задержания лица по подозрению в совершении преступления следует считать слова или действия компетентного должностного лица, которые повлекли реальное ограничение свободы лица, и которые лишают лицо возможности самостоятельно в полном объеме пользоваться своим правом, гарантированным ст. 22 Конституции Российской Федерации.

Должностное лицо, осуществившее фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления, обязано как можно скорее доставить задержанного подозреваемого в совершении преступления в орган дознания или к следователю, чтобы решить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении фактически задержанного и обеспечить ему право на защиту.

Согласно ст. 91 и 92 УПК РФ, срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления совпадает с моментом кратковременного лишения свободы, то есть нарушением его личной неприкосновенности. В соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ срок задержания лица исчисляется с момента фактического задержания.

Статья 48 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. При этом особо оговаривается, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Данные конституционные положения имеют универсальное значение и распространяются на все случаи, в которых человек нуждается в правовой помощи, независимо от его юридического статуса или сферы судопроизводства.

Так, по смыслу ст. 146 УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела могут проводиться такие следственные действия, как осмотр места происшествия, освидетельствование, экспертиза. Лицо, подозреваемое в совершении преступления, нередко подвергается фактическому задержанию именно в этой стадии уголовно-процессуальной деятельности. Сам гражданин в таких случаях не в состоянии без профессиональной помощи юриста (адвоката) уяснить правовые нюансы своего положения и избрать оптимальную линию поведения. Поэтому уго-

ловно-процессуальный закон должен содержать нормы, обеспечивающие в данной стадии судопроизводства конституционное право личности на получение квалифицированной юридической помощи.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2000 г. «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» признал неконституционной практику допуска адвоката-защитника к подозреваемому лишь после составления протокола задержания. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным».

Подводя итог, хотелось бы сказать, что на сегодняшний момент, к сожалению, процессуальное законодательство, в частности, касающееся мер процессуального принуждения в виде задержания, не совершенно и требует значительной доработки. На наш взгляд, особое внимание, законодатель должен обратить на возможность получения квалифицированной юридической помощи именно в момент самого задержания, а также пересмотреть порядок задержания, с целью сохранения законных прав и интересов лица, гарантированных ему Конституцией Российской Федерации.

М. В. Сидоренко[1],
докторант кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук

КОЛЛИЗИОННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ключевым элементом содержания принципа верховенства права и определяющим средством его функционирования является правовая определенность, присущая многим отраслям российского права (включая и уголовно-процессуальное право). От состояния определенности уголовно-процессуального законодательства зависит уровень обеспечения реального баланса прав и интересов личности и государства.

[1] © Сидоренко М. В., 2018.

Несмотря на то, что действующий УПК РФ еще сравнительно молод, в него внесено масса новых положений. На страницах юридической литературы развернулась бурная дискуссия относительно реальной стабильности действующего уголовно-процессуального законодательства. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, обратим внимание на имеющиеся дефекты законодательной техники, создающие двусмысленность в понимании сущности российского уголовно-процессуального законодательства или нормативного его содержания.

В качестве иллюстраций приведем некоторые примеры правовой неопределенности норм закона, которые содержатся в УПК РФ.

Коллизионная неопределенность уголовно-процессуального законодательства усматривается в нормах п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, согласно которым отменить или изменить решение, вынесенное судом, вправе только вышестоящий суд. Тем не менее, изучение судебной практики позволяет привести примеры, когда субъектом отмены или изменения указанных решений выступает не только суд, непосредственно вынесший исходное решение (см., например, ч. 7 ст. 106 УПК РФ), но и в ряде случаев следственные органы (см. ч. 2 ст. 110 УПК РФ). При этом особо конфликтных и широко озвученных возражений к буквальным предписаниям п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ ни практика, ни доктрина не отмечают. Нет, соответственно, в объективной реальности и коллизионного состояния неопределенности права.

Двусмысленными видятся нормы ч. 3 ст. 223 УПК РФ, согласно которым управомоченный прокурор вправе продлить срок ординарного дознания «до 30 суток». Очевидно, что при известном желании указанное можно трактовать и до 30 исходных суток, отведенных на реализацию ординарного дознания (глава 32 УПК РФ), и как «еще 30 суток» – в дополнение к «первичному» (30-дневному) сроку.

Неоднозначны предписания п. 2 ч. 2 ст. 239 УПК РФ, согласно которым, прекращая производство по делу, судья одновременно должен решить в постановлении вопросы об отмене «контроля и записи переговоров» как следственного действия. Основы указанного скепсиса заключаются в том, что по нормам ч. 5 ст. 186 УПК РФ реализация контроля телефонных и иных переговоров, как указанного действия, должна быть императивно прекращена «не позднее окончания предварительного расследования по уголовному делу». Фактически, одновременно с направлением данного уголовного дела с обвинительным заключением прокурору (ст. 221–222 УПК РФ). В итоге, именно по-

следнее нормативное предписание, правильно воспринятое и оцененное субъектами уголовно-процессуальных отношений, является определяющим для судебно-следственной практики.

Особо следует обратиться к дефектам законодательной техники, связанным с явной неоднозначностью правовых предписаний, регламентирующих порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования по нормам УПК РФ.

Во-первых, это связано с двусмысленным использованием термина «вправе», содержащегося в нормах ст. 25, 28 УПК РФ (суд, следователь, дознаватель вправе дискреционно решать вопрос о целесообразности прекращения уголовного дела (уголовного преследования)). Негативные следствия данной дискреции, в итоге, проявляют себя как скрытый фактор явно субъективных подходов, как завуалированное средство «корректировки» ведомственных показателей деятельности.

Представляется, что термин «обязан» применительно к вышеуказанным нормам, был бы более точным для воли закона. Тем более, что по смыслу ч. 1 ст. 212 УПК РФ именно он изложен в императивном контексте. Однако в ч. 2 ст. 239 УПК РФ законодатель вновь указывает суд «может прекратить», что заставляет сомневаться в истинных векторах законодательной воли. В п. 2 ст. 254 УПК РФ мы вновь имеем дело с императивом «обязан». Как итог, одним из безусловных оснований к отмене состоявшегося приговора является «непрекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 настоящего Кодекса» (п. 1 ч. 2 ст. 389^{17} УПК РФ).

Во-вторых, данная коллизия проявляется «с помощью» отдельных актов конституционного правосудия. С одной стороны, нормы ч. 2 ст. 239, ст. 254 УПК РФ ориентируют судью к незамедлительному прекращению производства по делу при наличии оснований, установленных в указанных нормах. С другой, в силу правовых позиций, высказанных, к примеру, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П суд не вправе прекратить производство по делу до тех пор, пока в ходе судебного разбирательства не будут исследованы все доказательства по делу, выслушаны и всесторонне оценены итоговые позиции сторон[1]. В ито-

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378 и 405, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан».

ге, прекращение производства по делу, если и возможно, то только по окончании прений сторон в суде первой инстанции. Как следствие, на практике сформирована ситуация, при которой в одних регионах страны указанные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации восприняты судами как безоговорочный императив[1], в других, они игнорируются, и нормы ч. 2 ст. 239, ст. 254 УПК РФ применяются судом буквально[2].

В-третьих, рассматриваемая коллизия проявляется через субъективное восприятие судьями норм ч. 2 ст. 239, ст. 254 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ. Дело в том, что нормы ст. 239 и 254 УПК РФ не содержат оснований, предусмотренных п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 или п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, и соответственно не позволяют прекращать производство по делу в суде по реабилитирующим основаниям. В силу ч. 8 ст. 302 УПК РФ суд в указанной ситуации обязан вынести оправдательный приговор. Но поскольку последние (с сугубо ведомственных позиций) негативно «отражают» статистику в «общем» деле борьбы с преступностью, судьи, игнорируя достаточно ясную волю закона, как правило, почитают за благо вынести постановление о прекращении производства по делу, а не оправдательный приговор. При этом, несмотря на возражения заинтересованных лиц (в том числе требующих применения института реабилитации), суды вышестоящих инстанций не очень спешат к исправлению данных нарушений закона.

Можно бесконечно приводить примеры определенной двусмысленности в понимании сущности тех либо иных положений УПК РФ. Множественность подобных «нестыковок» среди норм действующего уголовно-процессуального законодательства приводят к выводу о том, что текущее нормативное регулирование нестабильно. Отсутствует ясность и точность исходных однородных правовых предписаний. С учетом этого, бесполезны нарастающие требования российской доктрины к принятию нового Уголовно-процессуального кодекса, призванного, как анонсируется, к установлению искомой стабиль-

---

[1] См.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 12 ноября 2014 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru./; Кассационное определение Томского областного суда от 19 ноября 2012 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru.

[2] См.: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28 февраля 2013 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru./.

ности и оптимальности в правовом регулировании[1]. Определенность и согласованность необходимы именно в общей системе источников исследуемой отрасли права, а не в отдельных актах нормативного его выражения. Отсюда насущна потребность в объективном анализе всех форм выражения российского уголовно-процессуального права, и лишь затем возможны констатации и принятие мер по формированию определенности данной отрасли права.

В заключение следует отметить, что российскому уголовно-процессуальному праву все более свойственны коллизионные правовые отношения, неудовлетворенность ключевых субъектов уголовно-процессуальных отношений, как законодательно установленным статусом, так и актами реализации этого статуса в уголовном судопроизводстве России. Степени и акты указанной неудовлетворенности, безусловно, различны, в том числе применительно к отдельным институтам и стадиям уголовного судопроизводства России.

Тревожит и то, что к изъянам собственно правовых предписаний весомо «плюсуются» такие субъективные факторы, как правосознание и нигилистические установки властных субъектов применения права. Последние особо опасны в тех ситуациях, когда ясная воля закона или его легальная в целом дискреция субъективно «преобразуются» в такую правовую реальность, которая не соответствует ни букве и духу закона, ни потребностям заинтересованных лиц в праве, как регуляторе. Когда акты применения права служат лишь средством «ведомственного» представления о должном в данной отрасли общественных отношений, реальное состояние государства и общества не может характеризоваться как состояние правовое и определенное. В этом контексте определение причин указанных установок судей и иных властных субъектов применения права и их «генезиса» применительно к современному состоянию права есть также необходимое условие обеспечения правовой определенности в сфере российского уголовно-процессуального права.

---

[1] См.: Зайцев О. А. Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: состояние и перспективы // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 5 (28). – С. 217–223; Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс? // Уголовный процесс. – 2014. – № 9. – С. 74–86 и др.

Ю. В. Сидоров[1],
преподаватель Тверского филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ПОДСУДИМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО СУЩЕСТВУ

Основным назначением уголовного судопроизводства в Российской Федерации (ст. 6 УПК РФ) является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Это является несомненно важным, учитывая немалое количество норм закона, направленных на ограничение прав личности.

В связи с вышесказанным остановимся на проблемах соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых при расследовании и рассмотрении уголовных дел, которые требуют внимания процессуалистов и разработки дополнительных механизмов решения. В частности, рассмотрим случаи нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних, выразившихся в отсутствии их законных представителей при рассмотрении судами ходатайств следователя, дознавателя, затрагивающих вопросы ограничения свободы несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.

Так, одним из районных судов Саратовской области несовершеннолетнему, обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Судебное решение было обжаловано защитником в апелляционном порядке. Как следовало из протокола судебного заседания, при рассмотрении ходатайства следователя об избрании несовершеннолетнему обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу участвовал его законный представитель. Однако суд не предоставил ему возможности изложить свою позицию по ходатайству следователя, тем самым нарушил право несовершеннолетнего обвиняемого на защиту.

---

[1] © Сидоров Ю. В., 2018.

Невозможно не согласиться с позицией судьи Верховного Суда Российской Федерации М. М. Куликовой о том, что несовершеннолетние в силу особенностей интеллектуального, физиологического, психологического развития, обусловленных недостатком жизненного опыта и знаний, незрелого возраста, не сформировавшихся систем жизненных ценностей и приоритетов, убеждений, взглядов и установок, а также отсутствия устойчивых навыков устной и письменной речи, не способны полноценно защищать свои права и отстаивать законные интересы[1].

Кроме того, основанием для отмены судебных решений вышестоящими судами является ненадлежащее извещение законных представителей несовершеннолетних о судебном заседании.

Так, приговором Конаковского городского суда Тверской области от 21 февраля 2015 г. несовершеннолетний, совершивший ряд тяжких преступлений, осужден к реальному сроку лишения свободы. Согласно приговору, законный представитель несовершеннолетнего, представитель органа опеки и попечительства, участия в судебным заседании не принимали, по причине не извещения судом[2].

Приговором Торопецкого районного суда Тверской области от 26 июля 2014 г. несовершеннолетние за преступление средней тяжести осуждены к лишению свободы условно. В судебном заседании не принимали участие ни законный представитель, ни представитель органа опеки и попечительства[3].

В отсутствие законных представителей постановлением Кимрского городского суда Тверской области от 30 ноября 2012 г. было прекращено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего обвиняемого в связи с примирением с потерпевшим[4].

Указанные дела не были предметом рассмотрения кассационной инстанции, в связи с чем нарушения закона не могли быть устранены.

При таких обстоятельствах при каждом вышеуказанном рассмотрении уголовного дела было нарушено право несовершеннолетнего обвиняемого на защиту.

---

[1] Куликова М. М. Участие родителей несовершеннолетних в качестве законных представителей в уголовном процессе // Судья. – 2015. – № 7. – С. 47–50.

[2] Доклад судьи Тверского областного суда Э. Н. Ворониной «Практика городских (районных) судов г. Твери и Тверской области по рассмотрению уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними». [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=82 (дата обращения: 19.10.2017).

[3] Там же.

[4] Там же.

Следует отметить, что нарушения прав несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых допускаются и при расследовании уголовных дел. К участию в деле в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, как правило допускается один из родителей. Однако данный вид представительства не всегда оказывается наилучшим для несовершеннолетнего, поскольку нередко возникают ситуации, отрицательно сказывающиеся как на качестве защиты несовершеннолетнего, так и на справедливости производства по уголовному делу.

Родители, как самые близкие родственники несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого могут оказать ему моральную поддержку, но также могут стать источником негативного психологического воздействия, в том числе психического насилия.

Рассмотрим возникающие на практике негативные аспекты участия родителей в качестве законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого при расследовании уголовных дел.

Законный представитель в уголовном процессе в силу своего процессуального положения выполняет двойную функцию: во-первых, отстаивает права и законные интересы несовершеннолетнего правонарушителя, во-вторых, защищает собственные интересы. Родители, стараясь защитить себя и доказать, что ущерб, причиненный преступлением, возник не в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения ими обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, могут забыть о главной своей задаче – защите его прав и интересов, и свести уровень защиты до минимума или даже содействовать стороне обвинения, указывая своему ребенку на его поступок, оказывая психологическое давление на него. В такой ситуации создается коллизия интересов законного представителя и несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, в результате чего может быть нанесен вред интересам несовершеннолетнего лица, которое тем самым лишается права на защиту со стороны представителя.

Следует согласиться с мнением И. А. Макаренко о необходимости получения следователем информации об условиях жизни и воспитании подростка, характеристике его родителей и взаимоотношений в семье[1]. Только после анализа такой информации следователь может

[1] Макаренко И. А. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого в процессе расследования уголовного дела // Lex Russica. – 2015. – № 8. – С. 58–69.

остановиться на кандидатуре, которая действительно будет защищать права и законные интересы несовершеннолетнего, и не исключено, что это могут быть как его близкие родственники, так и иные лица, которые пользуются у него авторитетом и уважением, положительно характеризуются и проявляют заботу о несовершеннолетнем.

Таким образом, в настоящее время имеется необходимость в усовершенствовании уголовно-процессуального законодательства, затрагивающего вопросы защиты прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. По нашему мнению, требуется внесение дополнений в ст. 426 УПК РФ «Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в ходе досудебного производства по уголовному делу» следующего содержания:

«1. Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускается к участию в уголовном деле с момента возбуждения в отношении несовершеннолетнего уголовного дела, его уведомления о подозрении в совершении преступления, задержания несовершеннолетнего в порядке ст. 91–92 УПК РФ, а также избрания в отношении несовершеннолетнего меры пресечения.

2. В качестве законных представителей допускаются и иные лица, имеющие родственные связи с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, а также заслуживающие доверия лица. К иным законным представителям могут относиться родные братья, сестры, бабушки, дедушки.

3. При допуске в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого для участия в уголовном деле следователю, дознавателю необходимо учитывать: личные отношения между ними, мнение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого относительно участия данного законного представителя в деле и мнение иных возможных законных представителей.

4. При рассмотрении ходатайств следователя, дознавателя, затрагивающих права несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, суд в судебном заседании заслушивает мнение законного представителя подозреваемого, обвиняемого относительно ходатайства следователя».

В ст. 428 УПК РФ «Участие законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании» предлагается внести дополнение следующего содержания: «Суд извещает законного представителя несовершеннолетнего подсудимого о месте, дате и времени судебного заседания, затрагивающего права и законные интересы несо-

вершеннолетнего подсудимого, а в случае неявки своевременно извещенного законного представителя несовершеннолетнего подсудимого суд принимает необходимые меры к допуску другого законного представителя несовершеннолетнего для участия в судебном заседании».

Вышеперечисленные дополнения несомненно будут являться дополнительным гарантом защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых.

Т. Г. Сироткина[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

И. Б. Тутынин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

Презумпция невиновности – один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, заключающийся в том, что лицо считается невиновным, пока его вина в совершенном преступлении не будет доказана в порядке, предусмотренном законом и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Важность презумпции невиновности определяется тем, что данный принцип определяет характер расследования и судебного разбирательства, а также положение личности в уголовном процессе.

Основоположником разработки принципа презумпции невиновности в российской науке уголовного процесса является профессор М. С. Строгович.

В настоящее время презумпция невиновности как принцип уголовного судопроизводства закреплена в ст. 14 УПК РФ, которая не только воспроизводит соответствующие положения ст. 49 Конституции Российской Федерации, но и дополнительно устанавливает правила о том, что «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне

[1] © Сироткина Т. Г., 2018.
[2] © Тутынин И. Б., 2018.

обвинения» и что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе, таким образом, получил не только полное признание в юридической науке и конституционное закрепление, но и законодательную регламентацию в уголовно-процессуальном законе.

Длительное время, несмотря на ратификацию СССР ряда международных актов, отражавших этот принцип, презумпция невиновности не имела законодательного закрепления, хотя отдельные ее положения были отражены в Конституции СССР 1977 г., УК РСФСР и УПК РСФСР. Впервые понятие презумпции невиновности было сформулировано в законодательстве СССР, а именно в Основах законодательства о судоустройстве 1989 г.

Презумпция невиновности как конституционное право (ст. 49 Конституции Российской Федерации) и принцип уголовного судопроизводства (ст. 14 УПК РФ) имеет максимальную сферу действия, как по перечню стадий, так и по институтам уголовного процесса. На их основе должны приниматься решения и производиться процессуальные действия. Но так как отдельные процессуальные решения и действия должностных лиц в уголовном судопроизводстве имеют специфические черты, то объект правоохраны, сущность и предмет применения данного принципа имеет особенности.

Общеизвестны оговорки в международных документах о возможности возложения обязанности лиц доказывать законность происхождения имущества, которое получено в результате совершения преступления (иным незаконным путем).

Вопрос о конфискации преступно нажитого либо используемого в террористических и иных преступных целях имущества в отдельных странах решается в рамках не только уголовных, но и гражданских процедур, в основу которых положен иной порядок доказывания. Если есть обоснованные подозрения, ответчик должен сам доказать законность происхождения своего имущества. В Италии, например, суду надлежит конфисковать всё имущество лица, пропорциональное его нелегитимным доходам. В Австрии, Великобритании, Греции, Швейцарии и других государствах – участниках ФАТФ, конфискация может касаться не только имущества, но и его стоимостного эквивалента[1].

Анализ ряда международных нормативных актов, а также законодательства государств, в которых предусмотрена презумпция преступ-

[1] С полной конфискацией // Российская газета. – 2004. – 1 июня.

ного происхождения имущества лица, признанного виновным в совершении преступления, предполагающая возможность возложения бремени доказывания законности приобретения данного имущества на осужденного, привел к выводу, что такое правоположение не нарушает общепризнанные нормы о защите права на справедливое судебное разбирательство, презумпции невиновности и права собственности[1].

В юридической литературе вызывает дискуссии правило о моменте признания виновным в совершении преступления, о распределении бремени доказывания, о толковании неустранимых сомнений виновности обвиняемого, об обоснованности обвинительного приговора.

Сферу действия презумпции невиновности можно распространить настолько широко, что не следует ограничиваться только уголовным судопроизводством, а применять её ко всем отраслям права, то есть к любому лицу, привлекаемому к юридической ответственности любого вида (не только уголовной)[2]. Иными словами, доказывание законности или незаконности происхождения имущества должно осуществляться вне зависимости от вида производства по делу, с возложением обязанности доказывания незаконности происхождения имущества на участников, выдвигающих такие претензии.

Кроме того, именно в уголовном судопроизводстве следует предусмотреть нормы, позволяющие не только обращать в доход государства имущество, полученное в результате преступления и выявленные в связи с ним доходы, но и обязать обвиняемого доказывать законность происхождения такого имущества[3]. Аналогичным образом предлагается возлагать бремя доказывания ценности и права собственности имущества на самого поручителя[4], обязать лицо, которое

---

[1] Ильина Л. Г. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в решении вопросов, связанных с конфискацией доходов, полученных преступным путем : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

[2] См.: Общая теория права : курс лекций / под общей ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 471.

[3] Воронцов А. А., Парфенова М. В. Перенос бремени доказывания законности происхождения собственности на обвиняемого // Законность. – 2014. – № 3. – С. 47–50; Корчагин О. Н. Проблемные вопросы имплементации новой редакции Рекомендаций ФАТФ в национальное законодательство Российской Федерации и практику противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль. – 2013. – № 4. – С. 14–17.

[4] Кусаинова Л. К. Имущественное поручительство в системе мер уголовно-процессуального пресечения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Астана, 2010. С. 19.

может подвергаться денежному взысканию, или которому может применяться санкция в виде более строгой меры пресечения, доказать наличие уважительных причин в случае его неявки по вызову[1].

В части такого элемента презумпции невиновности, как бремя доказывания, в частности, законности (незаконности) происхождения имущества, полагаем, что выяснение этого вопроса не запрещено производить параллельно и в уголовном и в гражданском судопроизводстве. Презумпция невиновности должна быть истолкована в ее буквальном смысле: только участник уголовного судопроизводства – подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (прокуроре, следователе, руководителе следственного органа, дознавателе, частном обвинителе).

Действующее в уголовном судопроизводстве правило, предусмотренное ч. 3 ст. 14 УПК РФ, устанавливает не только то, что все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого, но, как указал Верховный Суд Российской Федерации, не должны допустить ухудшения его положения[2]. Например, в ситуации, когда дознаватель, следователь, прокурор не смогли представить в суд неопровержимые доказательства необходимости применения конкретной меры процессуального принуждения в отношении обвиняемого, судебное решение не должно приниматься в угоду интересам стороны обвинения.

Таким образом, принцип презумпции невиновности является одним из демократических принципов уголовного процесса, на котором строится доказывание по уголовному делу, принятие процессуальных решений. Вопрос о переносе бремени доказывания законности (незаконности) происхождения имущества на стороны обвинения и защиты остается открытым и требует своего детального дальнейшего рассмотрения.

---

[1] Калиновский К. Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской «Доказывание и принятие решений в уголовном процессе» : сборник научных трудов. М., 2011. С.65.

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2008 г. № 86-Д08-19.

Е. И. Смык[1],
адъюнкт кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПНОМ НЕИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Одним из распространенных следственных действий, осуществляемых в процессе расследования преступного неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, является освидетельствование несовершеннолетнего потерпевшего. Статистические данные, полученные в ходе изучения уголовных дел по исследуемому виду преступлений, свидетельствуют о том, что указанное следственное действие осуществляется в 50 % случаев[2].

Освидетельствование – это следственное действие, целью которого является обнаружение на теле человека следов преступления, особых примет, выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков, по которым можно судить о его связи с расследуемым событием (ст. 179 УПК РФ). Рассматриваемое следственное действие может производиться для выявления и фиксации степени физического развития несовершеннолетнего (роста, веса, телосложения) и соответствия такого развития его возрасту[3].

Основанием для проведения освидетельствования по уголовным делам о преступном неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего выступают сведения (фактические данные) о том, что на теле ребенка, вероятно, имеются телесные повреждения (побои, раны, царапины), а также о том, что состояние организма и другие присущие ему признаки (состояние опьянения, рост, вес, следы от инъекций) имеют значение для дела[4].

---

[1] © Смык Е. И., 2018.

[2] Произведён анализ 151 уголовного дела, возбужденного по ст. 156 УК РФ.

[3] См.: Шишова Н. Е. Расследование неисполнения обязанностей по воспитанию путем жестокого обращения с несовершеннолетним : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 96.

[4] См.: Смык Е. И. К вопросу о процессуальных и тактических аспектах использования специальных знаний при проведении освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего по преступлениям, связанным с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник материалов конференции. Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. С. 263–265.

Решение о производстве освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего оформляется постановлением дознавателя, которое является обязательным для освидетельствуемого лица. Само следственное действие производится дознавателем, но учитывая специфику преступлений рассматриваемого вида, для участия в указанном следственном действии целесообразно привлечь врача или другого специалиста, который может обнаружить не только телесные повреждения на теле несовершеннолетнего потерпевшего, но и диагностировать, например, повреждения внутренних органов. Кроме этого, участие врача при производстве освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего позволит дознавателю точно и полно зафиксировать в протоколе следственного действия, выявленные телесные повреждения, их локализацию, а также позволит предупредить возможность причинения при производстве рассматриваемого следственного действия боли и вреда здоровью несовершеннолетнего. При освидетельствовании лица другого пола, дознаватель не присутствует, если данное следственное действие сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом.

Ход и результаты производства освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего должны отражаться в протоколе следственного действия. Фиксация хода и результатов указанного следственного действия с помощью фото-, видеоаппаратуры возможно лишь с письменного согласия освидетельствуемого лица, либо его законного представителя.

М. В. Соколова[1],
адъюнкт кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ЦЕННЫЕ БУМАГИ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ, НАХОДЯЩИЕСЯ У ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ

Рассматривая специфику наложения ареста на ценные бумаги, необходимо отметить, что не подлежат аресту ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя (ч. 2 ст. 116 УПК РФ).

В соответствии со ст. 302 ГК РФ добросовестным приобретателем признается лицо, которое возмездно приобрело имущество

[1] © Соколова М. В., 2018.

у другого лица, не имеющего право его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать.

При этом следует иметь в виду, что по российскому законодательству приобретатель не может быть признан добросовестным, если на момент совершения сделки по приобретению имущества право собственности в Едином государственном реестре прав (далее – ЕГРП) было зарегистрировано не за отчуждателем или в ЕГРП имелась отметка о судебном споре в отношении этого имущества. Помимо прочего, лицо признается добросовестным приобретателем имущества при условии, если сделка, по которой он приобрел владение спорным имуществом, отвечает признакам действительной сделки во всем, за исключением того, что она совершена неуправомоченным отчуждателем[1].

Однако, несмотря на то, что законодателем вполне четко разъяснен закон о недопустимости наложения ареста на ценные бумаги, которые приобретены добросовестно, в судебной практике имеют место и отрицательные результаты наложения ареста на ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума ВАС Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

[2] Так, в частности, органами предварительного следствия был наложен арест на бездокументарные акции ОАО «Э», принадлежащие ООО «Р» и находящиеся на лицевом счете у реестродержателя – ОАО «Р». Постановлением суда такое наложение ареста признано законным. В кассационной жалобе представителя ООО «А-П» был поставлен вопрос об отмене судебного постановления на том основании, что арестованные акции принадлежат не ОАО «Э», а ООО «А-П» и не имеют отношения к имуществу ОАО «Э». Судебная коллегия постановление суда отменила, указав: согласно ч. 2 ст. 116 УПК РФ не подлежат аресту ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя. Исходя из требований закона, при рассмотрении дела суд должен был проверить, является ли ООО «А-П» добросовестным приобретателем и не получены ли указанные акции в результате преступных действий подозреваемых. Однако, как это видно из протокола судебного заседания, суд положения закона не выполнил, принадлежность акций, способ их приобретения и их отношение к расследуемому уголовному делу не установил, свое решение о законности наложения ареста с точки зрения предписаний законодательства по существу не мотивировал.

Обращая свое внимание на положения ч. 2 ст. 116 УПК РФ, мы приходим к выводу о том, что не подлежат аресту лишь только ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя. Однако, в гражданском законодательстве указаны не только предъявительские ценные бумаги, но и документарные ордерные, а также именные ценные бумаги, удостоверяющие денежное требование.

На наш взгляд, действующая реакция ч. 2 ст. 116 УПК РФ изначально была основана на положениях ч. 3 ст. 302 ГК РФ, в соответствии с которой деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя.

В 2013 г. значительные изменения ряда положений были внесены в ГК РФ, направленные на разрешение существующих проблем, связанных с институтом ценных бумаг. Так, Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ в ГК РФ введена специальная ст. 147^{1}, в которой говорилось об особенностях истребования документарных ценных бумаг от добросовестного приобретателя. В соответствии с ч. 3 ст. 147^{1} ГК РФ не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя предъявительские ценные бумаги независимо от того, какое право они удостоверяют, а также ордерные и именные ценные бумаги, удостоверяющие денежное требование.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в соответствии с ч. 1 ст. 149^{3} ГК РФ бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требования, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованных торгах, независимо от вида удостоверяемого права не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя. На вышеуказанное обстоятельство в п. 41 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что действующее гражданское законодательство расширило положения ч. 3 ст. 302 ГК РФ об особенностях истребования имущества от добросовестного приобретателя.

Одновременно следует отметить, что при изучении ч. 2 ст. 116 УПК РФ наше внимание привлекло то обстоятельство, что из содержания ч. 3 ст. 115 УПК РФ следует, что арест может быть наложен на имущество, находящееся *у других лиц*, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответствен-

ность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Так, закон регламентирует наложение ареста и на имущество других лиц, то есть необходимо определиться с противоречиями, сталкивающимися в ч. 3 ст. 115 и в ч. 2 ст. 116 УПК РФ, а именно с вопросом о возможности наложения ареста на ценные бумаги предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя, в том случае, если есть достаточные основания полагать, что указанные ценные бумаги являются объектом преступных действий, изложенных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ.

В юридической литературе на данный счет ученые-процессуалисты высказывают различные точки зрения. Так, по мнению Г. В. Аршбы, указанные ценные бумаги не подлежат аресту[1]. Другой точки зрения придерживается В. Ю. Петрикин, который указывает на то, что наложение ареста на указанные ценные бумаги у добросовестного приобретателя возможно, при условии, если они подделаны подозреваемым, обвиняемым или похищены из собственности правомерного владельца, а затем проданы добросовестному приобретателю[2].

Автор придерживается второй точки зрения, так как, на наш взгляд, при системном толковании ч. 3 ст. 115 УПК РФ в ее взаимосвязи с ч. 2 ст. 116 УПК РФ следует опираться на Письмо Генерального прокурора Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 «О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»», в котором отмечено: если есть достаточные основания полагать, что ценные бумаги на предъявителя были, например, подделаны подозреваемым (обвиняемым) или похищены из собственности правомерного владельца, а затем проданы добросовестному приобретателю, то такие ценные бумаги в соответствии с ч. 3 ст. 115 и п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ подлежат

---

[1] Аршба Г. В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2004. С.125.

[2] Петрикин В. Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 100.

аресту и приобщению к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. Изложенное позволяет констатировать, что ценные бумаги на предъявителя, являющиеся объектом преступных действий, изложенных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ и находящиеся у добросовестного приобретателя, подлежат аресту, что также подтверждается и изученной нами судебной практикой[1].

Таким образом, необходимо отметить, что институт наложения ареста на ценные бумаги, в частности, наложения ареста на ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя является малоизученным и очень сложным. Так, деятельность следователя по наложению ареста на ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя зависит от успешного решения целого ряда проблем, часть из которых обозначены в данной статье. Вместе с тем представляется очевидной необходимость конкретизации процедуры наложения ареста на ценные бумаги, как в целом, так и применительно к отдельным видам ценных бумаг, что позволило бы следователю в значительной степени оптимизировать деятельность по применению указанной меры процессуального принуждения.

О. С. Степанова[2],
заместитель начальника СО ОМВД России по району
Восточное Измайлово г. Москвы,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной еятельности» определила, что результаты этой деятельности могут быть использованы как в рамках уголовного дела (доказывания, возбуждения уголовного дела и т. д.), так и по направлениям, не связанным с расследованием преступлений (поиск без вести пропавших лиц, проверки кандидатов на должность судьи, реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах).

[1] РосПравосудие – официальный сайт // URL: https://rospravosudie.com/court-zabajkalskij-kraevoj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-103886589/ (дата обращения: 05.11.2017 г.).

[2] © Степанова О. С., 2018.

Исходя из содержания задач оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных ст. 2 указанного закона, её результаты могут также использоваться для добывания информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности России.

Положения ст. 7 того же закона позволяют дополнить перечисленные направления использования ее результатов еще и тем, что такие результаты могут являться основаниями для принятия решений: о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды; о допуске к участию в оперативно-розыскной деятельности или о доступе к материалам, полученным в результате ее осуществления; об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий; по обеспечению безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; о предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, о переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензии, о выдаче (о продлении срока действия, об аннулировании) удостоверения частного охранника.

В теории оперативно-розыскной деятельности вопрос о направлениях использования ее результатов рассматривается редко и, как правило, касается только лишь использования в доказывании по уголовным делам. А. Ю. Шумилов отмечает, что «для потребностей оперативно-розыскной практики одним из наиболее значимых является разрешение вопроса о формировании в оперативно-розыскной деятельности фактических данных для последующего использования (реализации) в уголовном судопроизводстве и уголовно-исполнительном производстве. Изучают соотношение фактических данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности (сыскных доказательств), и уголовно-процессуальных доказательств, условия и способы обеспечения сохранения фактических данных в ОРД, которые позволяют их перевести в уголовно-процессуальные доказательства, порядок предоставления фактических данных, полученных в результате ОРД, органу дознания, следователю, прокурору, в суд или администрации уголовно-исполнительных учреждений и др.»[1].

[1] Шумилов А. Ю. Глава 25. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. М. : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006.

Положения статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» дают основания сделать вывод о том, что ее результаты могут использоваться в досудебных стадиях уголовного судопроизводства для:

– проведения проверки сообщения о преступлении. Данное направление использования вытекает также из того обстоятельства, что в стадии возбуждения уголовного дела следователь вправе давать обязательные для исполнения поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

– принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела;

– подготовки и осуществления следственных действий;

– выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, имущества, подлежащего конфискации;

– доказывания по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства России, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Однако такой перечень направлений использования результатов оперативно-розыскной деятельности не является исчерпывающим. Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ требует от следователя принятия в пределах его компетенции мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, при этом уголовно-процессуальный закон не ограничивает эту обязанность мерами процессуального характера. При необходимости могут приниматься не процессуальные меры, предусмотренные положениями Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Обращают на себя внимание положения ч. 3 и 4 ст. 3 и ч. 3 ст. 4 названного Федерального закона, в которых в качестве органов, осуществляющих государственную защиту, перечислены те, которые наделены правом осуществления оперативно-розыскной деятельности и указано, что при осуществлении государственной защиты используются гласные и негласные методы в соответствии с законодательством России. Ряд авторов прямо отмечают, что в случае возникновения угрозы участнику уголовного судопроизводства следователь помимо постановления о применении мер безопасности должен дать письменное указание органу, осуществляющему государственную защиту, письменное

поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий по проверке и оценке угрозы и возможности ее нейтрализации[1].

В некоторых ситуациях результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться на начальном этапе задержания лица по подозрению в совершении преступления (речь идёт о промежутке времени с момента фактического задержания в том смысле, в котором он определён в п. 15 ст. 5 УПК РФ, до момента принятия следователем решения о составлении протокола задержания в порядке ст. 92 УПК России или об освобождении доставленного лица в соответствии со ст. 94 УПК России).

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться для выдвижения и проверки следственных версий. Хотя данное направление использования названных результатов имеет преимущественно криминалистический характер, однако нельзя не учитывать, что производство следственных действий должно быть обоснованным, но на практике далеко не всегда возможно обосновать его ранее собранными процессуальными доказательствами.

Можно обозначить еще один криминалистический аспект использования рассматриваемых результатов. Речь идет о выявлении и принятии превентивных мер по нейтрализации противодействия предварительному расследованию как со стороны участников уголовного судопроизводства (преимущественно со стороны защиты), так и иных лиц. Уголовно-процессуальная проблема здесь связана в основном с высоким риском нарушения права на защиту или незаконного ограничения процессуального статуса защитника.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую классификацию направлений использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства:

а) при разрешении сообщений о преступлениях и принятии процессуальных решений, указанных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ;

б) для обоснования в неотложных случаях начального периода задержания лица по подозрению в совершении преступления (с момента фактического задержания до момента составления протокола задержания или освобождения доставленного лица);

---

[1] Сумин А. А., Бекетов М. Ю., Саморока В. А. Применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства: учебное пособие. М. : Московский университет МВД России, 2013. С. 41 и др.

в) в доказывании по уголовному делу;

г) использование для решения задач, связанных с обеспечением уголовно-процессуальной деятельности государственного органа или должностного лица, проводящего предварительное расследование (избрание и продление мер пресечения, установление лиц, совершивших преступление, возможных свидетелей, розыска скрывшегося подозреваемого или обвиняемого, обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, розыск имущества, добытого преступным путём, и подлежащего конфискации на основании на основании ст. 104[1] УК РФ, принятия превентивных мер, направленных на нейтрализацию противодействия предварительному расследованию).

Ю. В. Стрелкова[1],
аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
юрист в юридической фирме «Хьюман Райтс Консалтинг»

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТРУКЦИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СУДЬИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДНОСТИ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ

Специфика производства в суде присяжных, вызванная разрешением уголовного дела непрофессиональной коллегией судей, выносящих безмотивное решение, обусловливает потребность в развитии особой системы гарантий правосудности вердикта. Механизм обеспечения правосудности вердикта включает в себя комплекс норм, направленных как на предотвращение получения информации, способной оказать негативное воздействие на коллегию, так и на поддержание ее беспристрастности, реализацию познавательной доступности процесса, стимулирование коллегии к проведению тщательной оценки доказательств при соблюдении презумпции невиновности. Эта специфика усложненного производства абсолютизирует значение тех действий, которые в интересах правосудия может предпринять профессиональный судья, создавая общую презумпцию их исполнения присяжными.

Обращения судьи к коллегии не ограничиваются напутственным словом, а имеют постоянный характер и происходят на протяжении

[1] © Стрелкова Ю. В., 2018.

всего процесса рассмотрения дела. Как отметил один из зарубежных авторов, процесс рассмотрения дела в суде присяжных «основан на эффективной коммуникации»[1]. Напутственное слово представляет собой наиболее продолжительное и содержательное обращение, предмет и пределы которого различным образом закреплены в национальных законодательствах и являются объектом научных споров[2]. По мнению Европейского Суда по правам человека, напутствие председательствующего судьи, составленное в точных и однозначных формулировках, а также иные разъяснения, звучащие в судебном разбирательстве (касательно доказательств или правовых вопросов), наряду с иными гарантиями, способны компенсировать отсутствие мотивировки в вердикте присяжных[3]. Схожей позиции об особой значимости обращений судьи придерживаются и многие зарубежные ученые[4].

Помимо первого обращения судьи к коллегии и напутствия как итоговой инструкции, в ходе процесса происходят множественные коммуникации, направленные на решение локальных задач. Их эффективность признается исторически[5] и реализуется в позициях Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека. Так, в ряде решений Верховный Суд Российской Федерации демонстрирует подход, согласно которому своевременное разъяснение судьи способно предотвратить оценку присяжными любой информации, озвученной сторонами в нарушение норм УПК РФ[6]. Ев-

---

[1] Artigliere, R. Sequestration for the twenty-first century: disconnecting jurors from the Internet during trial // Drake Law Rev. Vol. 59. 2011. P. 625

[2] См.: Насонов С. А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных: значение, свойства и требования : сборник XXVII Международной заочной научно-практической конференции «Вопросы современной юриспруденции». Новосибирск. 2013. С. 101–108.; Развейкина Н. А. Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него : дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2007.

[3] Напр., решение Европейского Суда по правам человека по делу «Папон против Франции» (Papon v. France), 15 ноября 2001 г.

[4] Напр., Erastus-Obilo B. Reason curve, jury competence and the English criminal justice system. The case for a 21-st century approach. Universal-Publishers. 2009. P. 211–214

[5] К примеру, англо-саксонская концепция «опеки» судьи над присяжным была раскрыта в сочинении Гейнце Р. Очерк английского судоустройства в связи с судом присяжных. Петербург : типография Куколь-Яснопольского, 1866. – С. 67.

[6] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 4-008-41СП.

ропейский Суд аналогичным образом исходит из способности инструкции предотвратить нарушение прав подсудимого даже в наиболее критичных случаях. Так, в резонансных делах, в которых процесс активно освещается в средствах массовой информации, создавая негативный образ подсудимого и предоставляя сведения, не подлежащие разрешению присяжными, а зачастую являющиеся и заведомо неверными или необъективными, Суд придает особое значение действиям председательствующего. К примеру, в деле о терроризме ЕСПЧ указал на неоднократное произнесение судьей обращений, стимулирующих коллегию не учитывать информацию, освещаемую в СМИ при вынесении вердикта, сосредоточившись на доказательственной базе, представленной в процессе, что привело его к выводу об отсутствии нарушения права на справедливое судебное разбирательство[1].

Высокая эффективность обращений судьи, имеющая характер презумпции, акцентирует внимание юридического сообщества на их содержании: полное и своевременное, верное по содержанию обращение способно нивелировать процессуальное нарушение, в то время как ошибочная, нарушающая права сторон инструкция наносит невосполнимый ущерб правосудности вердикта. По этой причине страны англо-саксонской правовой семьи выбрали путь унификации инструкций для присяжных, издавая официальные сборники модельных обращений, предусматривающие как общие разъяснения процессуального статуса присяжного, презумпции невиновности и правил оценки доказательств, так и возможные специфические ситуации, возникающие в процессе. Ценность подобных модельных текстов проявляется в двух аспектах: материальном и процессуальном. В материальном (содержательном) аспекте они представляют собой готовые обращения, доступные для понимания присяжными и объясняющие требования судьи, что позитивно сказывается на эффективности производства, вызывая их действительное принятие присяжными.

К примеру, любые запреты на совершение определенных действий (поиск информации, коммуникация со сторонами, освещение своей позиции до начала процесса) оптимальным образом разъясня-

[1] Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Мустафа Камал Мустафа (Абу Хамза) против Соединенного Королевства» (Mustafa Kamal MUSTAFA (ABU HAMZA) (No. 1) against the United Kingdom) от 13 июля 2007 г.

ются присяжным с приведением причин такого запрета. Так, сборник Суда Короны (Англия и Уэльс) содержит следующее разъяснение для присяжных: «… присяжные не должны искать и изучать иную информацию любого рода о деле, ни обсуждая его с кем-либо, ни проводя самостоятельный поиск в Интернете. Это связано с тем, что вы можете столкнуться с неверной информацией, отсутствующей в деле, о которой не знают стороны обвинения и защиты. Это было бы незаконно и несправедливо по отношению к ним»[1]. Из приведенного фрагмента усматривается, что судья не просто акцентирует внимание коллегии на запрете, но и разъясняет его практическое значение, мотивируя присяжных осознанно отказаться от перечисленных им действий в интересах справедливости процесса.

Сборники модельных инструкций приводят различные по содержанию обращения, необходимость в которых может возникнуть при рассмотрении дела. Так, сборник, действующий в девятом судебном округе США[2], содержит обращения для начала судебного разбирательства, для хода процесса и для его завершения. При этом, в нем раскрываются все юридические понятия, в объяснении которых может возникнуть необходимость в ходе производства: не языком закона, а в доступной для присяжных форме; отдельно приводятся и инструкции, применимые к процессу по определенному виду преступлений. Как справедливо отмечает С. А. Насонов, рассматриваемая часть инструкций обязательна для коллегии, так как судья рассматривается в доктрине как наставник присяжных по вопросам права[3].

Модельная инструкция, как видно из рассмотренных нами примеров, акцентирует внимание судьи на ситуациях, в которых он должен обратиться к присяжным, с указанием момента и многократности или однократности обращения и приведением конкретных речевых конструкций. Вместе с эти, судьи не обязаны придерживаться рекомендованного текста дословно, и могут перефразировать его.

С точки зрения процессуального аспекта, существование модельных инструкций позволяет сократить ситуации отмены приговора из-за получения ненадлежащей инструкции присяжными: спор об их со-

---

[1] Crown Court bench book and specimen directions. Third edition.

[2] Manual of model criminal jury instructions for the district courts of the ninth circuit. Prepared by the Ninth Circuit Jury Instructions Committee. 2010 Edition

[3] Насонов С. А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М. : Р. Валент, 2006. С. 32–33.

держании сводится к минимуму, и возникает лишь в тех ситуациях, когда судья значительно отходит от модельного текста. Представляется, что данный опыт может быть воспринят российским уголовным процессов при введении суда присяжных в районных судах. Полагаем, что существование унифицированного текста, составленного при участии опытных специалистов, в том числе в области психологии и лингвистики, способствовало бы снижению практических сложностей, возникающих при ведении процессов судьями, ранее не имевшими соответствующего опыта.

В. Н. Тангриева[1],
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЛИЦ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Одной из важнейших задач уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов граждан и организаций, пострадавших в результате преступных деяний. Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство призвано осуществлять защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, нарушения ее прав и свобод. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», по смыслу ст. 16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или при-

[1] © Тангриева В. Н., 2018.

нято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

Если рассматривать формулировку самой ст. 16 УПК РФ «Ad verbum» (дословно), то в ней чётко указывается, что право на защиту обеспечивается лишь подозреваемому и обвиняемому.

Рассматривая положения статьи в свете защиты прав лиц, в отношении которых производятся затрагивающие их права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, законодатель упускает из виду то обстоятельство, что при проверке сообщения о преступлении могут быть так же затронуты права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а также права третьих лиц, которые хоть и опосредованно, но претерпели какой-либо вред от совершенного преступления. Вне внимания со стороны законодателя, а значит и вне защиты была оставлена и такая категория, как лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство. В УПК РФ отсутствуют нормы, которые бы закрепляли права этих лиц. Кроме того, в законодательстве отсутствует норма, закрепляющая право лица требовать признания его участником уголовного процесса при наличии к тому оснований. Мы полагаем, что также необходимо рассмотреть деятельность лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводства в свете соблюдения ими прав потерпевшего посредством реализации обязанностей и ограничений, характерных определенному процессуальному статусу (например, запрет разглашать данные предварительного расследования; соблюдение условий меры пресечения и т. д.).

На наш взгляд, принципиально важным в актах Конституционного Суда Российской Федерации является следующая позиция: любой участник уголовного процесса должен иметь весь набор прав, который, будучи обусловленным его процессуальным статусом, позволит ему защищать и отстаивать свои законные интересы всеми предусмотренными и не запрещенными законом методами и средствами на всех стадиях уголовного судопроизводства. Обусловленность процессуальным статусом и выполняемой функцией, определяемой интересами каждого субъекта права, является одним из слагаемых принципа сбалансированности прав личности в уголовном судопроизводстве. В качестве второго слагаемого указанного исходного положения выступа-

ют правильно определённое соотношение и пропорциональность прав, предоставляемых участникам процесса, выполняющим разнонаправленную основную, т. е. состязательную, или разнохарактерную вспомогательную деятельность. Анализируемый принцип должен соблюдаться не только при регламентации прав, но и обязанностей личности в уголовном судопроизводстве. Многие проблемы современного уголовно-процессуального правоприменения обусловлены отсутствием в законе чёткого системного подхода к определению обязанностей не только основных участников уголовного процесса (подозреваемый, обвиняемый, защитник и т. д.), но и тех, которые выполняют вспомогательные функции (специалист, понятые и т. д.).

Выполнение государством возложенных на него обязанностей по защите прав и свобод человека и гражданина предполагает создание инструментария для эффективной правовой защиты граждан. Права личности в уголовном процессе затрагиваются наиболее ощутимо, поскольку именно уголовный процесс образует область широкого и интенсивного применения государственного принуждения.

Реализация положений о защите и восстановлении прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, позволяет обеспечить характерный для правового государства уровень их осуществления в уголовном судопроизводстве. При этом термина «потерпевший» должен применяться в более широком (общеправовом) смысле, отличающемся от вкладываемого в него в ст. 42 УПК РФ, что предполагает распространение этого понятия на всех лиц, фактически понесших вред от общественно опасного деяния, по факту которого ведется уголовное судопроизводство.

М. Ю. Терехов[1],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

А. С. Ращенко[2],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И США

Институт предъявления живых лиц для опознания, несомненно, играет важную роль в быстром и эффективном раскрытии и расследовании преступлений. Среди средств уголовно-процессуального доказывания он, безусловно, признается значимым, так как полученный в ходе его проведения результат в дальнейшем будет выступать основным доказательством виновности лица в совершении преступления. Процесс предъявления для опознания признается проведенным успешно в случае строгого соблюдения правоприменителем процессуального порядка данного следственного действия и учета его тактических особенностей.

Российскими юристами разработана масса рекомендаций, призванных повысить эффективность предъявления лиц для опознания. В правоохранительных органах США опознание лиц, причастных к совершению преступления, производится практически в том же порядке, что и в России.

В то же время американские правила уголовного судопроизводства содержат приемы, обладающие определенными особенностями, применение которых в Российской Федерации может положительно сказаться на эффективности раскрытия преступлений.

В Российской Федерации предъявлению для опознания лица предшествует допрос, в ходе которого опознающий допрашивается об определенных обстоятельствах, при которых он наблюдал опознаваемого, о его характерных признаках и приметах[3].

---

[1] © Терехов М. Ю., 2018.

[2] © Ращенко А. С., 2018.

[3] Уголовный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. А. П. Кругликов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. С. 389.

Это следственное действие имеет весьма важное значение. Именно по этой причине оно производится в строгой, формально определенной уголовно-процессуальным законодательством последовательности. Следователь в полном соответствии с УПК РФ для достижения цели следственного действия предлагает допрашиваемому охарактеризовать внешний вид человека, следуя при этом от общих признаков к более частным.

При этом следует отметить, что протокол этого важнейшего следственного действия должен быть составлен в соответствии с правилами ст. 166, 189 УПК РФ. Как правило, в нем излагаются общефизические признаки (половая принадлежность, возраст, рост, особенности телосложения), затем следователь переходит к описанию функциональных особенностей личности (походка, осанка). После этого отражаются форма и размеры головы, некоторых частей лица, стрижка, цвет волос и т. д. Особое внимание следует обратить на броские приметы лица, такие как шрамы, родимые пятна, татуировки. Отмечаются также особенности одежды, ее покрой, размер, цвет, состояние и прочее. Если опознающему известны данные о речи опознаваемого (медленная, внятная, с дефектами произношения), они также в обязательном порядке в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации заносятся в протокол.

Однако, лицам, производящим допрос, не всегда достаточно полно удается отразить описание внешности опознаваемого.

Так, по данным некоторых авторов, полученным в ходе проведения анализа протоколов подобных допросов, в 84 % исследуемых протоколов полученная информация о внешности лиц носила общий характер (как правило, указывались общефизические признаки). В 9 % случаев в показаниях отражалось более детальное описание внешности (части лица, волосы, татуировки) и лишь в 5 % изученных протоколов присутствовали описания отдельных элементов внешности человека. Ни в одном из протоколов не было обнаружено описания ушных раковин, характеристик лба, описания бровей и других особенностей внешности[1].

Как видим, у очевидцев преступления зачастую возникают определенные трудности в описании опознаваемого лица, в виду особен-

[1] Андроник Н. А Сравнительный анализ тактики предъявления для опознания живых лиц в России и США: положительный опыт и недостатки // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016.

ностей уровня их интеллектуального развития, жизненного опыта, специфики памяти. Очевидна необходимость содействия в воспроизведении важных деталей со стороны сотрудника, составляющего протокол. Разработаны различные тактические приемы, которые позволяют развить ассоциативные связи, детализировать показания и всеобъемлюще выделить внешние признаки наблюдаемого человека.

Для подтверждения ранее сказанного приведем пример из правоприменительной практики. Однажды в Москве был задержан молодой человек из Нигерии, который, исходя из показаний российского студента, якобы продал ему наркотики. Темнокожий продавец был опознан по характерному глубокому шраму над правой бровью. Он всячески отрицал свою причастность к совершению данного преступления, а узнав об опознании по шраму, объяснил, что все члены его племени подвержены прохождению ритуального обряда, в ходе которого делается надрез над бровью. Представитель нигерийского посольства подтвердил данный факт, после чего задержанный был отпущен с принесением извинений.

Также необходимо учитывать количество времени, которое прошло с момента проведения допроса и непосредственного установления личности подозреваемого. Во многих случаях рекомендуется проведение повторного допроса.

При проведении опознания следователь должен соблюдать строгие правила, закрепленные в ст. 193 УПК РФ. Так, в соответствии с п. 4 на подготовительной стадии данного следственного действия осуществляется подбор схожих по внешности с подозреваемым лиц, также необходимо отметить требование к количеству предъявляемых для опознания, их должно быть не менее трех.

Одним из важнейших условий данной процедуры является то, что опознающий не должен видеть опознаваемого до момента его представления вместе с другими лицами. Поэтому следователь заранее размещает опознающего в отведенном месте. После этого в помещение, где будет проходить опознание, приглашаются опознаваемый, статисты, защитник. Им разъясняются смысл их нахождения, их права и обязанности. Опознаваемому предоставляется возможность занять любое место среди статистов, что непременно фиксируется в протоколе. Участникам данного следственного действия запрещается покидать указанное помещения в целях предотвращения возможного уведомления опознающего о месте, занятом подозреваемым.

Поэтому возникает необходимость продумывания способа приглашения опознающего лица, к примеру, по телефону.

Схожие требования к подготовке и проведению данной процедуры применяются и в США. В инструкциях полицейских департаментов содержится требование, касающееся тщательного опроса очевидца о приметах опознаваемого лица, который должен предшествовать непосредственно процедуре опознания. Положительным опытом, по нашему мнению, в проведении допросов американскими полицейскими является участие художников-профессионалов. Поэтому непременно стоит прислушаться к мнению российских ученых, которые считают необходимым привлекать к допросу специалиста в области габитологии, участие которого будет способствовать более полному и подробному сбору данных о внешности лица[1].

В правоприменительной практике Российской Федерации предъявление лиц для опознания может осуществляться различными способами: опознаваемый предъявляется опознающему лично или по фотографии, также в некоторых случаях рекомендуется опознание, исключающее визуальное наблюдения опознаваемым опознающего.

В практике США выделяются три базовых вида предъявления лиц для опознания: оперативное опознание (showup), процессуальное опознание (lineup) и опознание по фотокарточке (photo arrays).

Так называемое «showup» применяется обычно непосредственно после совершения преступного деяния. Оно может проводиться и на месте совершения преступления, однако подозреваемый должен сменить одежду. В ходе проведения данной процедуры подозреваемому может быть предложено совершение каких-либо действий или употребление фраз. Опознающему должно быть разъяснено, что указанное лицо не обязательно может быть настоящим преступником. Один и тот же подозреваемый не может быть представлен повторно одному и тому же свидетелю. Для участия в данной процедуре рекомендовано участие адвоката, однако на практике, это встречается очень редко. На мой взгляд, негативной составляющей данного вида опознание является отсутствие альтернативы выбора, что придает ему несколько наводящий характер. Также следует отметить, что данное опознание не должно проводиться в штаб-квартире правоохранительных орга-

[1] См.: Guidelines for conducting showups. Port Washington Police Department, Wisconsin [Электронный ресурс]. URL: http://defensewiki.ibj.org/index.php/Showups,_Lineups,_and_ Photo_Arrays.

нов или других зданиях общественной безопасности. В Российской Федерации подобной процедуры не предусмотрено. Однако встречаются случаи опознания лица во время проведения оперативно-розыскных мероприятий, в таком случае сведения, отраженные в протоколе, могут выступать в качестве допустимых доказательств в суде.

Процессуального опознания «lineup» носит менее нацеливающий характер, так как в процессе опознания задействуется, как правило, не менее 6 человек. Участники подбираются с учетом роста, возраста, национальности. Полицейским рекомендуется представлять подозреваемого и статистов последовательно (по одному за раз), так как это способствует формированию наиболее точных суждений со стороны опознающих. Процедуре непосредственного опознания предшествует допрос, копия которого вручается адвокату. По его просьбе лица, предъявляемые для опознания могут исключаться по причине малого сходства. В конце процедуры составляется протокол, должностным лицом к нему также прикрепляются цветные фотографии. Занимателен факт отсутствия понятых при проведении данной процедуры, их роль выполняют остальные лица, предъявляемые для опознания.

Российские уголовно-процессуальные правила указывают на необходимость присутствия не менее трех статистов. Зачастую для опознания предъявляются три человека, что, по мнению Э. Груза, с психологической точки зрения не продуктивно. Опознающий часто склоняется к указанию на лицо, находящееся в центре, в независимости от того, является ли оно причастным к совершению преступления[1]. Привлечение 6 и более статистов, как в США, способно снизить восприятие опознающего и привести к ошибочному результату, на это указывают множество примеров из американской юридической практики. Наиболее рациональным является метод, применяемый польскими правоохранительными органами, у которых количество лиц, предъявляемых для опознания должно быть не менее четырех.

Существуют также определенные особенности проведения опознания по фотографии в России и США. В соответствии с п. 5 ст. 193 УПК в Российской Федерации количество фотографий должно быть не менее трех, в то время как, в США – не менее 6. Преимуществом данного вида опознания выступает возможность обеспече-

[1] См.: Груза Э. Опознание человека в польском уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения : сборник трудов. Воронеж : ВГУ, 2010. Вып. 12. С. 137.

ния наибольшего сходства лиц, предъявляемых для опознания, поскольку в отделах полиции имеются объемные фотоальбомы ранее задерживаемых лиц.

В заключении, отметим, что несмотря на имеющиеся различия, процедура опознания в российском и американском уголовно-процессуальном законодательстве носит весьма сходный характер.

А. А. Трефилов[1],
старший научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ

В Швейцарии дознание представляет собой первоначальную, факультативную, досудебную стадию уголовного судопроизводства, начинающуюся после получения информации о предполагаемом преступлении, в ходе которой полиция, взаимодействуя с прокуратурой, обладая лишь незначительной процессуальной самостоятельностью, собирает доказательства, на основе которых возможно: а) последующее открытие прокуратурой предварительного следствия; б) отказ в его открытии, соединенный или не соединенный с изданием приказа о наказании. При этом мы вовсе не претендуем на исчерпывающий характер данной дефиниции, но стремимся показать в ней наиболее важные признаки определяемого термина.

Ключевые особенности дознания в рассматриваемом правопорядке обусловлены его факультативностью, а также объемом процессуальной деятельности полиции, направленной на формирование пределов производства по делу in rem и in personam. Построение дознания по УПК Швейцарии 2007 г. имеет определенное сходство с существующей в России стадией возбуждения уголовного дела.

Одновременно с этим данная форма досудебного производства приближена к прокурорскому следствию, поскольку в отношении полицейского дознания законодатель не устанавливает какие-либо жесткие формальные барьеры для производства следственных дей-

[1] © Трефилов А. А., 2018.

ствий и избрания мер принуждения. В то же время необходимо отметить, что дознание с точки зрения объема возможных следственных действий ограничено de facto кругом тех из них, которые направлены на установление события преступления и достаточности подозрения в отношении лица, причастного к его совершению.

В качестве общего правила, швейцарский уголовный процесс начинается с дознания. Его производство возлагаются на полицию. Вместе с тем, прокуратура не отстранена от дознания, поскольку она, согласно УПК 2007 г., вправе руководить действиями полиции, которая обладает лишь в малой степени процессуальной самостоятельностью в организационном и функциональном отношении.

Поводы и основания для начала уголовного судопроизводства (в данном случае – дознания) в Швейцарии традиционны для большинства континентальных правопорядков, хотя законодатель и не выделяет эти существующие объективно научные категории.

Принятие УПК 2007 г. стало важным шагом в защите прав и свобод граждан от незаконного и необоснованного уголовного преследования, поскольку отныне защитник допускается в уголовный процесс и имеет право общаться с задержанным, образно говоря, с самого раннего момента, с какого только возможно. Законодатель, желая защитить права и законные интересы обвиняемого, стремится как можно раньше наделить его этим статусом, отдавая предпочтение материальному, а не формальному пониманию данного участника производства по делу.

Составители УПК Швейцарии предусмотрели не только традиционные для современных континентальных стран формы окончания дознания, но и сконструировали собственную модель института приказа о наказании с целью разгрузить суды, освободив их от необходимости рассматривать несложные уголовные дела о правонарушениях, не представляющих большой общественной опасности, тем самым обеспечивая соблюдение разумных сроков производства по делу.

В Швейцарии институт медиации, не будучи самостоятельной формой окончания дознания, находит достаточно ограниченное действие, поскольку в соответствии с УПК 2007 г. может применяться далеко не по всем категориям уголовных дел. Вместе с тем данный Кодекс предусматривает важные гарантии, повышающие значение данного института для потерпевшего, а также лица, в отношении ко-

торого ведется производство (например, отказ заявителя явиться на примирительные слушания влечёт прекращение производства).

Предварительное следствие представляет собой досудебную стадию уголовного судопроизводства, в ходе которой прокуратура, являясь независимым органом, ведущим производство по делу, взаимодействуя с полицией и иными субъектами, в целях установления истины исследует обстоятельства, на основе которых возможно: а) последующее направление дела в суд первой инстанции; б) отказ от его передачи в данный орган, влекущий прекращение дела (при этом также возможно издание приказа о наказании). По общему правилу предварительное следствие обязательно, и оно может не производится лишь в порядке упрощенного судопроизводства (если приказ о наказании издан в ходе дознания).

В ходе предварительного следствия прокуратура остаётся «госпожой» досудебного производства. Ей принадлежит ведущая роль в совершении следственных действий, избрании мер принуждения (в ряде случаев – с санкции суда) и принятии решений о дальнейшем направлении уголовного дела. Всё это свидетельствует о весьма условном разграничении дознания и предварительного следствия в современной швейцарской процессуальной системе.

Суды по вопросам мер принуждения отражают идею, состоящую в том, что, с одной стороны, необходимо разграничить функции по избранию мер принуждения и рассмотрению дела по существу, а, с другой – предоставить кантонам большие возможности по самостоятельному решению вопроса о месте данного суда в системе правоохранительных органов, его организационной структуре и ведомственной принадлежности. Вместе с тем нужно заметить, что большинство кантонов не воспользовались возможностью реформировать указанный институт и не создали специальных судей по вопросам мер принуждения.

И. Б. Тутынин[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О РАСШИРЕНИИ КРУГА ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВОЗМОЖНО ПРИМЕНЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ КАК МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Из содержания УПК РФ вытекает, что денежное взыскание можно применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому (ч. 2 ст. 111), к присяжному заседателю (ч. 3 ст. 333), к поручителям (ст. 103) и присмотрщикам (ст. 105), а также к лицу (участнику), которое нарушило порядок в судебном заседании, не подчинилось распоряжениям председательствующего или судебного пристава (ч. 1 ст. 258). Но такой перечень участников, к которым должно быть дозволено применение денежного взыскания в уголовном судопроизводстве, следует расширить.

Наиболее остро стоит проблема возможности применения рассматриваемой меры в отношении подозреваемого и обвиняемого. Закон этого не предусматривает, о чём неоднократно указывал Верховный Суд Российской Федерации, реагируя на решения нижестоящих судов[2]. Аналогичное положение имеет проблема наложения денежного взыскания на защитника. Например, суды применяют денежное взыскание в отношении адвоката, и это также не одобряется судом высшего звена[3].

Но российские процессуалисты настаивают на необходимости налагать денежное взыскание на подозреваемого и обвиняемого. Среди причин такого нововведения приводится ситуация, когда избрание

---

[1] © Тутынин И. Б., 2018.

[2] Постановления Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2010 г. № 14-АД10-1, от 10 февраля 2010 г. № 49-АД10-1, от 10 декабря 2008 г. № 308П08 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 15-002-29 по делу Вахтерова // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3.

заключения под стражу невозможно, так как ряд составов преступлений не предусматривают санкцию в виде лишения свободы, а обвиняемый (подозреваемый) не выполняет требования обязательства о явке[1], обоснованно полагая, что ему в этом случае не грозит никакая процессуальная ответственность.

Кроме того, из-за переполненности СИЗО по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести суды пренебрегают заключением под стражу, «предпочитая» неоднократный привод[2], так как иных мер воздействия применить не представляется возможным.

Как представляется, процессуальные санкции за невыполнение процессуальных обязанностей подозреваемым, обвиняемым, а также защитником и обвинителем должны присутствовать в уголовно-процессуальном законодательстве. В противном случае наблюдается противоречие такому принципу уголовного судопроизводства, как состязательность сторон, в части того, что стороны обвинения и защиты должны быть равноправными перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Нарушается общее условие судебного разбирательства «Равенство прав сторон» (ст. 244), так как отсутствует именно равенство в возможности процессуальной ответственности и её адекватности совершённому правонарушению.

За такие очевидные процессуальные нарушения, как противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству путём затягивания сроков (неявка, медлительное выполнение процессуально значимых действий и т. п.), срыв следственного или судебно-следственного действия ненадлежащим поведением, не существует действенных средств противодействия и ответственности. Предоставленная в ч. 2 ст. 258 УПК РФ возможность за неподчине-

---

[1] Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях : дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2004. С. 270; Уханова Н. В. Деятельность дознавателя по производству наложения ареста на имущество. М. : Деловой двор, 2017. С. 38 и др.

[2] Зайцева Е. А., Гринюк Е. Н. О процессуальных сроках и ответственности участников уголовного судопроизводства // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 10. В 3 т. М.: Юрист, Т. 3. 2010. С. 834–835; Григорьев В. Н. О правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 162–167; Масленникова Л. Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // Lex Russica. Т. LXIX. № 3. С. 551–567.

ние защитника распоряжениям председательствующего отложить слушание уголовного дела, а также заменить данное лицо другим является скорее не ответственностью, а обеспечительно-профилактической мерой, с ограниченным, а потому в неполной степени действенным потенциалом принуждения.

Во-первых, замена адвоката не всегда возможна по правовым и организационным причинам. Во-вторых, адвокат-нарушитель непосредственно в судебном разбирательстве не несет неблагоприятных последствий имущественного и морального плана. В случае замены его интересы могут не пострадать и, даже более того, он может приобрести больше возможности участия по другим делам, повысив свое материальное положение, порой заработав «скандальный авторитет и популярность». В-третьих, предусмотренное право суда сообщить о правонарушении в адвокатскую палату является необязательным действием, причём не всегда с ожидаемыми результатами. В-четвертых, предусмотренное в ст. 53 УПК РФ право защитника использовать «иные» незапрещённые средства и способы защиты, безусловно, важное и необходимое правило, но позволяющее недобросовестным адвокатам чрезмерно широко его трактовать не столько в интересах подзащитного, сколько в своих личных интересах.

Подозреваемый, обвиняемый, защитник обладают значительным арсеналом обеспечения своих (представляемых) прав и интересов, но «юридическая свобода без ответственности – нонсенс. Свобода, отрицающая ответственность субъекта, антисоциальна и несправедлива так же, как антигуманна ответственность, отрицающая свободу выбора»[1].

Признаки процессуального принуждения имущественного характера полностью применимы к денежному взысканию, применяемому к подозреваемому, обвиняемому (к лицу, подавшему жалобу на решение о выдаче (ч. 5 ст. 463 УПК РФ), а также в отдельных случаях к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера), защитнику и представителю подозреваемого (обвиняемого). Свойства процессуального принуждения имущественного характера, воплощённые в регламентации и практике применения анализируемого института, позволят приблизиться к предназначению уголовного судопроизводства, реализовать потенциал, заложенный в мерах уголовно-процессуального принуждения.

---

[1] Коврига Э. Ф. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 62.

Увеличение списка лиц, в отношении которых необходимо предусмотреть возможность применения денежного взыскания, на этом не должно останавливаться. Проведённый анализ положений УПК РФ показал, что сущность и цели денежного взыскания, указанные в ст. 117, не используются в отношении значительного перечня лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство. Проанализировав их, предлагаем в зависимости от наличия личного (представляемого) интереса и процессуального статуса, представить следующие группы:

1) лица (органы), представляющие интересы государства;

2) физические и юридические лица, не имеющие собственного интереса в уголовном деле, вовлекаемые в уголовное судопроизводство в связи с проведением процессуальных действий (принятием процессуальных решений): учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, которые обязаны выполнить требования, поручения и запросы суда, судьи, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии – по истребованию справок, характеристик, иных документов защитником (п. 3 ч. 3ст. 86 УПК РФ), руководители банков и иных кредитных организаций, обязанные предоставить информацию о денежных средствах и иных ценностях, на которые налагается арест, а также при аресте денежных средств и иных ценностей, находящихся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях (ч. 7 ст. 115 УПК РФ), органы по государственной регистрации недвижимости при аресте имущества в виде объектов недвижимости (ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»), средства массовой информации, обязанные сделать сообщение о реабилитации (ч. 3 ст. 136 УПК РФ), лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ), заявитель (ч. 2 ст. 141 УПК РФ), редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации, обязанные передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также

данные о лице, предоставившем указанную информацию (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), лица, приглашённые при следственном эксперименте для производства опытных действий (ст. 181 УПК РФ), совершеннолетний член семьи либо администрация по месту работы или по поручению следователя иные лица и организации, которым поручено информировать о вызове на допрос (ч. 2 ст. 188 УПК РФ), учреждение связи, на которое возлагается обязанность задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления (ч. 3 ст. 185 УПК РФ), руководитель организации, осуществляющей услуги связи, при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 3, 4 ст. 186^{1} УПК РФ), лица, предъявляемые для опознания (ч. 4 ст. 193 УПК РФ), руководитель экспертного учреждения, которому направлены материалы уголовного дела для производства судебной экспертизы (ч. 1–3 ст. 199 УПК РФ), кандидаты в присяжные заседатели (ч. 3, 4 ст. 328, ч. 1, 6 ст. 332 УПК РФ), командование воинской части (ч. 3 ст. 104 УПК РФ);

3) физические и юридические лица, представляющие интересы иных лиц: защитник (ст. 49 УПК РФ), законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 48 УПК РФ), представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя или гражданского ответчика (ст. 45, 55 УПК РФ), родственники обвиняемого, активно способствовавшие его неявке по вызовам к дознавателю, следователю, в суд; залогодатель, предоставивший недостоверные сведения об отсутствии ограничений на предмет залога;

4) физические и юридические лица, имеющие собственный интерес в уголовном деле: подозреваемый, обвиняемый, лицо, подавшее жалобу на решение о выдаче (ч. 5 ст. 463 УПК РФ), лицо, в отношении которого ведётся производство о применении принудительной меры медицинского характера, лицо, не являющееся участником процесса, обжалующее действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда (ч. 1 ст. 123 УПК РФ), лицо, с которого должны быть взысканы процессуальные издержки, в том числе законные представители несовершеннолетних (ч. 6, 8 ст. 132 УПК РФ), лицо, не принимавшее участия в деле, подавшее апелляционную или кассационную жалобу (ч. 2 ст. 389^{6}, ч. 2 ст. 401^{4} УПК РФ), неявившийся гражданский истец по делу, по которому суд признал его явку обязательной.

Н. В. Угольникова[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К. С. Григорьева[2],
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СОБЛЮДЕНИЕ ОБВИНЯЕМЫМ УСЛОВИЙ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой вид сделки с правосудием, которая уже давно получила распространение в уголовно-процессуальном законодательстве многих зарубежных стран, таких как Франция, США, Эстония, Великобритания, Шотландия, Грузия, Италия и др. Но изначально данный институт появился в США, а в 19 в. он был заимствован Англией[3].

В нашей стране досудебное соглашение о сотрудничестве появилось сравнительно недавно. Возникновение института, на наш взгляд, было обусловлено одной из основных тенденций развития системы российского права и системы законодательства в целом, а именно дифференциацией, которая в уголовно-процессуальном праве ярко прослеживается последние десятилетия. Этот тезис подтверждается совокупностью изменений и новшеств, внесенных в уголовно-процессуальный закон (например, особый порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращенный порядок производства дознания и др.). Вопрос, который будет рассмотрен в этой статье, касается дифференциации института доказательств и доказывания на примере доказывания при производстве расследования в условиях заключенного соглашения о сотрудничестве.

---

[1] © Угольникова Н. В., 2018.

[2] © Григорьева К. С., 2018.

[3] Шилкина А. Н., Ментюкова М. А. Сравнительная характеристика института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России и зарубежных стран // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – С. 89–91.

29 сентября 2009 г. в УПК РФ была введена гл. 40^1, которая установила особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В соответствии с этими нововведениями предварительное следствие в условиях заключенного соглашения о сотрудничестве стало иметь некоторые особенности. В статье акцентировано внимание на особенностях соблюдения обязательств обвиняемого по соглашению как обязательное условие особого производства.

Процесс дифференциации уголовного судопроизводства проник как в досудебные, так и в судебные стадии, включающее в себя и особенности ведения расследования и судебного производства и постановления приговора. Такое положение предопределяет особый интерес к изменениям законодательства и последующей правоприменительной практике в этой сфере.

Практика применения данного института показывает неоднозначную форму установления и анализа обстоятельств соблюдения соглашения о сотрудничестве, что приводит к формализму оценки соблюдения соглашения о сотрудничестве.

Например, при производстве по уголовному делу по обвинению гр. А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4. ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное организованной группой), было заключено соглашение о сотрудничестве с указанным обвиняемым. Анализ постановления прокурора об удовлетворении ходатайства обвиняемого о заключении соглашения о сотрудничестве позволяет выявить два условия соглашения: выдача похищенных средств и изобличение лиц, причастных к совершению преступления. Обстоятельства соблюдения соглашения о сотрудничестве в обвинительном заключении отражены в разделе обстоятельств, смягчающих наказание: «явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников, розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ)». Указания на материалы уголовного дела, которые подтверждают соблюдение соглашения, нет. В обвинительном заключении в перечне вещественных доказательств есть перечь похищенных ценностей, выданных обвиняемым добровольно с указанием места нахождения с последующим осмотром, изъятием (протокол проверки показаний на месте). Что касается второго условия соглашения, то оно осталось не соблюдено, о чем свидетельствует формула обвинения: «Таким способом, он гр. А., действуя по предвари-

тельному сговору с неустановленными лицами …», что, на наш взгляд, свидетельствует о несоблюдении условий досудебного соглашения, так как в данном составе акцент должен был поставлен на соучастниках и влечет за собой в соответствии с ч. 5 ст. 317 УПК РФ вынесение прокурором постановления о прекращении действия такого соглашения. Других материалов в уголовном дела нет.

Интервьюирование следователей также показало, что следователи не считают необходимым установление обстоятельств соблюдения соглашения о сотрудничестве, так как, по их мнению, они не входят в предмет доказывания. Соглашение о сотрудничестве заключено с прокурором, представление о соблюдении соглашения сотрудничества также выносится им в соответствии с ч. 5 ст. 317 УПК РФ.

Соблюдение соглашения о сотрудничестве не имеет однозначного законодательного определения. При этом соблюдение условий соглашения в соответствии с ч. 1 ст. 317^5 УПК РФ является одним из оснований применения особого порядка проведения судебного заседания в порядке гл. 40^1 УПК РФ[1], соответственно, соблюдение этих условия должно быть подтверждено материалами дела, представляемых прокурору следователем. Являясь основанием особого порядка проведения судебного заседания, указанные обстоятельства подпадают под категорию «имеющих значение для уголовного дела».

Для того чтобы определить содержание обстоятельств соблюдения условий соглашения о сотрудничестве обвиняемого необходим анализ следующих положений:

– основания сокращенного порядка судебного разбирательства при заключении соглашения о сотрудничестве (ч. 1, п. 1 ч. 2 ст. 317^6 УПК РФ);

– обстоятельства, подлежащие исследованию в судебном заседании и отражению в приговоре (ч. 4, 6 ст. 317^7 УПК РФ);

– содержание представления прокурора о соблюдении соглашения сотрудничества (ч. 1 ст. 317^5 УПК РФ).

В целом можно предположить, что законодатель под соблюдением соглашения о сотрудничестве обвиняемым предполагал:

– активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления;

---

[1] При этом необходимо учитывать, что соглашение о сотрудничестве – это двухстороннее соглашение, соответственно судом должно оцениваться и его соблюдение, и обвиняемого и стороной обвинения. В этой статье исследуются только соблюдение соглашения обвиняемым.

– изобличение и уголовное преследование других соучастников преступления;

– выдача или указание места нахождения имущества, добытого в результате преступления;

– уголовные дела, возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым.

Этот тезис подтверждается и анализом приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». В соответствии с п. 1.13. при принятии решения о вынесении представления прокурор должен оценивать характер и пределы содействия обвиняемого следствию, обращая внимание на соблюдение им всех или части обязательств, содержащихся в досудебном соглашении о сотрудничестве, его влияние на раскрытие, расследование преступления, изобличение других соучастников преступления, розыск имущества, добытого в результате совершения преступления. То есть указанные выше обстоятельства должны быть установлены по материалам дела, представленным следователем.

Возникает вопрос, как эти обстоятельства должны быть установлены? Пунктом 1.13 указанного приказа Генерального прокурора Российской Федерации установлено, что полноту и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым при выполнении обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве необходимо удостоверять на основании материалов уголовного дела и иных данных. В частности, на основании справок, копий протоколов следственных действий, документов оперативно-розыскной деятельности, а также содержащих сведения, установленных в том числе при изучении других уголовных дел, материалов проверок сообщений о преступлениях, направленных прокурору в соответствии с ч. 1 ст. 317^5 УПК РФ следователем вместе с материалами уголовного дела и обвинительным заключением. Результаты этого расследования, обстоятельства соблюдения обвиняемым соглашения о сотрудничестве прокурор должен отразить в представлении, включая и обстоятельства, их подтверждающие.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обстоятельства соблюдения обвиняемым соглашения о сотрудничества должны быть установлены следователем в процессе доказывания, путем проведения следственных и иных процессуальных действий.

Подводя итог вышесказанному можно отметить, что уточнение законодательства по вопросу установления обстоятельств соблюдения обвиняемым соглашения о сотрудничестве является обязательным условием корректировки практики применения этого института.

На мой взгляд, необходимо внести дополнения в ст. 317^4 УПК РФ:

«3^1. Наряду с обстоятельствами, указанными в статье 73 настоящего Кодекса, устанавливаются доказательства обстоятельств, указанные в пунктах 1–4 части первой статью 317.5 настоящего кодекса.

3^2. В обвинительном заключении наряду с обстоятельствами, указанными в статье 220 настоящего Кодекса, должен содержаться перечень доказательств, подтверждающих соблюдение соглашения о сотрудничестве обвиняемым».

П. В. Фадеев[1],
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО И ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА

Порядок возникновения уголовно-процессуальных отношений с участием лица, пострадавшего в результате преступления, и формирования его процессуального статуса нуждается в совершенствовании. В большей степени это относится к потерпевшему и гражданскому истцу, которые являются лицами, пострадавшими в результате преступления и получившими физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации. Законодатель отнес их к стороне обвинения, так как их деятельность направлена не только на восстановление прав и законных интересов, в том числе возмещение вреда, но и уголовное преследование виновного в целях его изобличения в совершении преступления.

По нашему мнению, в большинстве случаев потерпевший и гражданский истец, а также заявитель и частный обвинитель, являются одним и тем же лицом, получившим вред в результате преступления, имеют общие существенные признаки, связанные с причинением вреда в результате преступления, а процессуальный статус потерпевшего являются для них родовым.

[1] © Фадеев П. В., 2018.

Как отмечается в юридической литературе, «гражданский истец в уголовном процессе – это тот же потерпевший, заявивший в ходе судопроизводства требования о возмещении (компенсации) причиненного преступлением вреда»[1]. Например, при выяснении мнения следователей и дознавателей о целесообразности уравнивания прав гражданского истца и потерпевшего, 88,7 % из числа опрошенных, указали на отсутствие необходимости в этой мере, поскольку гражданский истец одновременно является и потерпевшим[2]. Об этом прямо говорится в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»: «В силу положений части 1 статьи 44 УПК РФ потерпевший, предъявивший требование о возмещении имущественного вреда, а также о компенсации причиненного преступлением морального вреда, должен быть признан гражданским истцом».

Вместе с тем, анализ статей УПК РФ показывает, что потерпевший и гражданский истец – это два различных участника уголовного судопроизводства, имеющие собственные понятия и правовой статус. Не разъясняют это расхождение ст. 5 УПК РФ, определяющая основные понятия уголовного судопроизводства, ст. 42 и ст. 44 УПК РФ, поясняющая не только понятие, но и их процессуальный статус, а также другие положения УПК РФ, имеющие к ним непосредственное отношение. Более того, некоторые положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», ограничивают права потерпевшего, признавая его только гражданским истцом.

Кроме того, несмотря на то, что основным законным интересом потерпевшего является возмещение полученного вреда, ч. 2 ст. 42 УПК РФ не наделяет его таким правом. Поэтому разъяснения ученых о том, что именно потерпевший имеет право предъявлять гражданский иск в уголовном деле о компенсации имущественного и моральный

---

[1] См.: Божьев В. П. Избранные труды. М. : Юрайт, 2010. С. 457.

[2] См.: Николаев Е. М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 188.

ного вреда, в большей степени имеют под собой фактическую («de facto»), а не юридическую основу («de jure»)[1].

В то же время процессуальный статус гражданского истца, с одной стороны, в большей мере дублирует правовое положение потерпевшего, с другой, – ограничен процессом возмещения, полученного вреда. При этом нормы о гражданском иске «носят декларативный характер, так как реальных механизмов для возмещения вреда, причиненного преступлением, у гражданского истца нет»[2].

При этом, несмотря на то, что согласно ч. 3 ст. 42, ст. 160^1 УПК РФ должностным лицам органов уголовного судопроизводства вменено в обязанность обеспечивать потерпевшему возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, отсутствие официального заявления (требования) о признании его гражданским истцом, как минимум, не способствует установлению всех обстоятельств, связанных с характером и размером вреда, не только на досудебных, но и судебных стадиях уголовного процесса. В случае отсутствия заявленного иска потерпевшего, суд не уполномочен устанавливать размер возмещения в денежном выражении причиненного ему морального вреда как при рассмотрении уголовного дела, так и в порядке гражданского судопроизводства.

Такой подход законодателя, с одной стороны, не учитывает законные интересы лица, пострадавшего в результате преступления, разграничивая процессуальные статусы потерпевшего и гражданского истца, с другой, – предполагает существенное усложнение процедуры признания прав лица, получившего вред в результате преступления.

В связи с этим, представляется не целесообразным требовать от лица, пострадавшего в результате преступления, дважды обращаться

---

[1] См.: Махов В. Н., Разумовский Д. Б. Гражданский иск в уголовном деле : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009. С. 41; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; Науч. ред. В. П. Божьева. М. : Спарк, 2002. С. 92.

[2] Чувашова Н. С. Некоторые проблемы защиты прав гражданского истца в уголовном судопроизводстве // Ученые записки : сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. Вып. 1. Оренбург, 2004. С. 72.

в правоохранительные органы с заявлением (требованием) о возмещении полученного вреда в результате совершенного преступления. По нашему мнению, требование о возмещении имущественного вреда является неотъемлемым правом потерпевшего, а обеспечение его возмещения – обязанностью государственных органов уголовного судопроизводства. То есть этим правом должен обладать только один участник уголовного процесса. Например, во Франции, таким участником является гражданский истец, правовое положение которого сопоставимо с положением потерпевшего по уголовно-процессуальному законодательству России[1].

Как показывает анализ, не определены содержание и пределы действия института гражданского иска в уголовном процессе. Данное обстоятельство связано с его признанием комплексным институтом[2], в процессе которого «многие вопросы, связанные с предъявлением гражданского иска в уголовном деле, разрешаются в соответствии с нормами не уголовно-процессуального, а гражданского законодательства»[3]. Термин «истец», в основном, употребляется в гражданско-процессуальном законодательстве, которое налагает отпечаток на уголовно-процессуальный статус его участников[4]. Поэтому лицо, пострадавшее от преступления, получает процессуальный статус потерпевшего, когда ему причиняется физический, имущественный или моральный вред, а гражданским истцом, когда им предъявлено требование о возмещении имущественного вреда.

На наш взгляд, такой процессуальный порядок ограничивает права потерпевшего и гражданского истца, так как, с одной стороны, вносит в уголовное судопроизводство элементы (предмет, основание,

---

[1] См.: Быков В. М., Колдин С. В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство) : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 129–130.

[2] См.: Николаев Е. М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 68; Неретин Н. Н. К вопросу о предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2012. – № 1. – С. 37–39.

[3] Кондрат И. Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации. М. : Юстицинформ, 2013. С. 290.

[4] См.: Клещина Е. Н., Шаров Д. В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 22.

стороны, содержание) гражданского процесса[1], влекущие за собой перевод уголовно-процессуальных отношений в гражданско-правовые. С другой, – сужает не только предмет доказывания, но и обязанности должностных лиц органов уголовного судопроизводства в части определения характера и размера вреда, причиненного преступлением.

Представляется целесообразным, лицо, которому вред причинен непосредственно преступлением, наделять правами не только потерпевшего, но и гражданского истца. Для чего следует предусмотреть в ч. 2 ст. 42 УПК РФ право потерпевшего на возмещение (компенсацию) вреда, полученного в результате преступления, а также отказ в таком возмещении (компенсации) с момента наделения его соответствующим процессуальным статусом.

Такой подход позволит, во-первых, устранить разрешенную уголовно-процессуальным законодательством процедуру подачи гражданского иска лицами, не являющимися потерпевшими. К таким лицам ч. 3 ст. 44 УПК РФ относит законного представителя и прокурора. Во-вторых, разрешить допуск иных лиц, пострадавших после совершения преступления. Например, в связи с расходами на восстановление здоровья потерпевшего правами гражданского истца наделяются органы медицинского страхования, органы социального страхования, страховые фирмы, родственники потерпевшего в порядке обеспечения гражданского и регрессного исков[2]. По нашему мнению, на законодательном уровне целесообразно предусмотреть признание гражданским истцом физических и юридических лиц, пострадавших от последствий преступления[3].

Представляется целесообразным предусмотреть рассмотрение всех гражданских исков в рамках уголовного судопроизводства. По мнению Ф. Багаутдинова, это позволит гражданско-правовые споры, возникшие в результате преступления, разрешать в рамках уголовно-

---

[1] Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права / под ред. А. А. Добровольского. М. : СПАРК, 2004. С. 32–33; Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. М. : НОРМА, 2007. С. 147.

[2] Супрун С. Возмещение по уголовному делу имущественного вреда в порядке регресса // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 97.

[3] Уханова Н. В. Некоторые вопросы возмещения имущественного вреда при расследовании преступлений против здоровья органами внутренних дел // Российский следователь. – 2016. – № 22. – С. 27–30.

го дела, тем самым достигнув определенной экономии времени, сил и средств системы правосудия[1]. В этом отношении заслуживает внимание уголовно-процессуальное законодательство Китайской Народной Республики, в котором в соответствии со ст. 78 УПК Китая «Гражданское дело должно слушаться вместе с уголовным. Однако, во избежание чрезмерного затягивания слушания уголовного дела, суд может, завершив рассмотрение уголовного дела, продолжить рассмотрение дела по гражданскому иску»[2].

М. И. Федоров[3],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

С. А. Малахов[4],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Проблема оснований и порядка избрания отдельных мер пресечения вызывает повышенный интерес как у правоприменителей, так и у ученых. Наличие противоречий и пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве порождает неоднозначную практику его применения, что ведет к нарушению законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе подозреваемого и обвиняемого.

УПК РФ предусматривает следующие виды мер пресечения: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командованием воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог, домашний арест, заключение под стражу.

---

[1] Багаутдинов Ф. Пределы действия гражданского иска в уголовном процессе стоит расширить // Российская юстиция. – 2003. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: http://asia-business. ru/law/law1/criminal/procedurallaw/#4 (дата обращения: 18.11.2017).

[3] © Федоров М. И., 2018.

[4] © Малахов С. А., 2018.

Для исследования нами была выбрана конкретная мера пресечения – заключение под стражу. Объясняется этот выбор тем, что данная мера пресечения весьма существенно ограничивает права и свободы человека, гарантированные международными нормативно-правовыми актами, а также Конституцией Российской Федерации.

Обязательным условием для применяемой к лицу меры пресечения является обоснованное подозрение в том, что именно это лицо совершило преступление. В соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ при избрании мер пресечения следователь должен сослаться на конкретные фактические обстоятельства, которые бы подтверждали доводы о том, что лицо, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, может скрыться от следствия и суда, оказывать давление на потерпевшего или свидетелей, либо совершить новое преступление. Довольно часто следователи (дознаватели) при избрании меры пресечения данными требованиями закона пренебрегают и приводят формальные доводы: тяжесть совершенного преступления, наличие возможности скрыться подозреваемым, оказать давление на потерпевшего либо совершить новое преступление, при полном отсутствии фактических данных (доказательств), которые могут свидетельствовать об этом[1].

Подтверждением того, что лицо, в отношении которого избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, может скрыться или совершить новое конкретное преступление, оказывать давление на других участников уголовного судопроизводства или воспрепятствовать производству по делу иным способом, могут быть факты подобного поведения в прошлом (например, оказание сопротивления при задержании, нарушение ранее избранной меры пресечения, нахождение под следствием или длительное нахождение в розыске по другим уголовным делам и т. д.).

Чрезмерно частое избрание судами заключения под стражу придает отечественному уголовному судопроизводству репрессивный характер. Суд удовлетворяет более 90 % поступающих к нему ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, это подтверждают статистические данные. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации количество рассмотренных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу за 2016 г. составляет 136580, из них удо-

[1] Барабаш А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 119.

влетворено таких ходатайств 123296, для сравнения за 2015 г. количество ходатайств равно 154066, удовлетворено из них 140309. Количество рассмотренных ходатайств о продлении срока содержания под стражей составляет 230276, удовлетворено из которых 225311. Теперь, для сравнения, обратимся к количеству рассмотренных ходатайств о применении меры пресечения в виде домашнего ареста (второй по строгости меры пресечения) 6907, удовлетворено из них 6101[1].

Как мы видим, количество ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в десятки раз превышает количество ходатайств о применении домашнего ареста.

Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения, которые касаются вопросов избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: «Заключение под стражу не может быть избрано в качестве меры пресечения, если отсутствуют основания для избрания меры пресечения, а именно: данные о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжать заниматься преступной деятельностью, либо угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, либо уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. В тех случаях, когда такие основания имеются, следует учитывать, что обстоятельства, являвшиеся достаточными для заключения лица под стражу, не всегда свидетельствуют о необходимости продления срока содержания его под стражей»[2].

Исходя из статистических данных и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, можно прийти к выводу, что наиболее часто органы предварительного расследования ходатайствуют о применении именно меры пресечения в виде заключения под стражу, а суды, практически всегда удовлетворяют данные ходатайства, кроме того, несмотря на рекомендации Верховного Суда Российской Федерации удовлетворяют большую часть ходатайств о продлении данной меры пресечения.

Стоит отметить, что с практической точки зрения участнику уголовного судопроизводства, осуществляющему уголовное преследование,

---

[1] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 год [электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: информационно-статистический портал. 2017. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 20.11.2017).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

удобно, когда в отношении подозреваемого, обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В этом случае стороне обвинения проще проводить необходимые следственные действия, но при этом серьезно страдают права и свободы обвиняемого, подозреваемого.

В соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ формально основой решения об избрании меры пресечения могут послужить сведения, которые не облечены в форму доказательств в установленном порядке. Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает избрание заключения под стражу только в тех случаях, когда применение более мягкой меры пресечения не представляется возможным. Это справедливое положение, так как заключение под стражу в наибольшей степени ограничивает права и свободы лица, в отношении которого она применяется.

В ходе анализа норм УПК РФ, данных статистики и судебной практики мы приходим к выводу о том, что основанием избрания в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу должны быть только доказательства, и это следует закрепить в нормах УПК РФ. Надлежащая процессуальная форма сведений является одним из критериев законности доказательств, что в свою очередь гарантирует защиту прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого.

Т. В. Хмельницкая[1],
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородская академия МВД России,
кандидат юридических наук

СУДЕБНЫЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Последнее время в нашей стране наблюдаются определенные достижения в создании эффективного и справедливого уголовного судопроизводства. По сей день актуальна поставленная задача руководителем нашей страны «повышать независимость и объективность судебного процесса»[2].

Сейчас в Российской Федерации следователь является господином, барином, хозяином уголовного судопроизводства, что нельзя

[1] © Хмельницкая Т. В., 2018.

[2] См.: Владимир Путин. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 г. Москва, Кремль // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864 (дата обращения: 18.11.2017).

сказать о суде. Другими словами, судебная власть является иждивенцем власти следственной. Доказательства, сформированные следователем, являются предметом исследования суда и кладутся им основу судебных решений. Благодаря эффектам институционального изоморфизма[1], следователям удалось навязать свои поведенческие и мыслительные стереотипы большинству участников уголовного процесса: от оперуполномоченных до судей. Все элементы уголовно-процессуальной системы составляют конвейер по производству обвинительных приговоров или «суррогатных» решений, принимаемых в случаях выявления несостоятельности обвинения[2]. Это порождает эффект «обвинительного уклона»[3] уголовной юстиции и, как результат – недоверие общества, в том числе бизнеса, к государству и праву, юридическим инструментам разрешения конфликтов, в том числе в сфере предпринимательской деятельности.

Напряженность в правовой организации правоохранительных органах, непосредственно в органах внутренних дел, возрастает в геометрической прогрессии. Как заявил министр внутренних дел В. Колокольцев, правоохранительная деятельность тесно связана с действующим законодательством, а нормы действующего законодательства, в частности, уголовно-процессуального, уже давно стали анахронизмом. Их давно уже пора пересмотреть. Мир живёт в XXI веке, а у нас на одну бумажку требуется десять бумажек. У сотрудника просто физически нет ни времени, ни возможности на одну бумажку собрать десять бумажек[4].

С каждым годом идет увеличение количества зарегистрированных преступлений, причем рост регистрируемой преступности происхо-

---

[1] См.: Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. С. 11.

[2] См.: Новикова А. Практики суррогатных оправдательных приговоров, 14 февраля 2013 г. URL: http://polit.ru/article/2013/02/14/court/ (дата обращения: 18.11.2017).

[3] См.: Разогреева А. М. «Поворот к лучшему»: практики переквалификации при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации. Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции. М. : Норма, 2015. С. 199–230; Барщевский М., Морщакова Т. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Российская газета. – 2013. – 24 сент.

[4] См.: Эксклюзивное интервью с главой МВД Владимиром Колокольцевым от 26 ноября 2015 г. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1577741 (дата обращения: 18.11.2017).

дит за счет бытовых, имущественных и неосторожных преступлений в большинстве небольшой и средней тяжести. При этом система уголовного судопроизводства проявляет близорукость и беспомощность в отношении тех, кто совершает тяжкие преступления экономической и коррупционной направленности. Правоохранительная система работает с перенапряжением, штатная численность оперативных и следственных сотрудников сокращается, а нагрузка на них увеличивается в разы. Как показывают независимые исследования, зарегистрированные преступления в большинстве случаев остаются нераскрытыми, отчего возрастает количество приостановленных уголовных дел, поэтому именно эти детерминанты (наряду с законом) определяют поведение субъектов, формирующих доказательства в ходе досудебного производства.

Очевидно, что нормативная база работы правоохранительных органов требует кардинального совершенствования. Пора уже отказаться от советской следственной модели досудебного производства, которая морально и физически изжила себя и стала одним из препятствий для социально-экономического развития страны.

Необходимо перенастроить механизм выработки уголовно-процессуальных решений, выстроить отношения участников досудебного производства в треугольнике «полиция – прокурор – суд» и перераспределить баланс их сил. По нашему мнению, для того, чтобы уголовное правосудие стало «независимым и объективным» необходимо ввести институт – «следственный судья», который займет центральное место в структуре уголовного процесса. Суд (следственный судья) как главный орган будет выступать между стороной обвинения (прокурор, криминальная полиция) с одной стороны, и защитой – с другой. Судебный способ состязательного формирования доказательств должен быть господствующим.

Формирование уголовно-процессуального доказательства происходит в три этапа. Первый предварительный этап формирования доказательства завершается, когда у компетентного государственного органа, уполномоченного принимать решение о начале расследования, имеется высокая степень убеждения в том, что, возможно, совершено преступление, имеются признаки преступления и это позволяет ему принять решение о начале расследования, о производстве следственных действий и иных процессуальных действия, направленных на получение соответствующей информации, способной подтвердить или опроверг-

нуть данное предположение. Данное «обоснованное предположение» возникает у субъекта досудебного производства из совокупности полученных фактических данных о признаках преступления.

Второй предварительный этап формирования доказательства наступает, когда у правоохранительных органов возникает потребность в производстве следственных и процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы гражданина. У органов, ведущих расследование, должна быть такая совокупность фактических данных, которые бы убедили суд (следственного судью) в обоснованности подозрения конкретного лица в совершении преступления и необходимостью получения новой информации, подтверждающей подозрение посредством производства следственных действий, которые ограничивают конституционные права и свободы человека, а также применения к лицу мер государственного принуждения.

Третий предварительный этап формирования доказательств связан с достижением стандарта «высокой степени вероятности». Это доказательственный стандарт степени вероятности, которая является достаточной для предъявления обвинения. Он достигается при совокупности предварительных фактических данных, собранных в ходе предварительного расследования по уголовному делу, которые способны убедить следователя в том, что в ходе последующего судебного разбирательства, при отсутствии опровержения этих фактических данных обвинительный приговор в отношении обвиняемого будет вынесен с высокой степенью вероятности.

В связи с вышеизложенным, можно говорить о необходимости перехода на судебный порядок предъявления обвинения. Другими словами, третий этап формирования доказательств будет связан с формированием убеждения суда в необходимости утверждения «постановления о привлечении в качестве обвиняемого».

Переход на новый тип уголовного судопроизводства, доказывания фактов, принятия процессуальных решений по делу требует пересмотра ряда положений теории уголовно-процессуальных доказательств.

Таким образом, наши рассуждения о существующей теории уголовно-процессуальных доказательств обусловлены совокупностью объективных и субъективных причин, теоретических, идеологических, политических и даже экономических факторов.

Л. М. Хренова[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

И. Б. Тутынин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О РЕАБИЛИТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ученые-процессуалисты констатируют, что, к сожалению, институт реабилитации не вполне совершенен, о чем наглядно свидетельствует довольно скудная и порой противоречивая правоприменительная практика[3].

Ориентируясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, являющиеся составной частью российской правовой системы, Россия возложила на себя обязательства по предоставлению каждому, пострадавшему от действий должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства, возможности возмещения причиненного вреда.

Так, назначению уголовного судопроизводства в равной степени соответствует как уголовное преследование, справедливое наказание виновных, так и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), а вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод, подлежит возмещению (ч. 4 ст. 11 УПК РФ). На основе данных положений сформирован самостоятельный правовой институт «Реабилитация» (гл. 18 УПК РФ) и таким образом закономерно завершился длительный этап становления и развития теоретических и правовых основ реабилитации и возмещения вреда пострадавшим от действий должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства.

---

[1] © Хренова Л. М., 2018.

[2] © Тутынин И. Б., 2018.

[3] Химичева О. В., Бажанов А. В. Проблема реабилитации в уголовном судопроизводстве. Имущественный вред, подлежащий возмещению : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 3.

За отсутствием состава преступления уголовное дело подлежит прекращению в тех случаях, когда само деяние, по поводу которого возбуждено дело, налицо, однако в этом деянии отсутствует какой-либо признак преступления, относящийся к объекту, объективной стороне, субъекту или субъективной стороне. Обычно это такие случаи, когда расследуемое деяние оказывается не предусмотрено уголовным законом или совершено без вины либо при наличии необходимой обороны, крайней необходимости, добровольного отказа либо других обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 31, 37–42 УК РФ). Отсутствие состава преступления – реабилитирующее основание. Хотя в определенном смысле «похуже», чем отсутствие события. Если в последнем случае исключается не только уголовная ответственность, но и всякая другая (не было деяния – значит, не было ничего), то отсутствие состава преступления, означая невиновность подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, не исключает гражданско-правовой, например, имущественной, ответственности, а также моральной, поскольку определенные действия реабилитированным все-таки совершены, и они могут быть порицаемы. Согласно ч. 3 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния предусмотренного УК РФ возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.

За отсутствием состава преступления подлежит прекращению уголовное преследование и в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного УК РФ (так называемая ограниченная вменяемость). Эти правила в теоретическом отношении спорны.

«Презумпция неразумения», на которой базируются нормы об освобождении от уголовной ответственности лиц, не достигших определенного возраста, и отсутствие состава преступления – явления принципиально различные.

Отсутствие состава преступления – реабилитирующее основание освобождения от уголовной ответственности. Его применение означает, что гражданин оказался жертвой судебной, следственной или прокурорской ошибки (или всех вместе взятых ошибок) и что госу-

дарство по отношению к такому гражданину является должником, чего никак нельзя сказать ни про одиннадцатилетнюю убийцу, ни про ограниченно вменяемого семнадцатилетнего насильника, ни про тринадцатилетнего разбойника.

Прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления означает невиновность, которая влечет комплекс восстановительно-компенсационных правоотношений между государством, с одной стороны, и безвинно пострадавшим гражданином – с другой, тогда как извинения со стороны государства по адресу указанных лиц и возмещение причиненного им вреда выпадают из формулы справедливости и противоречат здравому смыслу. В УПК РСФСР (п. 5 ч. 1 ст. 5) не достижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность, предусматривалось как самостоятельное обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу. Уголовное дело подлежит прекращению по рассматриваемому основанию сразу же, безотлагательно, как только выяснится, что данное деяние совершено лицом, которое в силу своего возраста по закону (ст. 20 УК РФ) не несет уголовную ответственность за совершенное. Необходимость в доказывании других обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, отпадает.

Следует отметить, что несовершеннолетний может выступать субъектом правоотношений, возникающих при реабилитации в уголовном судопроизводстве по вышеуказанным основаниям. Право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. К восстановлению иных прав реабилитированного, который не является совершеннолетним, можно отнести восстановление в учебном заведении, из которого он был отчислен[1].

Некоторые авторы, посвящающие свои труды реабилитации в уголовном судопроизводстве, считают, что такое основание возникновения права на реабилитацию, как прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, в некоторых случаях не справедливо.

Например, когда за лицом, которое не достигло возраста уголовной ответственности за совершенное им преступление и подвергся уголовному преследованию, признается право на реабилитацию.

---

[1] Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002. С. 201; Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 92, 93.

Свою точку зрения они обосновывают тем, что в отличии от других оснований, указанных в ст. 133 УПК РФ, освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего на основании ч. 3 ст. 27 УПК РФ и признания за ним данного права не справедливо по отношению к другим, кто может обладать таким правом. Так как факт события преступления был, оно было совершенно, а преступник не только был освобожден от уголовной ответственности, но и может восстановиться во всех своих правах, которые были утрачены вследствие уголовного преследования.

После того, как несовершеннолетний будет освобожден от уголовной ответственности за отсутствием состава преступления, возможно, приобретет статус реабилитированного, его правоотношения с правоохранительными органами не прекращаются. Так, на основании Приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно опасное деяние и не подлежащих уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством подразделения по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую беседу. Данные подразделения выявляют причины и условия, которые способствовали совершению этих преступлений, осуществляют непосредственное обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетних, их социально-педагогическую реабилитацию и оказывают воспитательное влияние на несовершеннолетнего правонарушителя.

Таким образом, лицо восстанавливается во всех своих правах, несмотря на то что оно может являться виновным, а подразделения по делам несовершеннолетних осуществляют меры по исправлению поведения малолетнего правонарушителя.

Совершенствование современного института реабилитации в уголовном судопроизводстве является важным шагом на пути развития российского общества, призвания государством своей ответственности за действия властных органов и должностных лиц, а также исполнения своих обязательств по возмещению вреда каждому, кто пострадал от их незаконных или необоснованных действий.

В. Н. Чаплыгина[1],
доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА СВОЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

Отталкиваясь от смысла ст. 6 УПК РФ, называющей приоритетом стадии предварительного расследования, в том числе и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, отметим, что одним из важнейших интересов пострадавшего является возмещение причиненного преступлением вреда. Нельзя не согласиться с тем, что гражданский иск в уголовном деле является одним из наиболее существенных процессуальных средств защиты нарушенных имущественных или моральных прав и интересов потерпевшего и гражданского истца. Если потерпевшему причинен какой-либо из данных видов вреда, то главный его интерес (помимо наказания преступника) состоит в возмещении причиненного преступлением вреда.

Забегая вперед, отметим, что состав противоправных действий одного из субъектов общественных отношений закреплен в нормах УПК РФ и процессуальная форма правоприменения этих норм так же там закреплена. Поэтому гражданский иск представляет собой процессуальные отношения по восстановлению нарушенных прав потерпевшего и является уголовно-процессуальным институтом. Отсюда вытекает ошибочное положение, что при запрете «соединенного» процесса потерпевшему приходится вынести тяжесть и уголовного, и гражданского процессов. Однако мы считаем, что в этом нет необходимости, т. к. в порядке уголовного судопроизводства устанавливаются все обстоятельства, в том числе касающиеся причиненного ущерба. Повторное рассмотрение в судебных органах обстоятельств того же правонарушения, влекущего как уголовно-правовые, так и гражданско-правовые последствия, является излишним.

Бесспорным плюсом «смешанного процесса» является то, что потерпевший «освобождается от необходимости дважды участвовать в судебном разбирательстве и, следовательно, подвергаться дополнительным переживаниям, вызываемым исследованием обстоятельств совершенного преступления. Подсудимый также не должен дважды представать пе-

[1] © Чаплыгина В. Н., 2018.

ред судом: сначала по уголовному делу, а затем в качестве ответчика в гражданском процессе. Свидетели, переводчики, эксперты и другие лица не отвлекаются вторично от своих обычных занятий»[1].

Кроме того, при рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного дела гражданский истец освобождается от оплаты государственной пошлины, а также от доказывания своих исковых требований, как того требует гражданское судопроизводство. В уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования процесс доказывания, в том числе и исковых претензий гражданского истца, возлагается на лицо, осуществляющее производство по уголовному делу.

С одной стороны, это большой плюс для потерпевшего, с другой – это связано с дополнительной работой, затратами сил и времени следователя (дознавателя), осуществляющего производство по уголовному делу. Поэтому, зная, что в соответствии с ч. 2 ст. 44 УПК РФ появление в уголовном деле процессуальной фигуры гражданского истца возможно с момента возбуждения уголовного дела до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции (не до момента окончания предварительного расследования), он, как правило, не желает возлагать на себя бремя доказывания исковых требований. Потерпевший (пострадавший) в данном случае либо оказывается совсем не уведомленным о праве заявить гражданский иск, либо получает искаженное уведомление о возможности заявить его не на стадии предварительного расследования, а в суде, в связи с чем гражданские иски в рамках уголовного дела, заявляются крайне редко. А исковые заявления о возмещении морального вреда вовсе отсутствуют.

С целью повышения эффективности применения данной нормы закона, предлагаем ввести норму, закрепляющую обязательное принятие искового заявления на стадии предварительного расследования в случае, если потерпевший (пострадавший) либо его представитель желает возместить причиненный ущерб и хочет заявить гражданский иск[2].

---

[1] Владимирова В. В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 7.

[2] Булыжкин А. В., Чаплыгина В. Н. Представитель гражданского истца как полноправный участник со стороны обвинения на стадии предварительного расследования : сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола «Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования». Орел: ОрЮИ МВД РФ имени В. В. Лукьянова 2017. С. 27–30.

Мы полагаем, что нельзя исключить гражданский иск из уголовного процесса, т. к. это может дать определённые привилегии подозреваемому (обвиняемому) и лишит лицо, пострадавшее от преступления, ряда конституционных прав и гарантий. Поэтому институт гражданского иска в уголовном процессе необходимо в полной мере исследовать и надлежащим образом закрепить в нормах уголовно-процессуального закона.

В процессе развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства изменялся и институт гражданского истца в уголовном процессе. Так, согласно УПК РСФСР гражданским истцом признавались лишь те лица, которым преступлением причинен материальный вред. Однако с принятием УПК РФ на первое место вышло обеспечение интересов и расширение прав гражданского истца как участника уголовного процесса. В связи с этим гражданским истцом в современном уголовном процессе является лицо, которому причинен имущественный или моральный вред. На стадии предварительного расследования в соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданским истцом признается физическое или юридическое лицо, которое заявило о возмещении причиненного ему вреда (морального, материального); данный вред причинен непосредственно данным преступлением; в отношении данного лица вынесено следователем (дознавателем) постановление о признании его гражданским истцом.

Кроме того, в уголовном процессе гражданскими истцами являются лица, к которым переходят права умершего потерпевшего и гражданского истца, т. е. их правопреемники, а также законные представители несовершеннолетних лиц и лиц, признанных недееспособными, что дает основание полагать то, что понятие гражданского истца уже понятия потерпевшего. А законное требование потерпевшего о возмещении ущерба, причиненного преступлением, выражается в заявлении гражданского иска, который в большинстве случаев подлежит рассмотрению при постановлении приговора.

Отметим, что в уголовно-процессуальном законе нет прямого указания на то, что гражданский истец является потерпевшим, однако в ч. 3 ст. 44 УПК РФ четко указано на то, что несовершеннолетние, лица, признанные недееспособными либо частично дееспособными, не могут быть гражданскими истцами. Однако по нашему мнению, несовершеннолетний потерпевший, несмотря на отсутствие у него дееспособности,

вправе лично участвовать в уголовном деле в качестве гражданского истца, исходя из наличия у него гражданской правоспособности[1].

Однако в соответствии с ч. 1 ст. 42 и ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен сразу после возбуждения уголовного дела, т. е. гражданский истец и его представитель может начать участие в уголовном деле раньше, чем потерпевший и его представитель. Кроме того, в ряде уголовных дел потерпевший и гражданский истец являются разными лицами. Следовательно, нельзя отождествлять потерпевшего и гражданского истца. Не одинаковы и объемы их прав и обязанностей, что дает основание полагать, что объем прав представителя потерпевшего и представителя гражданского истца не одинаков.

Представителями гражданского истца физического лица согласно ст. 45 УПК РФ могут быть адвокаты, а юридического лица – иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. Кроме того, по постановлению мирового судьи в качестве представителя гражданского истца может быть допущен один из его близких родственников либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует гражданский истец. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О и № 447-О устанавливают, что ч. 1 ст. 45 УПК РФ не исключает возможности привлечения в качестве представителя по ходатайству потерпевшего или гражданского истца иных – помимо адвокатов – лиц, в том числе, близких родственников. На основании изложенного можно сделать вывод, что в настоящее время представителем гражданского истца может быть любое лицо, полномочия которого отражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом.

Законные и договорные представители гражданского истца – самостоятельные участники уголовного судопроизводства и обладают достаточным процессуальным статусом. Они имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Равенство в правах представляемых и их законных представителей в некоторых случаях

---

[1] Чаплыгина В. Н., Калюжный А. Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса : сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка «Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования». Орел, 2016. С. 399–403.

носит абсолютный характер. В частности, ст. 25 УПК РФ позволяет прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон как на основании заявления потерпевшего, так и на основании заявления его законного представителя, если их мнения совпадают. В противном случае закон остается на стороне представляемого.

Представитель гражданского истца не может осуществлять права, которые носят личный характер, – давать показания, отказаться от иска. Полагаем, что по аналогии с правом представителя потерпевшего прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон, представитель гражданского истца может отказаться от гражданского иска в случае согласия на то представляемого.

Согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ, учитывая ч. 4 ст. 44 УПК РФ, представитель гражданского истца на стадии предварительного расследования имеет те же права, что и представляемое им лиц, поэтому и проблемы реализации прав данных участников на стадии предварительного расследования схожие. Так, несмотря на то, что согласно п. 5 и п. 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ представитель гражданского истца имеет право давать показания на родном языке или языке, которым владеет, и эти показания будут использоваться в качестве доказательств, отсутствует установленная форма допроса представителя гражданского истца.

Подводя итог, отметим, что исходя из заложенного в п. 45–47 ст. 5 УПК РФ смысла, на стадии предварительного расследования гражданский истец и его представитель признаны участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Причем данный участник уголовного процесса не обязательно должен осуществлять уголовное преследование лично. Исходя из указанных положений, уголовное преследование осуществляется в отношении установленного лица, т. е. пока нет подозреваемого или обвиняемого, нет и уголовного преследования. Иными словами, данный вид деятельности никем не осуществляется, несмотря на то, что гражданский истец (его представитель) в это время уже есть. С момента появления в уголовном процессе подозреваемого или обвиняемого в отношении указанных лиц начинается уголовное преследование. Деятельность по уголовному преследованию может осуществляться и без существенного вклада пострадавшего, потерпевшего и гражданского истца. Однако, цели данных субъектов совпадают с целями и задачами предварительного расследования, что позволяет отнести гражданского истца и его представителя к стороне обвинения.

Д. В. Шаров[1],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИНТЕРЕС В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА (ТЕЗИСЫ)

1. Понятие «интерес» в уголовно-процессуальном праве используется достаточно широко, начиная со ст. 6 УПК РФ, где определено назначение данного вида государственной деятельности.

Далее, термин «интерес» встречается и в других статьях УПК РФ, причем, в различных контекстах: «законные интересы участников уголовного судопроизводства» (ст. 226^{8}), «законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления» (ст. 6), «интересы несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля» (ст. 191), «интересы несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого» (ст. 426), «интересы подозреваемого, обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности» (ст. 46, 47), «законные интересы свидетеля» (ст. 189), «интересы предварительного расследования» (ст. 96), «интерес обеспечения безопасности участников судебного разбирательства» (ст. 241), «интересы граждан, общества или государства» (ст. 23), «интересы законности» (ст. 412^{12}) и др.

Однако, расшифровка данного понятия в УПК РФ отсутствует, а его использование в различных контекстах свидетельствует об отсутствии единообразного подхода не только у законодателя, но и среди ученых.

2. Термин «интерес» произошел от латинского слова *interest* и означает «имеет значение», «важно»[2].

В современном русском языке он употребляется в следующих основных значениях: внимание, любопытство, занимательность, увлекательность; то, что составляет предмет мыслей, забот и желания; важность, значительность; корысть, выгода, польза, прибыль, благо; стремления, нужды, запросы, потребности[3].

---

[1] © Шаров Д. В., 2018.

[2] Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1984. С. 495.

[3] Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 395.

Юридическая справочная литература обходит своим вниманием категорию «интереса», ограничившись рассмотрением его разновидностей: «страхового интереса»[1], «интереса имущественного»[2], а также «публичного интереса» и «действий в чужом интересе»[3]. Редким исключением является Краткая энциклопедия по общей теории права, в которой приводится понятие «правового интереса» как осознанной личностью необходимости использовать правовые средства для удовлетворения существующих потребностей, т. е. юридически значимых действий[4].

Неудивительно, что по поводу сущности столь многогранного термина отсутствует единство и среди правоведов.

3. Возьмем только один аспект указанного понятия: объективна или субъективна данная категория в юриспруденции?

« … Абсолютное большинство ученых-юристов (и этот факт обращает на себя внимание), специально исследовавших данную категорию, придерживаются объективной трактовки интересов»[5]. Исходя из этой концепции, интересы существуют изначально в объективной социальной реальности, вне и независимо от сознания субъекта. Интересы формируются общественными отношениями и всецело определяются внешними по отношению к субъекту условиями, и, хотя они осознаются субъектом, однако субъективное отражение интересов не входит в их структуру, а проявляется лишь на этапе реализации[6].

Но есть и иное, гораздо менее распространенное мнение. Ряд ученых рассматривают интерес как субъективную категорию, принадле-

---

[1] Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии). М. : Книжный мир, 2010.

[2] Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. Большой юридический словарь. М. : Инфра-М, 2001; Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2007.

[3] Юридическая энциклопедия / М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова; под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. 6-е изд., доп. и перераб. М. : Изд. Тихомирова М. Ю., 2012.

[4] Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 2007.

[5] Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 1990. С. 31.

[6] См.: Глезерман Г. Е. Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. – 1966. – № 10. – С. 18; Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 6; Сабикенов С. Н. Об объективном характере интереса в праве // Советское государство и право. – 1981. – № 6. – С. 39 и др.

жащую только к области воли и сознания субъекта[1], определенное психическое отношение личности к объектам и явлениям. Согласно данной позиции, вне субъекта имеются явления, предметы, процессы, которые обуславливают интерес, но вне субъекта интерес не существует. Так, В. Г. Афанасьев указывает: «Интерес … категория субъективная, в том смысле, что вне сознания определенного субъекта (личности, коллектива, общества) интереса быть не может»[2].

Еще более специфичной является точка зрения, определяющая интересы как два взаимосвязанных, но в известной степени автономных ряда явлений – социальные и психологические интересы. Между объективными и субъективными интересами, считают сторонники данного подхода, «необходимо проводить четкую грань, четкое различие, точно такое, какое проводят между материальными и идеальными явлениями. Иначе говоря, термин «интерес» несет двойственное смысловое значение, выражая два качественно относительно самостоятельных явления, хотя и связанных между собой»[3].

4. Наиболее целостно понятие «интерес» раскрывается с позиций объективно-субъективного подхода[4].

Интерес объективен в том смысле, что он вытекает из реальных условий и потребностей жизни, выступает продуктом объективных потребностей, необходимость удовлетворения которых заставляет личность именно через интересы вступать в определенные общественные отношения.

В то же время интерес нельзя отрывать от субъекта как его носителя, от его сознания. Вне сознания существуют не интересы, а те жизненные условия, из которых они возникают[5].

---

[1] Михны В. Соотношение личности и общества при социализме : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1956. С. 41 и др.

[2] Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973. С. 312–313.

[3] Князев В. В., Куфтырев А. И., Фетисов А. С. О природе интереса как социологического явления / // Вестник Моск. Гос. Ун-та. Сер. Философия. – 1968. – № 4. – С. 13.

[4] См., в частности, Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 235–237; Малько А. В. Законные интересы советских граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 5; Першина И. В. Интерес в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002 и др.

[5] Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия // Теоретические вопросы субъективного права. Саратов, 1972. С. 211

По мнению С. М. Петрова и Г. А. Туманова, с объективной стороны интерес – это предшествующая осознанию потребность и данные субъекту возможности ее удовлетворения, а с субъективной – это потребность, которая осознается прежде всего через необходимость ее удовлетворения[1]. Однако следует отметить, что «данные субъекту возможности удовлетворения потребности» надлежит рассматривать как факторы, способствующие удовлетворению интереса, но не в качестве самостоятельной составляющей последнего.

Объективная сторона интереса – это признание некой необходимости удовлетворения потребности лица обществом, государством, в то время как субъективная – результат осознания лицом потребности и стремления к ее удовлетворению. Причем, деятельность субъекта по удовлетворению интереса также не является составляющей последнего.

5. Анализ правовой природы «интереса» показал, что отечественная юриспруденция не выработала ее единого понимания. Одни ученые считают «интерес» объективной категорией, другие – субъективной, третьи – единством объективного и субъективного. В то же время сторонники интерпретации интереса в качестве объективного явления не отрицают наличия в нем субъективных моментов, а приверженцы рассмотрения интереса как составляющей психической деятельности оговаривают его материальную, объективную обусловленность.

Каждый из рассмотренных подходов имеет определенную ценность для понимания категории «интерес». Однако обладающей наибольшими объяснительно-прогностическими свойствами и наиболее плодотворной для отраслевых юридических наук, на наш взгляд, является объективно-субъективная концепция интереса.

Именно она должна быть положена в основу понимания интереса в уголовном судопроизводстве.

---

[1] Петров С. М., Туманов Г. А. Категория интереса в теории советского государственного управления // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 14.

М. Н. Шувалов[1],
старший преподаватель кафедры криминалистики четвертого
факультета повышения квалификации
(с дислокацией в г. Нижний Новгород) Института
повышения квалификации Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

М. И. Чувствина[2],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России

АДВОКАТ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В уголовном процессе Российской Федерации адвокат может выступать в роли защитника, представителя или обвинителя, что является формами участия, при помощи которых участники уголовного процесса реализуют свои права на получение квалифицированной юридической помощи, которая необходима для защиты ими своих интересов.

Адвокат – защитник является в уголовном судопроизводстве субъектом стороны защиты, адвокат-представитель в свою очередь может входить в состав как стороны защиты, так стороны обвинения. Особенность процессуального статуса представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя заключается в том, что законодатель в уголовном судопроизводстве объединяет их в одну группу «сторона обвинения».

Профессиональное представительство, по нашему мнению, является самым действенным механизмом в реализации своих прав и законных интересов, который в сочетании с нормами уголовно-процессуального законодательства помогает участникам уголовного процесса осуществлять предоставленные им права и является своеобразной гарантией прав участников уголовного судопроизводства.

Профессиональные представители (адвокаты) помогают обеспечить правильность применения закона, строгое соблюдение норм процесса, которые гарантируют защиту личности, ее прав и свобод.

Права адвоката, выступающего в качестве представителя, аналогичны правам того участника, представителем которого он является. Также

[1] © Шувалов М. Н., 2018.
[2] © Чувствина М. И., 2018.

необходимо помнить, что представителем может быть не только адвокат, но и близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец, имеющие возможность осуществлять защиту.

Участие в уголовных делах потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, частного обвинителя лично не лишает их права иметь представителя, который участвует в процессе совместно с доверителем, в том числе и на профессиональное представительство, то есть получение квалифицированной юридической помощи адвоката.

Необходимо отметить, что квалифицированная юридическая помощь и профессиональное представительство может осуществляться не только адвокатами, но и лицами, имеющими соответствующее профессиональное образование и практический опыт[1].

В научной литературе предлагалось закрепить в УПК РФ нормы об обязательном участии адвоката как представителя потерпевшего, в случаях его недееспособности, обусловленной возрастом или состоянием здоровья. Однако для таких участников уголовного процесса и существует законное представительство. Именно такая позиция Верховного Суда Российской Федерации отражена в постановлении Пленума от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Таким образом, можно сделать вывод, что законным представителем в уголовном процессе может быть признан родственник, который по семейному законодательству таковым не является. Считаем, что такое решение является верным, так как на практике иногда возникают ситуации, которые требуют нестандартного подхода. К примеру, возможна ситуация, когда у такого потерпевшего нет ни законных представителей, ни родственников, либо они действуют во вред его правам и законным интересам, а органы опеки и попечительства не заинтересованы в защите потерпевшего. Считаем, что именно в такой ситуации правомерно привлечении адвоката в качестве представителя потерпевшего для обес-

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-0 «По жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ»» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»».

печения реализации его прав и законных интересов, что предусмотрено ст.16, 50 и 51 УПК РФ.

Основаниями участия адвоката, как представителя в производстве по уголовному делу, являются соглашение об оказании юридической помощи, которое заключено в соответствии со ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» процессуальные решения, принятые лицом, производящим расследование уголовного дела, о допуске представителя, на которого укажет сторона (потерпевший, гражданский истец или ответчик), и об обязательном участии представителя в случае необходимости представления и защиты несовершеннолетнего лица или лица, которое по своему физическому либо психическому состоянию неспособного защищать свои права и законные интересы.

Адвокат, выступающий в досудебном производстве по уголовному делу в качестве представителя стороны обвинения, имеет право на собирание доказательств методами и способами, представленными законодателем, как и адвокату-защитнику, а также наделен правами, предоставленными ему ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Адвокат – представитель потерпевшего или гражданского истца в ходе предварительного расследования осуществляет функцию защиты прав доверителей, то есть деятельность, которая непосредственно направлена на недопущение нарушения прав и законных интересов доверителя, на обоснование материальной компенсации за причиненный материальный ущерб и моральный вред, причиненные совершением преступления. Адвокат – представитель принимает все меры, разрешенные законом для возмещения причиненных доверителю убытков и оказания ему необходимой юридической помощи.

Адвокат-представитель обладает процессуальной самостоятельностью в ходе предварительного расследования. Без указанной самостоятельности адвокат-представитель просто не сможет решать поставленные перед ним в данном статусе задачи, а именно защита прав и законных интересов доверителя. Однако, необходимо отметить, что указанная самостоятельность все-таки имеет пределы: позиция адвоката не должна идти в разрез с позицией доверителя.

По нашему мнению, для более эффективной реализации возложенных на адвоката в статусе представителя функций, он не должен быть связан волей доверителя в тех вопросах, где требуется его компетентность в вопросах юриспруденции. На практике, потерпевший или граж-

данский истец, заключающие договор оказания юридической помощи с адвокатом, являются в большинстве случаев юридически неграмотными, что исключает их «последнее слово» в таких правовых вопросах, как правильность правовой квалификации действий подозреваемого, решение вопросов оценки доказательств, об их недопустимости. Считаем, что и в вопросе отводов лицам, участвующим в деле, адвокат-представитель не должен быть связан волей потерпевшего. Что же касается вопросов, которые выходят за рамки правовых, адвокат-представитель должен руководствоваться волеизъявлением своего доверителя.

Основополагающим принципом защиты является солидарность адвоката-защитника и подзащитного, то есть когда их действия солидарны, гармонируют между собой, дополняют друг друга. Указанный принцип можно применить и к защите интересов потерпевшего или гражданского истца адвокатом – представителем, так как потерпевший от адвоката-представителя ждет поддержки, рассчитывает на действенную помощь с его стороны, и уж никак не причинения вреда в результате действий адвоката – представителя.

Подводя итог, необходимо отметить, что полностью разногласия исключить невозможно, т. к. адвокат-представитель вполне самостоятельный участник уголовного процесса, а также профессиональный юрист в отличие от доверителя, который может и должен в силу своего профессионализма иметь собственное мнение по вопросам, касающимся производства предварительного расследования по уголовному делу, обоснованное его опытом и профессиональными знаниями.

Однако, если лишить права самостоятельности адвоката-представителя, то он будет лишь проводником пожеланий представляемого лица, что в принципе неприемлемо, так как он утратит свое предназначении в данном статусе и не сможет защищать права и интересы своего доверителя.

Решение данного вопроса предусмотрено законодателем в виде отказа адвоката-представителя от защиты своего доверителя, то есть, если желания и волеизъявления доверителя вступают в противоречие с законом, то адвокат имеет право отказаться от защиты.

То обстоятельство, что адвокат представляет интересы потерпевшего (гражданского истца) в ходе предварительного расследования не делает его защитником любых интересов доверителя и не дает ему права на использование любых методов и способов защиты прав своего доверителя.

В заключение хотелось бы отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство в полной мере не обеспечивают реализацию полномочий адвоката как представителя. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 45, ч. 2 ст. 55 УПК РФ представитель имеет те же права, что и представляемый участник уголовного процесса. Таким образом, адвокат обладает лишь теми правами, которые предоставлены законодателем участникам. Согласимся с мнением Л. В. Денисова о том, что у адвоката – защитника прав значительно больше[1]. На основании изложенного, можно сделать вывод, что нарушен принцип состязательности и равенства сторон, поскольку адвокат – защитник и адвокат – представитель не равны в своих правах.

Для устранения данного пробела в законодательстве, по нашему мнению, необходимо внести изменения в соответствующие статьи УПК РФ, а именно, что адвокат-представитель имеет так же права, предусмотренные «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

[1] Денисов Л. В., Шувалов М. Н. Права защитника на стадии предварительного расследования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 191–195.

Н. Г. Шурухнов[1],
профессор кафедры организации правоохранительной
и правозащитной деятельности Тульского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор

И. В. Воеводина[2],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России

ВИДЫ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ – ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ – ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ: ИХ КОМПЕТЕНЦИЯ ПО УПК РФ

Анализ отдельных норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что ими определено два вида органов дознания[3], различных по своему внутреннему (организационно-правовому) построению и уголовно-процессуальной компетенции.

В первый вид входят органы дознания – юридические и должностные (физические) лица, *обладающие полной уголовно-процессуальной компетенцией по осуществлению дознания*. Во второй – юридические и должностные (физические) лица, наделенные *усеченной (частичной) уголовно-процессуальной компетенцией.*

Органами дознания, составляющими первый обозначенный вид, являются:

а) юридические лица – органы дознания:

– органы внутренних дел;

– органы Федеральной службы судебных приставов;

– органы государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы;

– органы исполнительной власти, наделенные федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности в соответствии с п.1 ч.1 ст. 40 УПК РФ[4];

---

[1] © Шурухнов Н. Г., 2018.

[2] © Воеводина И. В., 2018.

[3] Мичурина О. В. Некоторые замечания о системе органов дознания и необходимости ее совершенствования // Законодательство. – 2007. – № 2. – С. 80–85.

[4] В федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России) в соответствии с п. 8 ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» это – главное оперативное управление ФСИН России, оперативные подразделения отдела, управлений, главных управлений ФСИН России по субъектам Российской Федерации (как представители органов исполнительной власти).

б) должностные (физические) лица:

– начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации;

– командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов.

Обладая полной уголовно-процессуальной компетенцией по производству дознания перечисленные органы и должностные лица осуществляют:

1) дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно (в соответствии с гл. 32 УПК РФ);

2) выполняют неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (на основании ст. 157 УПК РФ);

3) осуществляют иные, предусмотренные УПК РФ полномочия.

2. Юридические и должностные лица, наделенные *усеченной (частичной) уголовно-процессуальной компетенцией*[1], составляют второй вид органов дознания. Указанная компетенция рассчитана на исключительные случаи, когда на определенной территории обозначенным в законе субъектом совершено преступление, требующее незамедлительного принятия решения о возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ). К таким юридическим и должностным лицам относятся:

а) юридические лица – органы дознания:

– органы дознания, указанные в п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ[2]. Они проводят неотложные следственные действия по всем уголовным делам, за исключением тех, по которым осуществляют неотложные следственные действия другие уполномоченные органы и должностные лица. Исключением для них являются и уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199^2 УК РФ;

– органы федеральной службы безопасности по уголовным делам о преступлениях, подследственных следователям ФСБ России;

– таможенные органы – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 173^1, 173^2, 174, 174^1, 189, 190, 193, 193^1, ч. 3 и 4

---

[1] Статья 157 УПК РФ в ч. 1 говорит об органах дознания, которые возбуждают уголовное дело при наличии признаков преступления, а в части второй – об органах и должностных лицах, которые производят неотложные следственные действия.

[2] Однако там речь идет не об органах, а о дознавателях органов внутренних дел Российской Федерации.

ст. 194, ч. 2 ст. 200[1], ст. 200[2], 226[1], 229[1] УК РФ, выявленных таможенными органами;

б) должностные лица, обладающие частичной уголовно-процессуальной компетенцией, органа дознания:

– начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации; командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов. По уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона;

– начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы[1]. По уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений[2] и органов иными лицами;

---

[1] В соответствии с п. 14 ст. 16 УИК РФ к учреждениям уголовно-исполнительной системы относятся: 1) уголовно-исполнительная инспекция; 2) исправительный центр; 3) арестный дом; 4) колония-поселение; 5) воспитательная колония; 6) лечебное исправительное учреждение; 7) исправительная колония общего режима; 8) исправительная колония строгого режима; 9) исправительная колония особого режима; 10) тюрьма; 11) следственный изолятор (в отношении определенной категории осужденных); 12) исправительная колония особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

УИК РФ, в соответствии с законом Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», в главах 16 и 17 перечисляет следующие исправительные учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы: исправительные колонии общего режима (ст. 120 УИК РФ); исправительные колонии строгого режима (ст.122 УИК РФ); исправительные колонии особого режима (ст. 122 УИК РФ); исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы (ст. 126 УИК РФ); колонии-поселения (ст. 128 УИК РФ); тюрьмы (ст. 130 УИК РФ); воспитательные колонии (ст. 132 УИК РФ).

[2] Более подробно см.: Мичурина О. В. О компетенции государственных органов и должностных лиц в уголовном судопроизводстве и ее разграничения на примере органов дознания» // Российский судья. – 2006. – № 6. – С. 28–31; Мичурина О. В. О перспективах совершенствования института дознания // Адвокатская практика. – 2008. – № 2. – С. 25–28; Цукрук М. В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.

– капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах;

– руководители геологоразведочных партий и зимовок, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз;

– главы дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений[1].

Разграничивая направления процессуальной деятельности органов дознания – юридических и должностных лиц, профессор И. М. Гуткин пришел к следующему выводу: «Для руководителя учреждения как органа дознания характерно, что его процессуальная деятельность направлена внутрь учреждения, осуществляется в отношении лиц, подчиненных ему по службе. Производство дознания в руках руководителя учреждения является одним из средств обеспечения соблюдения дисциплины и порядка подчиненными ему лицами. Когда органом дознания является учреждение, то его процессуальная деятельность направлена вне учреждения, в отношении лиц, которые не связаны с этим учреждением отношениями служебной подчиненности»[2].

Анализируемые нами должностные лица находятся в различных правоотношениях с заранее известной категорией граждан, которые призваны исполнять правила внутреннего распорядка, пребывать в специфических условиях, нести повышенную административную или дисциплинарную ответственность, иметь определенные правоограничения, выполнять распоряжения, приказы руководителя (единоначальника), слу-

---

[1] Об организационно-правовых основах производства следственных действий см.: Петуховский А. А., Шурухнов Н. Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.). М. – Тула, 2002; Россинский С. Б. Организационно-правовые основы производства следственных действий // Следственные действия. М. : НОРМА, 2018. С. 72–178.

[2] Гуткин И. М. Вопросы совершенствования процессуального и организационного руководства в сфере дознания // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. М., 1984. С. 5–6.

жебные обязанности которого не связаны с уголовно-процессуальной деятельностью.

Для дополнительной аргументации приведенных положений, приведем высказывание профессора О. В. Мичуриной, в котором сказано, что специфическим признаком органов дознания – юридических лиц является их неопределенность как участников уголовного судопроизводства, так как из наименования самого органа нельзя четко узнать, какие именно его должностные лица осуществляют процессуальные полномочия органа дознания. Что касается органов дознания должностных лиц, то они персонифицированы в виде конкретного должностного лица, который и наделен соответствующим процессуальным статусом[1].

Два вида обозначенных нами органов дознания отличаются по организационно-правовой структуре. Одни из них имеют подразделения дознания со штатными дознавателями и такой процессуальной фигурой, как начальник подразделения дознания (ст. 40^1 УПК РФ). Этого в полном объеме нет в структуре органов Федеральной службы судебных приставов, нет и в структуре органа дознания – должностного лица – командира воинской части, где отсутствует даже штатный дознаватель. А также в органах дознания – федеральных органах исполнительной власти – ФСИН России и территориальных органах исполнительной власти (отделе, управлениях, главных управлениях) ФСИН России, в структуре которых также нет подразделений дознания с их начальниками. Штатное расписание обозначенных органов не знает и такой должности, как дознаватель. Функцию дознания применительно к обозначенным органам нельзя назвать даже второстепенной. Их назначение состоит в организации деятельности учреждений, исполняющих наказания.

Следует кратко затронуть и специфику деятельности 1) органов дознания, имеющих подразделения дознания, 2) органов дознания, не имеющих в своей структуре подразделения дознания, 3) органов дознания, уполномоченных федеральным законом, 4) органов дознания должностных лиц и 5) должностных лиц, наделенных правом возбуждения уголовного дела и выполнения неотложных следственных действий.

1. Если в органе дознания есть подразделение дознания с должностями начальника подразделения, заместителя начальника, старших дознавателей, дознавателей (в зависимости от штатного расписания, которое предопределено объемом работы и нагрузки на одного дознавателя),

[1] Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008. С. 99.

то в таком случае решение процессуальных вопросов регламентировано ст. 40, 40^1, 41, главой 32 УПК РФ.

2. В тех органах дознания, где нет подразделения дознания, но есть штатные дознаватели, все процессуальные вопросы решаются с руководителем (начальником) органа дознания. Как представляется, в рассматриваемом случае в качестве органа дознания выступает соответствующий руководитель, который вправе лично расследовать преступление, самостоятельно принимать по нему предусмотренные уголовно-процессуальным законом решения. Однако практически так не бывает по той причине, что орган дознания – юридическое лицо, многофункциональное образование. Поэтому руководитель (начальник) поручает расследование штатному дознавателю, а при его отсутствии – должностному лицу (из числа государственных служащих), имеющему необходимые правовые знания и обладающему навыками осуществления процессуальной деятельности. Такое лицо должно быть уполномочено на производство дознания специальным приказом руководителя (начальника) или его заместителя.

Исходя из этого, лицо, производящее дознание, – это должностное лицо, которому начальник органа дознания поручил производство дознания по уголовному делу. Именно с этого момента оно приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные права, обязанности. При поручении расследования подчиненному должностному лицу начальник органа дознания в полной мере несет ответственность за раскрытие преступления, изобличение виновных, обеспечение возмещения причиненного материального ущерба. Он также несет ответственность за качество и сроки проведения дознания. В соответствии с нормами УПК РФ наиболее важные решения по делу принимает орган дознания. Ответственность за решения и действия, относящиеся к компетенции органа дознания, должны нести как начальник органа дознания, так и лицо, производящее дознание. «Указания... начальника органа дознания, данные в соответствии с настоящим Кодексом, обязательны для дознавателя. При этом дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания прокурору... Обжалование данных указаний не приостанавливает их исполнения» (ч. 4 ст. 41 УПК РФ).

3. Органы дознания, уполномоченные федеральным законом, например, ФСИН России и территориальные органы ФСИН России (отдел, управления, главные управления), по аналогии с приведенным выше, олицетворяют соответствующие начальники. Поручать проведение дознания оперативным уполномоченным оперативного управления, отде-

ла, отделения, в силу запрета закона, они не могут, несмотря на то, что они, как показывает практика, являются наиболее компетентными. Поэтому эту функцию руководителям придется возложить посредством приказа на наиболее подготовленных служащих.

4. Орган дознания – должностное лицо. Если речь идет об органе дознания – командире воинской части, соединения, начальнике военного учреждения, гарнизона, то понятия «начальник органа дознания» – «орган дознания» – «должностное лицо» совпадают, так как в этих случаях «… дознание является не частью деятельности этого учреждения, а специфическим полномочием руководителя»[1].

5. Должностные лица, частично (на определенный случай) наделенные полномочиями органа дознания – по возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий. Здесь также имеет место совпадение: «должностное лицо» – «частичные полномочия органа дознания» – «единоначальник». Исходя из практики, начальник исправительного учреждения поручает производство дознания наиболее опытному в правовом отношении сотруднику, но не из числа оперативных работников. Его решение закрепляется приказом (распоряжением), должностной инструкцией, регламентом с указанием возложения полномочий дознавателя. Таким образом, происходит делегирование части усеченных полномочий органа дознания. Поэтому все наиболее важные процессуальные решения, связанные с вторжением в законные права и интересы граждан, в процессе производства неотложных следственных действий сотрудник-дознаватель обязан согласовывать с начальником исправительного учреждения.

Из содержания приведенных нами норм федеральных законов усматривается еще одна функция органа дознания, родственная, но не тождественная уголовно-процессуальной – осуществление оперативно-розыскной деятельности[2] в целях защиты жизни, здоровья, прав и сво-

---

[1] См.: Гуткин И. М. Вопросы совершенствования процессуального и организационного руководства в сфере дознания // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. М., 1984. С. 6.

[2] Статья 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», определяющая правовое положение *учреждений, исполняющих наказания*, наряду с другими, предоставила им право «осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность» (п. 2) и «производить в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях и порядке уголовно-процессуальные действия» (п. 11).

бод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Ранее высказывалась точка зрения, согласно которой дознание, проводимое органами внутренних дел, включает в себя как процессуальную, так и оперативно-розыскную деятельность[1]. Такой подход признавался неправильным и подвергался конструктивной критике уже в тот период времени. Считалось, что такая позиция «основывается на смешении двух частично совпадающих, но не тождественных понятий: дознание и деятельность органов дознания. Последнее гораздо шире и включает в себя дознание (процессуальную деятельность) и оперативно-розыскную деятельность, другие виды деятельности органов внутренних дел»[2] (обеспечение правопорядка в общественных местах, охрану имущества и объектов).

Имея в виду сосредоточение двух указанных функций в одном органе, законодатель специально указал на недопустимость возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК РФ). Как бы усиливая данное положение, Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 53-ФЗ в ч. 3 указанной статьи был введен п. 1^1, расширяющий и конкретизирующий полномочия дознавателя.

В нем говорится, что «дознаватель уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении».

С точки зрения разделения функций, вроде бы все правильно и понятно. Однако воспринимается это положение с определенной долей иронии: поручения дознаватель будет давать начальнику органа дознания, руководителю, который сам и возложил на конкретное физическое лицо полномочия органа дознания по расследованию преступления в форме дознания.

---

[1] См., напр.: Иванов В. А. Дознание в советском уголовном процессе. Л., 1966.

[2] Петуховский А. А. Дознание в органах внутренних дел, проблемы его совершенствования // Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел. М., 1988. С. 33.

Укажем еще на одно обстоятельство: штатные дознаватели, основные функции которых сводятся к проведению расследования в форме дознания, находятся в двойной подчиненности. Отношения с начальником подразделения дознания носят преимущественно процессуальный характер, предусмотренный ст. 40, 40[1], 41 и главой 32 УПК РФ, а с начальником органа дознания – организационно-служебные.

Как представляется, в УПК РФ должен быть перечень органов дознания, имеющих подразделения дознания и призванных в общегосударственном масштабе обнаруживать преступления в разных сферах. Такие подразделения должны располагать процессуальными возможностями установления, закрепления доказательств, задержания преступников[1].

Что касается органов дознания – должностных лиц, то таковых не должно быть, о каком таком органе может идти речь, если он не располагает ни силами, ни средствами. У командира воинской части нет подразделения дознания, нет штатных дознавателей. Какое качество проведения дознания можно ждать от офицера, назначенного для этого командирским приказом? Да и не призван он расследовать преступления.

[1] См.: Гуткин И. М. Вопросы совершенствования процессуального и организационного руководства в сфере дознания // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. М., 1984. С. 5.

П. А. Эдемский[1],
командир отделения факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Н. Ю. Емельянова[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПООЩРЕНИЕ ПРАВДИВЫХ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Одной из актуальных проблем на сегодняшний день, которую необходимо решить ученым-юристам и непосредственно самому законодателю, является проблема стимулирования правдивых показаний всех участников уголовного производства, так как в настоящее время участились случаи дачи заведомо ложных показаний не только подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступления, но также потерпевшими и свидетелями. Решение данного вопроса даст значительный «прорыв» в работе правоохранительных органов и позволит уполномоченным должностным лицам с большей точностью устанавливать все существенные обстоятельства уголовного дела, что поможет при вынесении справедливого решения.

Для преодоления лжи в показаниях участников уголовного судопроизводства необходимо создание определенного комплекса правовых мер, направленных на положительные последствия правового характера для лица, давшего правдивые показания по уголовному делу. Надо признать, что законодатель не закрепил такую меру поощрения, как смягчение наказания (п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 64 УК РФ). Не стоит забывать и о ст. 75 УК РФ, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Но данные правовые нормы закрепляют меры поощрительного характера для подозреваемого и обвиняемого, но есть ли какие-либо меры поощрения правдивых показаний, применяемые к свидетелю и потерпевшему?

---

[1] © Эдемский П. А., 2018.
[2] © Емельянова Н. Ю., 2018.

Отвечая на поставленный вопрос, стоит обратиться к мнению С. А. Новикова: «Свидетели обязаны давать правдивые показания по уголовному делу и в силу публичного характера уголовного процесса не вправе решать вопрос о даче показаний в зависимости от того, выиграют они этим для себя какие-либо поощрения, блага или нет. Это важнейшее условие беспрепятственного отправления правосудия, одна из главнейших гарантий точного установления обстоятельств совершенного преступления, а значит, и решения задач уголовного судопроизводства, справедливого разрешения дела. Свидетель, который правдиво рассказал все известное ему по уголовному делу и помог следователю и суду разобраться в произошедшем событии, вправе рассчитывать на общественное одобрение его поведения, испытывает чувство внутреннего удовлетворения»[1].

Трудно не согласиться с мнением ученого, так как российское законодательство не содержит каких-либо мер поощрения, направленных на стимулирование дачи правдивых показаний свидетелем. Единственное, о чем может идти речь, так это о положенном им возмещении расходов по явке к следователю и в суд, что устанавливается ст. 131 УПК РФ и постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 (ред. от 1 декабря 2016 г., с изм. от 10 июля 2017 г.) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации». Связано это с тем, что законодатель рассматривает дачу правдивых свидетельских показаний как прямую обязанность граждан, которая не предполагает какой-либо награды.

В то же время существует ряд федеральных законов, предусматривающий вознаграждение, выплаты и различные материальные стимулы лицам, сотрудничающими с правоохранительными органами и оказавшим им помощь в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших. Однако, в определенных ситуациях данных мер поощрения недостаточно и, по нашему мнению, законодателю следовало предусмотреть ряд нематериальных мер поощрений,

[1] Новиков С. А. О возможности поощрения правдивых показаний свидетелей // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 180–182.

ведь свидетелем может быть лицо, находившееся в статусе подозреваемого или обвиняемого. Речь здесь уже пойдет о даче такими свидетелями правдивых показаний в отношении иного преступления, в котором они лично не принимали участия. Хоть в преступном мире такие действия лица расцениваются как предательство, большинство преступников будут готовы сообщить о преступлении, если за это, например, им будет гарантировано снижение наказания за совершенное ими преступного деяния.

Подводя итог, хочется отметить необходимость разработки мер поощрительного характера, направленных на стимулирование дачи участниками уголовного судопроизводства правдивых свидетельских показаний.

С. В. Эсаулов[1],
заместитель начальника 2 отдела Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, которая имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, права и свободы человека признаны высшей ценностью государства. Положения указанного конституционного принципа в свою очередь нашли отражение в ст. 11 УПК РФ, в которой охрана прав и свобод человека и гражданина закреплена в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства[2].

Одним из способов охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе является применение в отношении участников уголовного судопроизводства мер безопасности.

Мерам безопасности, применяемым в рамках уголовного судопроизводства, посвящена часть третья указанной статьи, в которой содержатся отсылочная (адресует к другим правовым нормам, со-

---

[1] © Эсаулов С. В., 2018.

[2] Эсаулов С. В., Скороделова Е. И. К вопросу о правовом регулировании института государственной защиты в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 7. – С. 137.

держащимся в УПК РФ) и бланкетная (отсылает к другому федеральному закону) нормы.

Важно отметить, что в первоначальной редакции ст. 11 УПК РФ содержалась лишь отсылочная норма, в которой говорилось о мерах безопасности, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (использование псевдонима (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), а также проведение допроса судом без оглашения подлинных данных о личности свидетеля либо в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Данное обстоятельство обусловлено отсутствием в 2001 г. Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в котором определены перечень мер безопасности, основания и порядок их применения и отмены, полномочия должностных лиц, а также права и обязанности защищаемых лиц[1].

С принятием Федерального закона № 119-ФЗ начался новый этап в реализации принципа государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, заложенного в ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации[2]. Разработка и внедрение в правоприменительную практику нового для российского законодательства правового института внепроцессу-

---

[1] Согласно ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ в отношении защищаемого лица могут применяться следующие меры безопасности: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

В соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона № 119-ФЗ полномочия по принятию решений о применении мер безопасности отнесены к компетенции суда (судьи), начальника органа дознания, руководителя следственного органа, а также следователя.

[2] Ващенко О. Ю., Эсаулов С. В. Проблемы правового регулирования государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Вестник МВД России. – 2014. – № 2.

альной[1] государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства стали следствием сложной криминальной ситуации, сложившейся к моменту принятия Федерального закона № 119-ФЗ и осознания явной недостаточности уголовно-правовых и уголовно-процессуальных гарантий безопасности лиц, содействующих правосудию[2].

При этом лишь в 2009 г. одновременно с закреплением в УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве в целях повышения активности в раскрытии и расследовании «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений, на законодательном уровне урегулирована возможность привлечения правоохранительными органами к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты, предусмотренных Федеральным законом № 119-ФЗ. Данные нововведения были разработаны с учетом многолетнего положительного опыта применения аналогичных правовых институтов в других государствах и обусловлены необходимостью повышения эффективности противодействия организованным формам преступности[3].

Однако данная позиция поддерживается не всеми представителями научного сообщества. Так, С. С. Безруков подвергает сомнению необходимость включения в содержание принципов уголовного судопроизводства указанных положений, поскольку они, по большей части, выходят за пределы уголовно-процессуального регулирования[4].

---

[1] Большинством авторов меры безопасности классифицируются в целом одинаково и по одним основаниям. Так, предлагается деление мер безопасности на процессуальные и иные, непроцессуальные (внепроцессуальные) меры, то есть на те, которые предусмотрены ч. 3 ст. 11 УПК РФ, и те, которые предусмотрены иными нормативно-правовыми актами. В данной статье под внепроцессуальными мерами безопасности понимаются меры, предусмотренные в ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ.

[2] Мищенкова И. А. Защита свидетелей и потерпевших в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 114.

[3] Пояснительная записка к Федеральному закону от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (документ не публиковался).

[4] Безруков С. С. Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса // Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 28–35.

Анализируя высказанную С. С. Безруковым точку зрения, следует обратиться к понятию слова «принцип». Под принципом (от лат. principio – основа, начало) в общенаучном смысле принято понимать основное, исходное положение какой-либо теории, учения, главное правило деятельности[1]. Вопросам определения понятия принципа уголовного судопроизводства посвящены труды многих отечественных ученых, таких как М. С. Строговича, В. П. Божьева, А. Т. Боннера, А. М. Ларина, И. Л. Петрухина, Ю. И. Стецовского, Я. О. Мотовиловкера и многих других[2]. Вместе с тем, по нашему мнению, наиболее полное определение принципам уголовного судопроизводства, охватывающее практически все точки зрения по данному вопросу, выработал А. В. Гриненко. В своих трудах он охарактеризовал их как основы создания и направленности всей системы уголовно-процессуального права, которые наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуального законодательства и тесно связаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, являются общими для всех стадий процесса, а также, являясь нормативными образованиями высшей юридической силы, оказывают охранительное и регулятивное воздействие по отношению ко всем уголовно-процессуальным нормам[3].

Таким образом, мы видим, что содержание ст. 11 УПК РФ в части, касающейся нормативных предписаний, отсылающих к Федеральному закону № 119-ФЗ, полностью отвечает требованиям, предъявляемым к определению принципов уголовного судопроизводства, в связи с чем позиция С. С. Безрукова не может быть нами поддержана.

---

[1] См.: Словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1986. С. 409; Эсаулов С. В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 57.

[2] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса и принцип состязательности. М. : Юриздат, 1939. С. 206; Стецовский Ю. И., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М. : Наука, 1988. С. 10; Божьев В. П. Основные принципы уголовного судопроизводства // Советский уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М. : Юрид. лит., 1990. С. 25; Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М. : Российское право, 1992. С. 5; Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль : Яросл. Госуд. Ун-т, 1978. С. 22 и др.

[3] См.: Гриненко А. В. Конституционные основы досудебного уголовного процесса в Российской Федерации. М. : Компания Спутник +, 2000. С. 14–28.

Продолжая анализ положений уголовно-процессуального закона, следует отметить, что правовые нормы, определяющие возможность применения непроцессуальных мер безопасности, содержатся также и в других статьях УПК РФ (ст. 42, 56, 208, 213, 239, 313 и 317^9).

Так, в п. 21 ч. 2 ст. 42 и п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ содержатся нормативные предписания, предоставляющие право потерпевшему и свидетелю ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Как уже отмечалось, одновременно с внесением поправок в ч. 3 ст. 11 УПК РФ уголовно-процессуальный закон был дополнен новой гл. 40^1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», в состав которой вошла ст. 317^9, посвященная возможности применения процессуальных и непроцессуальных мер безопасности в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Вместе с тем особое внимание следует уделить ст. 313 УПК РФ, которая федеральными законами от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» и от 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты» сначала была дополнена новой ч. 2^1, закрепляющей обязанность суда после постановления приговора решить вопрос о дальнейшем применении мер безопасности, а в последующем, в 2017 г., – скорректирована по результатам анализа соответствующей правоприменительной практики.

Необходимость включения данной новеллы в уголовно-процессуальный закон обусловлена проблемами, возникавшими ранее у органов, осуществляющих меры безопасности[1], при применении мер безопасности в отношении осужденных после постановления приговора. Суть данной проблемы заключалась в том, что в большинстве случаев при постановлении приговора в отношении осужденного, являющегося защищаемым лицом, решение о дальнейшем применении мер безопасности или об их отмене не принималось, что влекло за собой нерацио-

[1] Под органами, осуществляющими меры безопасности в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 119-ФЗ понимаются МВД России, ФСБ России, ФСИН России, Минобороны России и ФТС России.

нальное использование сил и средств органов, осуществляющих меры безопасности, а также денежных средств, выделяемых в рамках Государственной программы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Дополнение ст. 313 УПК РФ новой ч. 2^1, а также ее корректировка свидетельствует о признании на законодательном уровне актуальности и важности проблем правового регулирования института государственной защиты в связи со все возрастающим количеством применяемых к защищаемым лицам мерам безопасности.

Следует отметить, что включение рассмотренной новеллы в положения уголовно-процессуального закона решило многие, но не все проблемы, возникающие в оперативно-служебной деятельности органов, осуществляющих меры безопасности.

Так, в 2017 г. уже упомянутым Федеральным законом от 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ в связи с неурегулированностью в уголовно-процессуальном законе отдельных вопросов применения мер безопасности при приостановлении предварительного следствия, прекращении уголовного дела и уголовного преследования дополнительно скорректированы ст. 208, 213 и 239 УПК РФ.

Проблемы правового регулирования, на решение которых направлены соответствующие изменения в УПК РФ, были обусловлены отсутствием нормативных предписаний в уголовно-процессуальном законе для должностных лиц, уполномоченных осуществлять производство по уголовному делу, принимать решение об отмене применяемых мер безопасности либо о дальнейшем их применении в случае приостановления производства по уголовному делу либо принятия решения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования.

В подобных ситуациях органы, осуществляющие меры безопасности, вынуждены были применять меры безопасности, в том числе в отношении лиц, которым никто не угрожает. Учитывая недостаточную штатную численность подразделений, непосредственно осуществляющих меры безопасности, а также то, что в большинстве случаев применяемые меры безопасности носят затратный характер, это приводило к нерациональному использованию человеческих и материальных ресурсов, выделяемых государством для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

При этом внесенными изменениями была обеспечена возможность оперативного реагирования на изменение обстановки и исключены си-

туации, вследствие которых органы, осуществляющие меры безопасности, вынуждены применять меры безопасности при отсутствии реальной угрозы защищаемому лицу, что в целом повысило эффективность института государственной защиты.

Проведенный анализ уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что в целом ряде статей УПК РФ затрагиваются вопросы применения непроцессуальных мер безопасности, а рассмотренные нами некоторые проблемы правового регулирования заставляют задуматься о необходимости более глубокой проработки и имплементации института государственной защиты в УПК РФ. Вместе с тем дальнейшее совершенствование УПК РФ в том числе по вопросам регламентации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве должно осуществляться исключительно после детальной проработки соответствующих изменений как среди представителей научного сообщества, так и специалистов-практиков.

Ю. П. Якубина[1],
доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ОСУЖДЕННЫЙ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

В уголовно-процессуальном законе закреплено, что обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденный.

В уголовно-процессуальной литературе распространено мнение, что осужденный, участвующий в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, по своему процессуальному положению является обвиняемым. При этом одни ученые считают, что осужденный сохраняет за собой статус обвиняемого[2]. Другие, признавая специфику материально-правового положения осужденного, в процессуальном плане фактически наделяют его или же высту-

[1] © Якубина Ю. П., 2018.

[2] Адаменко В. Д. Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. Кемерово, 1993. С. 120.

пают за предоставление ему такого статуса[1]. Во многом основу подобных взглядов закладывает уголовно-процессуальный закон, устанавливающий, что обвиняемый вправе участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 20 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Буквальное толкование приводимых норм действительно позволяет предположить, что осужденный, участвующий в данных производствах, по своему процессуальному положению продолжает оставаться обвиняемым. Вместе с тем приведенное предположение не является бесспорным.

Безусловно, процессуальное положение осужденного, участвующего в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, и обвиняемого имеют сходство, поскольку являются субъектами, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство.

В литературе выделяются два подхода к определению процессуального положения лица, в отношении которого ведется судопроизводство. Согласно первому, оно определяется его базовым отраслевым статусом, преломляющимся применительно к определенной стадии или уголовно-процессуальному производству[2]. Второй основывается на отрицании единого отраслевого статуса в уголовном судопроизводстве и признании за каждым участником процессуальной деятельности специального процессуального положения[3].

Опираясь на первую позицию, действительно, можно вести речь о том, что процессуальное положение осужденного в некотором роде обусловливается процессуальным статусом обвиняемого как основного участника со стороны защиты. Однако такой подход не может быть взят за основу при сопоставлении статусов участников различных производств. Отдельный предмет, специфика задач и содержания процессуальной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, приводят к тому, что у осужденного и обвиняемого наличествуют свои основания появления в процессе, различный объем процессуальных прав и обязанностей, и как результат – несовпадающая направленность процессуальной деятельности.

---

[1] Борисевич Г. Я. Обеспечение прав и законных интересов осужденного в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1986. С. 9.

[2] Корнуков В. М. Правовой статус личности в уголовном судопроизводстве // Проблемы правового статуса в уголовном процессе. Саратов, 1981. С. 40–42.

[3] Мартынчик Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. С. 11–12.

Основанием появления обвиняемого в уголовном судопроизводстве служит инкриминирование ему деяния, запрещенного уголовным законом, в то время как основание вхождения в процесс осужденного заключается появлении новых обстоятельств, связанных с отбыванием наказания. Лицо наделяется процессуальным статусом «обвиняемый» в результате вынесения соответствующего акта на основании предварительно установленных фактических данных, изобличающих его в совершении преступления, органами предварительного расследования. Процессуальный статус осужденного определяется в результате возбуждения соответствующего производства судьей на основании представленных им самим или специальным государственным органом (например, исправительным учреждением) документов, свидетельствующих о появлении новых обстоятельств, влияющих на дальнейшее отбывание наказания.

УПК РФ наделяет обвиняемого и осужденного различной совокупностью прав. Различный характер возможностей этих участников заключается, во-первых, в том, что они не дополняют и никаким иным образом не обусловливают друг друга. Основные процессуальные возможности обвиняемого неприменимы в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, так же как и некоторые права осужденного – в ходе процессуальной деятельности на стадии исполнения приговора. К примеру, едва ли можно вести речь об использовании в рассматриваемых производствах таких возможностей, как возражать против обвинения либо отказаться от дачи показаний, так же как проблематично говорить о том, что право осужденного давать объяснения в ходе судебного разбирательства вытекает из права обвиняемого давать показания.

Во-вторых, различно содержание этих прав. Анализ норм УПК РФ показывает, что права осужденного носят усеченный характер. Так, если в производстве по уголовному делу обвиняемый наделяется правом представлять доказательства на любой стадии судопроизводства (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), то в производстве по разрешению вопросов исполнения приговора осужденный имеет ограниченную возможность представления документов на стадии судебного разбирательства (ч. 3 ст. 399 УПК РФ).

Процессуальное положение этих участников судопроизводства обладает различной направленностью. По своему правовому положению обвиняемый является невиновным до момента признания его виновным

решением суда вступившим в законную силу. В отличие от обвиняемого, правовое положение осужденного определяется тем, что он испытывает на себе лишения и ограничения, наложенные на него приговором суда. В связи с этим его правовая позиция направлена не на сохранение статуса осужденного, а на освобождение от этих ограничений и лишений или их смягчение.

В процессуальном плане активность обвиняемого, как правило, носит ярко выраженный восстановительный характер, заключающийся в освобождении от любых форм уголовно-процессуального воздействия и стремлении как можно скорее покинуть уголовный процесс. В свою очередь, процессуальная активность осужденного, наоборот, заключается в стремлении войти в уголовный процесс с целью отстоять свое притязание на досрочное освобождение или иное изменение ранее назначенного наказания и с этих позиций может носить не только восстановительный, но и охранительный характер. Следовательно, правовое положение обвиняемого носит негативную направленность, а активность осужденного может обладать как негативным, так и позитивным характером.

Справедливо указывают ученые[1], что правовое положения участников стадии исполнения приговора регламентировано фрагментарно. Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката. Однако без внимания законодателя остались другие процессуальные права, которые осужденный может использовать на других этапах осуществления уголовно-процессуальных правовых отношений на данной стадии[2].

Таким образом, основания вступления в уголовное судопроизводство, объем процессуальных возможностей и направленность процессуальной деятельности не позволяют признать осужденного, участвующего в производстве по разрешению вопросов исполнения приговора, обвиняемым.

В. Корниенко указывает, если считать, что права осужденного при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, установ-

---

[1] Овсянников И. В. Правовое положение участников стадии исполнения приговора нуждается в совершенствовании // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. С. 155.

[2] Сурин В. В. Правовое положение участников стадии исполнения приговора // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. С. 189.

ленные в ч. 3 ст. 399 УПК РФ, являются исчерпывающими, то необходимо признать, что в судебном разбирательстве, носящем публичный, состязательный и равноправный для сторон характер, осужденный не имеет прав, которые в соответствии с ч. 4 ст. 47 УПК РФ предоставлены обвиняемому[1].

Стоит отметить, что свой статус осужденного он приобретает после провозглашения обвинительного приговора. Приобретая статус осужденного, лицо наделяется определенным набором прав и обязанностей, закрепленных в соответствующих правовых нормах. Правовой статус осужденных закреплен в УИК РФ, он регламентирует права и обязанности осужденного во время отбывания наказания, в частности в ст. 12 УИК РФ закрепляет основные права осужденных. Очевидно, что общий правовой статус осужденного закрепленный в уголовно-исполнительном законодательстве не регламентирует права и обязанности осужденного в стадии исполнения приговора с точки зрения уголовного процесса[2].

Из вышеизложенного становится очевидным, что необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе правовое положение осужденного, основания и порядок участия на стадии исполнения приговора. С учетом тесной связи правовых интересов осужденного с судебным производством по разрешению вопросов при исполнении приговора представляется целесообразно нормы, регламентирующие правовое положение осужденного, включить в уголовно-процессуальный кодекс. На наш взгляд, нормы о правовом статусе осужденного необходимо прописать в отдельной статье и включить ее в гл. 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» разд. 14 «Исполнение приговора» УПК РФ.

---

[1] Корниенко В. Право осужденного на защиту при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовное право. – 2006. – № 3.

[2] Сыч В. К. Осужденный как участник стадии исполнения приговора // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. С. 233.

В. Ю. Яргутова[1],
преподаватель кафедры судебной бухгалтерии
и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА В СВЕТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В настоящее время в УПК РФ выделены две фигуры участников уголовного судопроизводства, обладающих специальными знаниями, – специалист и эксперт. Данные фигуры имеют особую значимость, поскольку в современных условиях в связи с интенсивным развитием новых технологий и достижениями научно-технического прогресса выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере экономики не обходится без использования специальных знаний.

В качестве специалиста законодатель определил лицо, обладающее специальными знаниями, которое привлекается к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Теперь право обращаться к лицам, обладающим специальными знаниями, приобрели и такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевший, обвиняемый, защитник.

Экспертом законодатель определил лицо, которое обладает специальными знаниями и назначается в порядке, установленном Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Если деятельность эксперта строго регламентирована законодательством (УПК РФ, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), то в отношении специалиста совершенно иная ситуация.

Первоначально нам необходимо ответить на вопрос, каким образом происходит привлечение специалиста к участию в процессуальных действиях. Обратившись к ч. 1 ст. 58 УПК РФ, мы констатируем, что законодатель не счел нужным прямо указать на алгоритм действий, ограничившись лишь следующей фразой «в порядке, установленном настоя-

[1] © Яргутова В. Ю., 2018.

щим Кодексом». Следующая же часть той же статьи уточняет, что вызов специалиста определяется ст. 168 и 270 УПК РФ. Однако при обращении к упомянутым статьям мы видим, что ст. 168 УПК РФ разъясняет лишь правила привлечения следователем специалиста к участию в следственном действии, а ст. 270 УПК РФ регулирует участие специалиста в судебном разбирательстве.

Основываясь на нормах УПК РФ и учитывая имеющиеся пробелы, автор придерживается той позиции, что специалистом лицо, обладающее специальными знаниями, становится сразу после приглашения его следователем (дознавателем и др.) для участия в этом качестве при производстве осмотра, обыска, выемки, проверки показаний на месте или иного процессуального действия и привлечение указанных лиц к участию в процессуальном действии может быть осуществлено как по устному, так и по письменному требованию.

Далее нам необходимо ответить на другой вопрос, кто имеет право привлечь специалиста к участию в процессуальных действиях. Поиск ответа на данный вопрос, обозначил еще один пробел в УПК РФ: в ст. 58 не говорится о том, кто имеет право привлечь лицо в качестве специалиста для участия в осуществлении процессуальных действий. Однако, проведенный нами анализ норм законодательства позволил остановиться на следующих участниках уголовного судопроизводства, имеющих право привлечь лицо в качестве специалиста: следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель (член) следственной группы, начальник следственного отдела, прокурор, суд, судья и защитник. К тому же, мы смогли выявить и обозначить следующую проблему: несмотря на то, что право привлечь специалиста имеет защитник (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), в уголовно-процессуальном законодательстве не заложен механизм реализации указанного правомочия, что вызывает определенные сложности в правоприменительной деятельности, неоднозначное толкование соответствующих норм, последствий обращения защитника к такому лицу, юридической силы полученных от него сведений, документов.

А теперь, чтобы детально осуществить анализ, обратимся к дефинициям терминов «заключение эксперта», «заключение специалиста», обозначенным в УПК РФ. То обстоятельство, что заключение эксперта, как мы увидели, определяется в законе как результат исследования и ответы на поставленные вопросы, а заключение специалиста как его суждение по поставленным вопросам, сразу же стало предметом спора о природе (сущности) заключения специалиста.

Из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» мы сразу обозначим следующую позицию Верховного Суда Российской Федерации, которая заключается в следующем: заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, также как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу. Но при этом следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами, вследствие чего, в случае необходимости проведения объективного исследования должна быть произведена судебная экспертиза.

Как мы видим, только термин «суждение» разграничивает заключения специалиста и эксперта согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, однако окончательный ответ на вопрос, в чем разница между данными доказательствами, мы не найдем.

На наш взгляд, специалисты, отвечая на поставленные перед ними вопросы, проводят исследование. В подтверждении сказанного, автору с учетом специфики своей практической деятельности хотелось бы привести правоприменительную практику подразделений ЭБиПК МВД России. Проведя анализ заключений специалиста, справок об исследовании документов, подготавливаемых специалистами-ревизорами данных подразделений, мы обнаружили, что по форме они идентичны – также содержат общую, описательную, заключительную (итоговую) часть, единственное отличие – основания проведения исследования документов. Наряду с обозначенным анализом, был осуществлен анализ отдельных заключений экспертов, как вывод, во всех этих документах, независимо от их названия, проводилось именно исследование документов.

Однако отсутствие в УПК РФ указаний на форму заключения специалиста (оно дается в произвольной форме) приводит к тому, что суды не считают данное заключение допустимым доказательством и назначают экспертизу. Данный факт подтверждается результатами проведенного автором анкетирования следователей, оперативных сотрудников, экспертов.

В качестве примера положительной законотворческой практики хотелось бы привести УПК Республики Казахстан[1], в котором мы видим не только отнесение заключений и показаний специалиста к до-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26 июля 2016 г.).

казательствам, но и конкретное описание порядка оформления данных заключений.

Не можем мы оставить без внимания позицию законодателя, благодаря которой в Российской Федерации (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ) появилась такая форма предварительного расследования, как «сокращенное дознание». Дознаватель получил право не назначать экспертизу по вопросам, «ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении» (п. 3. ч. 3 ст. 226^5 УПК РФ). То есть, как мы видим, можно утвердительно сказать, что спустя несколько лет, законодатель, все-таки определил заключение специалиста как результат исследования.

По мнению автора, нельзя считать заключение специалиста достоверным, если в таком заключении нет изложения исследования, приведшего к сформулированному суждению. В данном заключении должны быть изложены все этапы проведенного исследования.

Необходимо обозначить имеющиеся еще отличительные особенности данных заключений: наличие заключения эксперта может служить поводом для допроса лица, проводившего исследование в качестве эксперта, что касается допроса специалиста, то он не зависит от наличия или отсутствия заключения.

Уголовно-процессуальным законодательством установлено проведение экспертом полного исследования представленного объекта с использованием специализированных методик (п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ). Использование специализированных методик специалистами законодательно не регламентировано.

Статья 307 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показания эксперта, показания специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо при производстве предварительного расследования.

Таким образом, уголовная ответственность за заведомо ложное заключение установлена лишь в отношении заключения эксперта. Для того, чтобы специалист добросовестно выполнял свои обязанности, необходимы соответствующие процессуальные и материально-правовые гарантии: необходимо внести в ст. 307 УК РФ дополнения, предусматривающие ответственность специалиста за дачу заведомо ложного заключения (так как в статье говорится только о заведомо ложных показаниях специалиста).

Озвученные пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве важно не только обозначить, но и устранить для того, чтобы роль специалиста была правильно понята. Как говорила Н. П. Майлис о редакции ч. 1 ст. 58 УПК РФ, «закон должен быть не только лаконичен, понятен для всех участников процесса, но, главное, формулировки его должны толковаться однозначно. В данном случае такая однозначность отсутствует»[1].

Таким образом, принципиальных различий в существе разрешаемых вопросов специалистом и экспертом нет. Мы считаем ошибочным мнение о том, что заключение эксперта должно содержать результаты исследования и выводы, а заключение специалиста – это только суждение лица, обладающего специальными знаниями. Чтобы исключить неоднозначность в данных определениях, на законодательном уровне необходимо определить заключение специалиста через термин «исследование», что будет способствовать однозначному определению данного вида доказательств.

[1] Майлис Н. П. Проблемы законодательного регулирования участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – проблемы практической реализации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2002.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

материалы второй Всероссийской научно-практической конференции

30 ноября 2017 г.

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора О. В. Химичевой

Компьютерная верстка *Трушкиной М. А., Усковой М. А.*
Усл.-печ. л. 16,6

Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.
Подписано к изданию 25.05.2018 г.

ISBN 978-5-9694-0524-0

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.